



ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 21, 2026

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2026

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

*Забияко
Анна Анатольевна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Егоров
Константин Борисович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Меҳриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

**HUMANITARIAN STUDIES.
HISTORY AND PHILOLOGY**

No. 21, 2026



**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

Ivashkevich Ph.D. (Philology), Associate Professor
Irina Nikolaevna (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 7–21.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 7-21.

Научная статья

УДК 903

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-7-21

СЛИТКИ-ДРОТЫ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.

Анастасия Леонидовна Белицкая

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия,
belitskaia522@yandex.ru

Аннотация. В данной работе представлены результаты исследования такой категории инвентаря как слитки из цветного металла. В историографии они также известны как «дроты». На европейском Северо-Востоке их найдено 15 экземпляров, которые происходят из шести курганных могильников и одного поселения. В могильниках они находились на дне, в составе жертвенных комплексов, или в руках умерших. Исключение составляют предметы Эжольского могильника, найденные в грабительских ходах. Такое положение говорит о том, что дроты были личной собственностью умерших. Часть слитков помещена в меховые футляры. Изучение их физических параметров, а также химического состава сплавов металла показывает, что часть изделий принесена с территории именьковской культуры. В частности, некоторые слитки с треугольным поперечным сечением, которые преобладают на памятниках европейского Северо-Востока, а в соседних культурах не встречаются, могли быть изготовлены на Щербетьевском I селище. Слитки Щербетьевского I селища сделаны из латуни. Часть рассматриваемых нами – также латунные. Не исключено, что другие слитки изготовлены на европейском Северо-Востоке, о чём говорят находки двух литейных форм. Функционально дроты представляют собой заготовки-полуфабрикаты для отливки вещей. Об этом свидетельствуют две половинки дров, части которых могли быть использованы для литья. Транспортировка металла в виде слитков была наиболее удобной для мигрантов, двигавшихся вверх по Каме на европейский Северо-Восток через территорию мазунинской и ломоватовской культур. Время функционирования дров на европейском Северо-Востоке – VI–VIII вв., они появляются и исчезают вместе с носителями курганного обряда погребения.

Ключевые слова: слиток из цветного металла, дрот, латунь, бронза, европейский Северо-Восток, курганные могильники.

Информация о финансировании: Исследование выполнено в рамках госзадания на 2026–2030 гг. Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, по теме НИР «Выявление, изучения и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины» (№ ГР 1023032400490-4-6.1.2).

Для цитирования: Белицкая А. Л. Слитки-дроты из цветного металла на европейском северо-востоке во второй половине I тыс. н. э. // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 7–21. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-7-21>

Original article

NON-FERROUS METAL INGOTS AND DARTS IN THE EUROPEAN NORTHEAST IN THE SECOND HALF OF THE FIRST THOUSAND YEARS

Anastasia L. Belitskaia

Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS, belitskaia522@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a study of such a category of inventory as non-ferrous metal ingots. In historiography, they are also known as «darts». In the European Northeast, 15 specimens have been found, which originate from six burial mounds and one settlement. In the burial grounds, they were at the bottom, as part of sacrificial complexes, or in the hands of the dead. This situation suggests that the darts were the personal property of the deceased. The exception is the objects of the Ezholsky burial ground, found in predatory passages. Some of the ingots were placed in fur cases. The study of their physical parameters, as well as the chemical composition of metal alloys, shows that some of the products were brought from the territory of the Imenkovo culture. In particular, some ingots with a triangular cross-section could have been made at the settlement Shcherbetyevsky I. They predominate on the monuments of the European Northeast, but are not found in neighboring cultures. The ingots of the Shcherbetyevsky I settlement are made of brass. Some of the ones we are considering are also brass. It is possible that other ingots were made in the European Northeast, as indicated by the findings of two molds. Functionally, darts are semi-finished products for making things. This is evidenced by the two halves of the darts, parts of which could be used for casting. The transportation of metal in the form of ingots was the most convenient for migrants moving up the Kama River to the European Northeast through the territory of the Mazunino and Lomovatovo cultures. The period of the darts' functioning in the European Northeast is the VI–VIII centuries, they appear and disappear together with the bearers of the burial rite.

Keywords: non-ferrous metal ingot, dart, brass, bronze, European Northeast, burial mounds

Funding information: The study was carried out within the framework of the state assignment for 2026–2030 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, on the research topic “Identification, study and preservation of the archaeological heritage of the north-east of the Russian Plain” (No. GR 1023032400490-4-6.1.2).

For citation: Belitskaia A. L. Non-ferrous metal ingots and darts in the European Northeast in the second half of the first thousand years. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:7-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-7-21>

Введение

Не будет преувеличением сказать, что события первой половины – середины I тыс. н. э. вызвали изменения в жизни большей части населения Евразии. Их масштаб зависел от региона: в Европе в результате ВПН прекратила своё существование Западная Римская империя, а вместе с ней и эпоха античности. На такой отдалённой периферии как ЕСВ потрясения оказались не столь глобальны. Здесь тоже происходит смена исторических этапов: ранний железный век сменяется поздним, но, как и в Прикамье, своеобразие периода определяется хронологическими изменениями, влиянием извне, а не сменой общественно-экономического уклада [Голдина 2004: 226], что находит отражение в развитии элементов материальной культуры. Происходит приток в регион иноэтничного населения, которое принесло с собой новые знания в области обработки металла. Материальная и духовная культура пришельцев резко контрастировали с культурой местных позднегладеновских и позднебичевнических племён. Их «визитной карточкой» стали невысокие курганы, которые они возводили над погребениями.

В настоящее время на ЕСВ известно восемь могильников с курганными насыпями, время их функционирования охватывает вторую половину V – начало VIII вв. Погребальный инвентарь изобилует металлическими вещами, среди которых есть такая категория как дроты. Конкретного определения в научной литературе у этих предметов нет. К дротам относят металлические стержни треугольного, овального, трапециевидного или прямоугольного поперечного сечения длиной от 6 до 25 см, встречающиеся на памятниках, связанных с эпохой ВПН. Они известны не только на ЕСВ, но и на сопредельных территориях, однако состояние исследованности этой категории инвентаря остаётся недостаточным. Исчерпывающая публикация сделана только для дротов мазунинской культуры [Сабилова 2018]. Все остальные авторы ограничиваются в своих работах либо упоминанием факта их наличия, либо дают очень краткие описания, аналитическая составляющая, как правило, отсутствует.

Сложившая в историографии, достаточно однозначная, точка зрения на назначение дровов опирается на работы А. Г. Мухамадиева [Мухамадиев 1984]. Он высказал мнение, что это первые товаро-деньги, распространившиеся в III–VII вв. вместе с курганными могильниками в Поволжье и Прикамье в связи с гуннским нашествием. Была даже предложена привязка их веса к сасанидской драхме.

В качестве аргумента к этому разные авторы ссылаются на материалы Щербетьевского I селища с «кладом» дровов. С первым тезисом о распространении дровов в результате событий IV в. и массовой миграции населения, нельзя не согласиться. Второй тезис был критически осмыслен Л. А. Вязовым [Вязов 2012] и нужно признать верность выводов автора о его ошибочности. В. И. Сидоров и П. Н. Старостин, называя скопление слитков «кладом», указывают, что они были *собраны на площади 10x8 кв. м.* (курсив мой) [Сидоров, Старостин 1970: 235]. Указывая, что это «клад сырья», вероятно, авторы публикации подразумевали разрушенный склад литейной мастерской по их изготовлению. Сведений о компактности залегания вещей нет.

П. А. Орехов на первый план поставил функциональное назначение бронзовых слитков как исходного сырья-полуфабрикатов, не отрицая при этом их роли как средства обмена. В качестве источника появления слитков из цветного металла на территории Прикамья П. А. Орехов, вслед за А. Г. Мухамадиевым, со ссылкой на щербетьевские материалы, указывает территорию именьковской культуры [Орехов 2006: 47–56].

В целом, функционирование слитков из цветного металла в разных регионах – единое хронологическое и культурное явление, связанное с событиями эпохи ВПН. Поэтому изучение дровов ЕСВ и их включение в корпус опубликованных данных кажется важной задачей на пути решения ключевых вопросов появления и функционирования курганных могильников региона. Вместе с тем, вещи отдельных памятников обладают своеобразием, которое может быть связано с какими-либо локальными особенностями.

Основная часть

На территории ЕСВ дровы найдены на шести из восьми раскопанных курганных могильников и одном поселении¹, каменные литейные формы для их производства – на Ибском поселении и Ёвдинском могильнике (рис. 1).

Последние представляют собой изложницы, обе расколоты. Фрагмент ибской больше – он имеет форму прямоугольника со скруглёнными углами с парой желобов с округлыми торцами, квадратных в поперечном сечении. Размеры сохранившейся части желобов – 12,5x0,8–1x0,8 см. Размеры сохранившейся части ёвдинской формы невелики – 8,3x6 см, размеры желобка – 5x1,1 см [Белицкая 2020: 22].

Находки литейных форм в Вятско-Камском междуречье немногочисленны: одна, глиняная, найдена на Ширковском селище [Перескоков 2018: 81], фрагменты ещё двух, с подквадратными в поперечном сечении желобами, на Еманаевском городище [Лещинская 1988: 94]. Они предназначены для изготовления одного дрота. Литейная форма для пары прямоугольных дровов найдена на Кузебаевском I городище, однако материал её изготовления неясен [Орехов 2006: 49].

Общее количество дровов, найденных на ЕСВ – 15; их характеристика дана в таблице 1. Размеры целых дровов колеблются в пределах 13–20x0,5–1,1x0,5–1,1 см, вес – 25–72 гр. Выделяются слитки прямоугольного (3 экз.), треугольного (8 экз.), трапециевидного (2 экз.) и округлого сечения (2 экз.). Два слитка представляют собой половинки изделий. На ЕСВ преобладают дровы длиной 13–16 см, треугольные в поперечном сечении. Все погребения с ними содержали значительное количество инвентаря, как мужского, так и женского, в том числе жертвенные комплексы.

¹ Выражаю благодарность д.и.н., г.н.с. ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Э. А. Савельевой, зам. директора НМРК Т. Ю. Туркиной и к.и.н. А. Л. Багину за возможность публикации экземпляров Веслянского I, Эжольского и Сэбысьского могильников. Также большое спасибо к.и.н., зав. отделом археологии ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН И. О. Васкулу и зав. сектором документальных источников отдела фондов НМРК С. А. Родову за ценную информацию об одном из веслянских экземпляров.

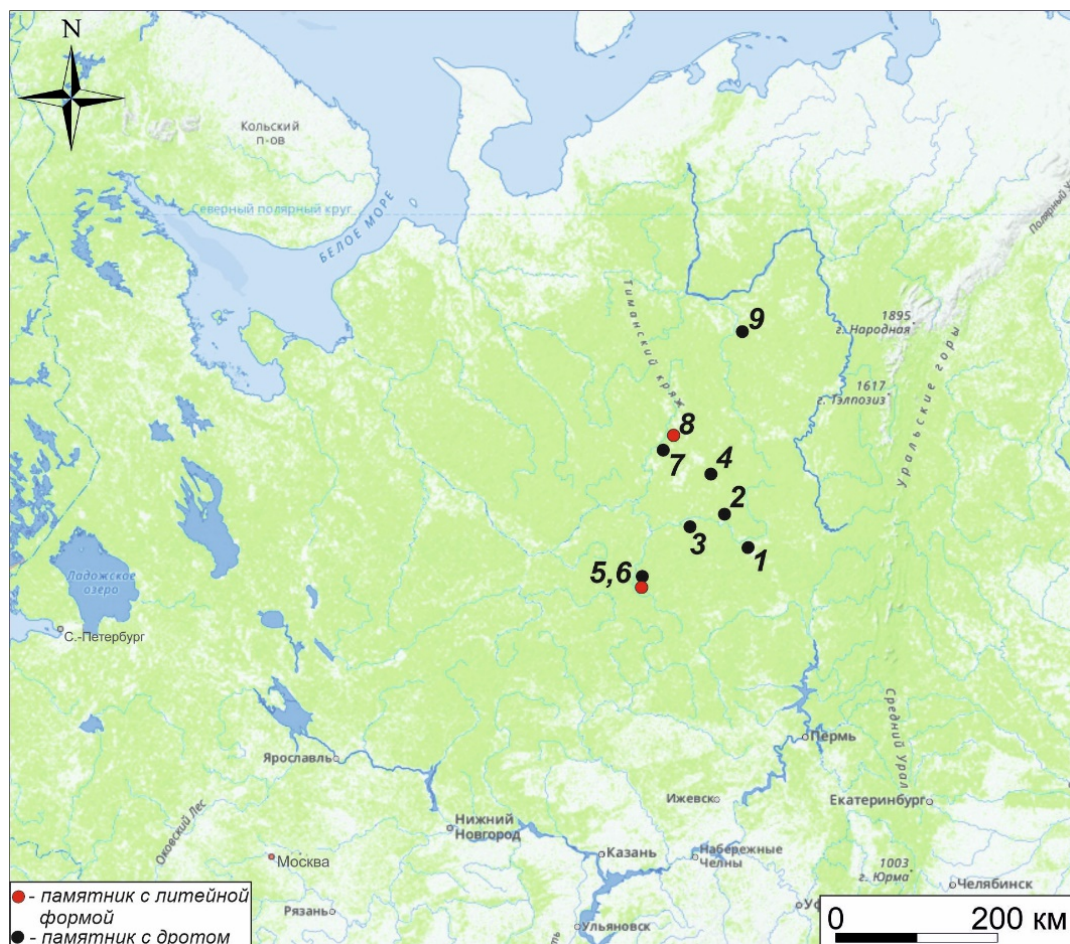


Рис. 1. Памятники европейского Северо-Востока, на которых найдены дроты и литейные формы для их изготовления.

1 – *Вомыньягский м-к*; 2 – *Эжольский м-к*; 3 – *поселение Угдым IV*;
4 – *Борганьёльский м-к*; 5 – *Ибское поселение*; 6 – *Шойнаягский м-к*;
7 – *Веслянский I м-к*; 8 – *Ёвдинский м-к*; 9 – *Сэбысьский м-к*

Таблица 1. Характеристика дротов второй половины I тыс. н. э. с памятников европейского Северо-Востока

Памятник, датировка	Место-нахождение	Сопровождающий инвентарь	Форма / Поперечное сечение	Размеры (см) Вес (гр.)	Сплав
Сэбысьский могильник, V–VI вв.	П/м	–	Прямоугольная / Подквадратное	18,5x0,7x0,6 * 50,3	Много-компонентная латунь (Cu+Zn+Sn+Pb (?))
Веслянский I могильник, VI – нач. VIII вв.	Погр. 2 В заполнении, в изголовье слева	Сердоликовая бусина, ремень	Прямоугольная / Трапецевидное	16,5x1x0,9	–
	Погр. 11 На дне в центре, слева	Ж.к, украшения, два кинжала в ножнах, полихромные пряжки	Прямоугольная / Треугольное	14,6x1,1x0,9 * 72,05	–
	Погр. 11 На дне в центре, справа, в футляре	Ж.к, украшения, 2 кинжала в ножнах, полихромная пряжка	Прямоугольная / Треугольное	14,5x1,0x1,1 * 75,09	–

Памятник, датировка	Место- нахождение	Сопровождающий инвентарь	Форма / Поперечное сечение	Размеры (см) Вес (гр.)	Сплав
	Погр. 13 На дне в центре	Пластинчатая гривна, нож, пряжки	Прямоугольная / Треугольное	13,0x1,0x0, 6 * 44,36	–
	Погр. 14 На дне в центре	Ж.к., наглазник, кинжал в ножнах, ножны, зооморфные пронизки, пряжки, мотыга (?)	Прямоугольная / Трапецевидное	6,3x1,1x0,7 * 26,6	–
	Погр. 24(?)	Деревянная чаша с зооморфной ручкой, поясной набор	Прямоугольная / Подквадратное	19,7x0,6x0, 6 * 44,78	–
Шойнаягский могильник, вторая половина V–VI вв.	Погр. 1/IV, на дне в центре	Ж.к., бусы, обувная пряжка, поясной набор, нож	Прямоугольная / Треугольное	20,8x0,9x0, 7 * 75,63	–
	Погр. 1/XI, на дне в центре, завёрнут в мех	–	Прямоугольная / Треугольное	16x1,0x0,8 * 62,03	–
Борганьёльский могильник, VI–VII в.	Погр. 1/X, в правой руке, лежащей на бедре	–	Прямоугольная / Треугольное	13,2x1,0x0, 7 * 35,6	Трёхкомпонен тная латунь (Cu+Zn+Pb)
	Погр. 3/XXIV (северное), в центре, в руке в меховом фугляре	Обломки бляхи(?), поясной набор, наглазник, наротник	Прямоугольная / Треугольное	16,7x0,8x0, 6 * 53,45	Оловянистая (свинцово– оловянистая) бронза (Cu+Sn+(Pb))
Эжольский могильник, V–VI вв.	Кург. IV, рядом с канавкой	–	Прямоугольная со скруглёнными краями / Овальное	13,7x1,0x1, 0 * 55	–
	Кург. VII, в заполнении грабительской ямы, врезанной в канавку, вертикально	–	Прямоугольная со скруглёнными краями / Овальное	13,0x1,1x0, 7 * 61,84	–
Вомыньягский могильник, V–VI вв.	Погр. 2/I, на дне в центре, в правой руке	Кинжал, поясной набор, обувные пряжки, два ножа	Прямоугольная / Треугольное	16,1x0,5x0, 5 * 25,3	Трёхкомпонен тная латунь (Cu+Zn+Pb)
Поселение Угдым IV, VI–IX вв.	Рядом с кострищем № 1	–	Прямоугольная / Прямоугольная	8,3x1,0x0,5 * 23,7	–

На **Сэбысьском могильнике** подквадратный в поперечном сечении дрот (рис. 2.1) представляет собой подъемный материал – он был найден на тропе в ходе разведки 2003 г. Тропа проходит в восточной части памятника, где расположены более поздние по времени могилы. Размерами он совпадает с желобками литейной формы Ибского поселения. В качестве гипотезы можно предположить, что он отлит в этой форме или аналогичной ей.

Было проведено предварительное исследование химического состава сплава сэбысьского дрота с помощью рентгенофлуоресцентного анализа (РФА с использованием портативного спектрометра Bruker S1)¹. Данные представлены в таблице 2.

¹ Выражаю признательность к. и.н., с. н. с. Пермского ФИЦ УрО РАН Ю. А. Подосёновой за проведённый анализ химического состава сплава сэбысьского дрота и его интерпретацию.

Таблица 2. Химический состав сплава металла дрота Сэбысьского могильника.

Химический элемент	Проба 2	Проба 3	Усреднённые данные*
Cu	86,30	81,80	84,05
Zn	1,28	1,31	1,3
Sn	10,20	12,0	11,1
Pb	0,62	1,43	1,03
Fe	0,51	2,39	1,45
Ni	0,24	-	0,12
As	0,83	1,15	0,99

*данные округлялись до сотых после запятой

Всего осуществлялось четыре замера, три из которых показали схожие данные. Анализ выполнялся по двум пробам, время накопления спектра 30–60 сек, полученные данные усреднялись. В связи с тем, что предмет находится в Государственном музейном фонде РФ, во избежание изменения его сохранности, механической и химической очистки металла не проводилось, анализ производился по поверхности изделия. Выбранный малоинвазивный метод может повлиять на корректность количественных показателей, однако основные составляющие типа сплава не вызывают сомнения. Дрот выполнен из сплава Cu-Sn-Zn-Pb(?) (многокомпонентная латунь). Как показывает практика, повышенное содержание таких элементов как Fe, As, Ni, Sb в изделиях этого времени – чаще всего показатели «загрязненности» металла, при глубокой зачистке их содержание сокращается до нуля.



Рис. 2. Металлические слитки-дроты памятников европейского Северо-Востока. Сэбысьский могильник: 1 – н/м (МА ИЯЛИ КП-1454/1); Шойнаягский могильник: 2 – погр. 1/IV (НМРК КП-10179/40), 3 – погр. 1/X (НМРК КП-10179/26); Боргангёльский могильник: 4 – погр. 1/X (МА ИЯЛИ КП-1061/107), 5 – погр. 3/XXIV (МА ИЯЛИ КП-1076/132); поселение Угдым IV: 6 – кострище № 1 (МА ИЯЛИ КП-1209/83); Эжольский могильник: 7 – кург. IV, канавка (МА ИЯЛИ КП-1610/127); 8 – кург. VII, канавка (МА ИЯЛИ КП-1610/128); Вомынъягский могильник: 9 – погр. 1/I (МА ИЯЛИ КП-1274/11)

На **Веслянском I могильнике** найдено наибольшее на ЕСВ количество дров – шесть. Они различны: один, с квадратным поперечным сечением, имеет бóльшую длину и меньший вес (рис. 3.2), чем четыре других (рис. 3.3-6), один из которых разрублен примерно напополам (рис. 3.6). Последние, с треугольным поперечным сечением, короче, но тяжелее. Ещё один, с трапециевидным поперечным сечением, отличается цветом (рис. 3.1), что позволяет предполагать иной состав металла/сплава, чем у остальных слитков.

Белёсый слиток был найден в заполнении погр. 2, в изголовье, во время разведочных работ 1961 г. К сожалению, шурфы этого года на общем ситуационном плане 1974 г. не отмечены, поэтому местоположение погр. 2 относительно других объектов достоверно неизвестно.

Более короткие слитки найдены в погребениях центральной части памятника (два в погр. 11); судя по наличию в них пряжек в полихромном стиле – это группа ранних могил Весляны I. Два погребения содержали жертвенные комплексы, а в целом, все захоронения с дротами имели богатый погребальный инвентарь.

Положение слитка с подквадратным сечением неясно, в отчёте 1974 г. упоминание о нём отсутствует. Судя по нумерации рисунков из альбома иллюстраций, он может происходить из погр. 24, известного находкой чаши из капа с ручкой в виде медведя. Подобная ей была найдена в погр. 1/26 Верх-Саинского могильника, бартымской стадии неволинской культуры, датируемой концом VI–VII вв.

Различия в морфологии предметов позволяют говорить, что четыре коротких дрота изготовлены в одной литейной форме, вероятно, одномоментно, два других – другим мастером и/или в другое время. Нужно отметить сильное сходство дрота с квадратным сечением с сзбысьским.

На **Шойнаягском могильнике** дроты представлены двумя экземплярами с треугольным сечением, из погр. 1/IV¹ и погребения под кург. XI. Слитки различны по длине: один длиннее другого на 5 см (рис. 2.2, 3).

Погребение кург. XI было полностью разрушено, погр. 1/IV, как и веслянские, содержало жертвенный комплекс, и было более богатым, чем большинство захоронений некрополя.

На **Борганьёльском могильнике** дроты также найдены в двух погребениях, одно из которых детское, зажатые в руках умерших. Оба слитка с треугольным поперечным сечением, но один длиннее другого на 4 см; вес также различается. Их химический состав был определён: короткий (рис. 2.4), из погр. 1/X – латунный, длинный (рис. 2.5), из погр. 3/XXIV – из многокомпонентного сплава, оловянистой или свинцово-оловянистой бронзы [Ашихмина, Филиппов 2005]. Латунный слиток аналогичен по размерам веслянским, бронзовый схож с вомыньягским, но шире последнего.

На **Вомыньягском могильнике** найден один экземпляр, также треугольный в поперечном сечении, но отличающийся от всех остальных меньшей шириной – 0,5 см (рис. 2.9). Как и на Борганьёле, он был зажат в правой руке умершего. Захоронение содержало погребальный инвентарь характерный для мужских погребений. Химический состав сплава дрота, как и на Борганьёле, – многокомпонентная латунь [Ашихмина, Филиппов 2005].

Два дрота **Эжольского могильника** практически идентичны между собой, но отличаются от всех остальных округлым поперечным сечением (рис. 2.7, 8). При длине 13–14 см они имеют значительный вес, сопоставимый с самыми длинными экземплярами других могильников – 55 и 62 гр. Местонахождение их тоже отличается: эжольские дроты обнаружены не в погребениях, а в грабительских вкопах в насыпь, причём один был воткнут вертикально в землю.

Один дрот происходит с **поселения Угдым IV**. Своими размерами, формой и поперечным сечением он отличается от всех остальных (рис. 2.6), что позволяет предположить его местное происхождение, хотя литейная форма, несмотря на

¹ Здесь и далее: № погребения/№ кургана.

многочисленные свидетельства металлообработки на памятниках Угдымского археологического микрорайона, не была найдена [Королёв 2002]. Датировка поселения Угдым IV определена автором раскопок, К. С. Королёвым, в рамках VII–IX вв., однако наличие керамики с двузубым штампом [там же: 32], которую Г. М. Буров относил к среднему периоду ванвиздинской культуры (VI–VII вв.) [Буров 1967: 145], и сердоликовых бусин позволяет предполагать начало функционирования памятника в VI в. н. э.

Сердоликовые бусины – обломок розового цвета и целая оранжевая, зонные, неорнаментированные, что затрудняет поиск аналогий и определение узких хронологических рамок использования. Подобные экземпляры типов V.1A1a и V.1A1б по Р. Р. Руслановой, датируемые V–VIII вв., есть в погребениях могильников уфимско-бельского междуречья [Русланова 2018: 140]. В этом регионе количество сердоликовых бус невелико, гораздо большее количество экземпляров найдено на территории неволинской культуры, куда, по мнению исследователей, по Степному торговому пути шёл импорт из Передней Азии [там же: 66–67]. Е. В. Голдина неволинские сердоликовые шарообразные и зонные бусы относит к предметам широкого бытования, распространенным в VI–IX вв. Аналогии им находятся на памятниках Северного Кавказа этого времени, что она объясняет их вероятным местным происхождением [Голдина 2010: 61]. Кроме того, угдымские бусы имеют сходство с античными экземплярами Северного Причерноморья типа 2а по Е. М. Алексеевой [Алексеева 1982: 91, табл. 38.17, 18], которые появляются в эпоху эллинизма и распространяются повсеместно в римское время, в I–II вв. К III-му веку их поступление в Северное Причерноморье затухает, но завезённые ранее продолжают использоваться [там же: 14–15].



Рис. 3. Металлические слитки-дроты Веслянского I могильника.
1 – погр. 2 (НМРК КП-4828/2-36); 2 – погр. 24(?) (МАЭ СГУ, б/н) 3, 4 – погр. 11 (МАЭ СГУ, б/н), 5 – погр. 13 (МАЭ СГУ КП-3/237); 6 – погр. 14 (МАЭ СГУ КП-3/258)

Таким образом, предметы каждого могильника обладают своеобразием, связанным с контекстом залегания и физическими характеристиками. Три дрота (веслянский, шойнаягский, борганьельский) лежали в меховых футлярах. Веслянские и шойнаягские находились вместе с вещами умершего и/или в жертвенном комплексе, борганьельские и вомынъягский – в руках умерших. Л. И. Ашихмина считает, что в мужских погребениях они были зажаты в правой, а в женских – в левой руке [Ашихмина, Филиппов 2005: 50]. Эжольские находились за пределами погребений; неясно, целенаправленно они были перемещены или в результате бессистемных грабительских действий. Один из веслянских дров отличается белёсым цветом от всех остальных.

Слитки, подобные рассматриваемым в статье, на территории Западной Сибири мне неизвестны. Археологический контекст прикамских захоронений аналогичен: богатые, преимущественно, но необязательно женские, где дроты находились либо в составе жертвенных комплексов, либо в руках умерших [Сабинова 2018: 252]. П. А. Орехов высказал мнение, что в женских погребениях в Прикамье они входили в состав жертвенного комплекса, в мужских лежали сбоку, в изголовье или у бедра [Орехов 2006: 38].

По мнению Т. И. Останиной, жертвенные комплексы появляются в Прикамье в пьяноборское время, но наиболее характерны для мазунинской культуры. Вещи, уложенные в берестяной туесок, являются личной собственностью умершего, чаще всего, это женщины. Распространение жертвенных комплексов в других культурах Прикамья, Поволжья и на ЕСВ она считает «модой» [Останина 1997: 25–27: 1988]. Р. Д. Голдина предлагает называть скопления вещей в берестяных сосудах «подарочными наборами», дарами умершему [Голдина 2004: 215–218]. Но, в этом случае, нельзя считать эти вещи прижизненной собственностью захороненного. Мне же, исходя из того, что литейным делом зачастую занимались именно женщины, кажется более логичной точка зрения Т. И. Останиной. Например, погребения литейщиц с металлическими слитками в инвентаре были раскопаны на Суворовском и Нармонском могильниках азелинской культуры [Генинг 1963: 31; Новые раскопки Нармонского могильника]. Хотя нельзя не согласиться с Т. М. Сабировой, которая считает дроты маркером высокого статуса умершего, а не погребения именно литейщика.

На поселенческих памятниках, там, где состояние источников позволяет это установить, дроты приурочены к объектам, связанным с добычей и/или обработкой металла (Опутятское городище, селище Лисья Курья, поселение Угдым IV). Упомянутое выше Щербетьевское I селище имениковской культуры, вероятнее всего, было центром производства бронзовых слитков-дротов: здесь их найдено 67 экземпляров [Сидоров, Старостин 1970: 235]. На памятниках мазунинской культуры известно 22 экземпляра [Сабинова 2018: 248], на ЕСВ – 15, на третьем месте памятники ломоватовской культуры – 12 экземпляров [Перескоков 2018: 82; 282, рис. 66.14–22]. В остальных культурах (азелинская, неволинская, еманаевская, полонская) памятники с дротами единичны. Таким образом устанавливается путь распространения металлических слитков с территории имениковской культуры вверх по Каме на ЕСВ. Однако интересно, что в материалах мазунинской культуры и на ЕСВ дроты встречаются, в основном, на могильниках, а в Верхнем Прикамье – на поселениях.

Для дров сопредельных территорий характерны аналогичные рассматриваемым здесь параметры – прямоугольное, округлое или треугольное сечение, размеры 8–24×0,3–0,8×0,5–1 см. Корреляция поперечного сечения и территории распространения показывает, что в мазунинских памятниках нет треугольных в поперечном сечении экземпляров [Сабинова 2018: 249, рис. 1], которые характерны для Щербетьевского I селища. Для памятников ломоватовской культуры¹, за двумя исключениями, характерны округлые в поперечном

¹ В ряде публикаций есть упоминания «слитков», однако нет ни описания, ни иллюстраций, что не позволяет уверенно отнести их к дротам. Всего мной найдены указания на наличие дров на 12-ти ломоватовских памятниках, но рисунки есть только у восьми. Именно на них строится сравнение. Небольшое количество экземпляров может быть связано с уровнем сохранности: верхнекамские памятники часто сильно ограблены, разрушены и/или повреждены многолетней хозяйственной деятельностью человека.

сечении слитки [Перескоков 2018: 282, рис. 16.14–22]. Дрот с треугольным поперечным сечением известен в погр. 24 Митинского могильника [Генинг, Голдина 1973: 71, табл. 3–19], с прямоугольным – на Опутятском городище [Генинг 1980: 103–104]. П. А. Орехов пишет, что дроты неволинской культуры (известно по одному экземпляру на Бартымских городище и могильнике) округлые в поперечном сечении [Орехов 2006: 49].

Относительно других памятников, информация из публикаций не позволяет установить их морфологию. Тем не менее, чётко прослеживается связь дротов ЕСВ с предметами Щербетьевского I селища и можно высказать предположение, что, как минимум часть треугольных в поперечном сечении слитков с Вомынъяга, Борганьёля и Весляны I, изготовлена именно там. Трапециевидные в поперечном сечении дроты составляют оригинальные для ЕСВ экземпляры. Оба они найдены на Веслянском I могильнике. Можно предположить, что они приближаются по способу изготовления к треугольным.

Следует обратить внимание на момент, который ранее никак не анализировался исследователями – вес слитков. При одинаковой ширине, на ЕСВ встречаются короткие слитки, которые гораздо тяжелее длинных. Причиной этому является разный состав сплава металлов: удельный вес бронзы тяжелее удельного веса латуни (Таблица 1).

Белёсый слиток по своим параметрам (длина/вес) приближен к коротким. Результаты химических исследований, хотя и строящиеся на очень ограниченном материале, это подтверждают. Безусловно, мы располагаем сейчас крайне малым объёмом данных относительно химического состава сплавов изделий, однако, даже имеющиеся в нашем распоряжении позволяют сделать интересные наблюдения. Для верхнекамских памятников публикации, содержащие результаты анализов химического состава сплава металлов, мне неизвестны.

В литературе есть сведения, что на Бурковском могильнике дрот медный, а на Митинском – бронзовый [Генинг, Голдина 1973: 97, 112]. Слитки Опутятского городища описываются как свинцовая и медная заготовки [Генинг 1980: 207, рис. 13.13, 14] или слитки из медного сплава и оловянный [Перескоков 2018: 82]. Однако всё вышесказанное – результаты визуальных наблюдений.

Азелинские слитки Суворовского и Нармонского могильников, по утверждению П. А. Орехова, изготовлены из латуни, однако к этому тезису приводятся данные спектрального анализа изделий Рождественского V могильника [Орехов 2006: 49]. Поэтому все эти данные нельзя учитывать, как достоверные.

Данные, полученные лабораторным путём, есть для пяти щербетьевских [Сидоров, Старостин 1970: 235–237] и более чем десятка мазунинских слитков [Сабилова 2018: 250–251]. Все щербетьевские изделия изготовлены из сложной четырехкомпонентной латуни. Относительно мазунинских сплавов наблюдения Т. М. Сабировой более разнообразны. Она приводит данные анализа 14-ти предметов, из которых три изготовлены из латуни, шесть из бронз – классической свинцово-оловянистой (4 экз.) и свинцовой (2 экз.), пять – из чистой меди. При этом Т. М. Сабирова отмечает, что все медные слитки происходят с Покровского могильника, который находится в наибольшем отдалении от долины Камы и относится к группе небогатых некрополей, принадлежащих патриархальным семьям [Сабилова 2018: 250–251]. На ЕСВ четыре экземпляра, по которым есть данные, изготовлены из латуни (3 экз.) или оловянистой (свинцово-оловянистой) бронзы (Cu+Sn+(Pb)) (1 экз.).

Можно предположить, что в тех случаях, где встречены сложные сплавы, такие как многокомпонентные латунь или бронза, мы видим результат переливки лома вещей. В случаях же, где, как на Покровском могильнике, слиток изготовлен из меди или «классической» бронзы, это результат выплавки металла из руды и/или способ хранения сырья для работы. Возможно это, как и в случае с жертвенными комплексами, некая определённая дань «моде» эпохи ВПН.

Источники поступления металла остаются неопределёнными, так как мы обладаем слишком малым количеством результатов анализов вещей. На позднем этапе существования именьковской культуры в материалах памятников встречаются предметы рязано-окского круга

древностей. Сходство керамических комплексов, происходящих с некоторых именьковских поселений и малоисследованных поселений рязано-окской группы, свидетельствует о еще одном возможном направлении этнических контактов именьковского населения [Стащенко эл. ресурс]. Т. Г. Сарачёвой, которая отметила связь рязано-окского населения с уральским, высказано мнение о притоке латуней в первой половине I тыс. н. э. в Волго-Окское междуречье из Прибалтики. Последняя однако, была не местом добычи сырья, а транзитной зоной для движения импорта из римских провинций [Сарачёва 2005: 120–121]. Сходное мнение о возможном пути поступления украшений из Прибалтики, сделанное на основании анализа янтарных бус, высказала Л. И. Ашихмина [Ашихмина, Ширяева 1988: 31–32].

Таким образом, возвращаясь к тезису М. Г. Мухамадиева о функции дротов как первых денег, можно сделать вывод о его ошибочности. У населения ЕСВ металлургические традиции были слабо развиты, латунь до середины I тыс. н. э. им была неизвестна, знания о ней были принесены мигрантами с курганным обрядом погребения. В составе сплавов металлических вещей в подкурганных захоронениях, наряду с «чистой» медью и бронзой встречается латунь [Ашихмина, Васкул, Каликов 1988: 23; Ашихмина, Филиппов 2005: 50]. Позднегладеновские и позднебичевницкие племена не умели ни изготавливать, ни обрабатывать её, этим занималось пришлое население, транспортируя металл в слитках с территории именьковской культуры. Об этом свидетельствует один из экземпляров Тураевского I могильника, на поверхности которого есть точки, возможно, обозначающие порции металла для отливки изделия [Сабинова 2018: 251]. На половинке слитка Веслянского I могильника также есть поперечная зарубка (рис. 3.6).

Н. Б. Крыласовой, в исследовании товарного производства меди на средневековых памятниках Пермского Предуралья, приведены результаты корреляции типа плавильного сосуда и получаемого сплава. Льячки предназначались для легкоплавких свинцово-оловянистых сплавов, в тиглях выделены следы «грязной» и «чистой» меди, а в литейных формах – свинцовая латунь [Крыласова 2018: 59]. Думается, что эти результаты в некотором роде применимы и к территории ЕСВ. До середины I тыс. н. э., гладеновским населением использовались ладьевидные льячки, которые, после появления населения, оставившего курганные могильники, сменились рюмкообразными тиглями ванвиздинской культуры. Несомненно, это указывает на развитие цветной металлургии на ЕСВ и освоение новых способов обработки металла.

Что касается времени функционирования дротов, то, как указывалось во введении, в Прикамье они появляются не позднее IV в. [Сабинова 2018: 251]. Для ЕСВ, вероятно, это время не позднее VI в. Самые поздние памятники, на которых встречены дроты – Еманаевское I городище и Угдым IV, верхние даты функционирования которых X и IX вв. н. э., соответственно [Лещинская 1988: 104; Королёв 2002: 34]. Наличие на этих памятниках многочисленных следов металлообработки, вероятно, говорит о местном производстве поздних слитков. Однако можно предположить, что, в целом, на ЕСВ дроты исчезают вместе с курганным обрядом погребения в VII в., хотя традиции изготовления металлических слитков, но уже иной морфологии, сохраняются в Прикамье в средневековье [Крыласова 2018].

Заключение

Металлические слитки-дроты – одна из характерных, но редких категорий инвентаря курганных могильников эпохи ВПН. Известные экземпляры изготовлены не единомоментно, а присущи материальной культуре принесших их мигрантов на всём протяжении существования некрополей ЕСВ. В данной статье была предпринята попытка всестороннего описания дротов памятников ЕСВ, однако требуется куда более тщательная работа по их изучению, так как даже сделанные в этой статье краткие наблюдения дают интересный результат.

Однако в историографии сложилась мозаичная картина, при которой введённые в научный оборот предметы остаются малоизученными, а сведения о них – отрывочными. Нет работы, посвящённой дротам культур Верхнего Прикамья; естественнонаучные исследования состава сплавов изделий крайне малочисленны, описания их физических характеристик недостаточны. Существование дровов, как удобного для транспортировки металла способа, позволяет исследовать изменение способов металлообработки. Перспективным кажется изучение зависимости сечения слитка от используемой литейной формы.

Можно констатировать, что данной статьёй лишь намечены дальнейшие пути развития темы появления, роли и исчезновения металлических слитков в культурах населения крайнего Северо-Востока Европы в I тыс. н. э.

Список принятых обозначений и сокращений

- ВПН – Великое переселение народов
 ЕСВ – европейский Северо-Восток
 Ж.к. – жертвенный комплекс
 Кург. – курган
 М-к – могильник
 МА ИЯЛИ – Научный музей археологии европейского Северо-Востока Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
 МАЭ СГУ – Музей археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина
 НМРК – Национальный музей Республики Коми
 П/м – подъёмный материал
 Погр. – погребение

Список литературы

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья (Свод археологических источников. Вып. Г1-12/3). М. : Наука, 1982. 105 с.
2. Ашихмина Л. И., Васкул И. О., Каликов В. Н. Минералы в раннесредневековой культуре народов Европейского Северо-Востока // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск : б/и, 1988. С. 19–26.
3. Ашихмина Л. И., Ширяева Л. Л. Ювелирные изделия из курганных могильников в бассейне Нившеры // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск : б/и, 1988. С. 29–34.
4. Ашихмина Л. И., Филиппов В. Н. Рентгеновский микронзондовый (спектральный) анализ металлических изделий курганных могильников в бассейне р. Вычегды // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Сыктывкар : Геопринт, 2005. С. 47–51.
5. Белицкая А. Л. Комплекс второй половины I тыс. н. э. на Ибском поселении в долине р. Сысола // Вестник Пермского университета. История. 2020. 1 (48). С. 19–33.
6. Буров Г. М. Древний Синдор. М. : Наука, 1967. 220 с. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-1-19-33 EDN: YMSXFR
7. Вязов Л. А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. Казань : б/и, 2012. С. 43–53. EDN: XUQEXN
8. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Свердловск–Ижевск : б/и, 1963. 184 с.
9. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. 1973. С. 58–132. EDN: YJQPDH
10. Генинг В. Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н. э.) // Памятники эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск : б/и, 1980. С. 92–135.
11. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмуртский университет, 2004. 464 с. ISBN: 5-7029-0112-6. EDN: QOVBNF

12. Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск : Удмуртская республиканская типография, 2010. 264 с. ISBN: 978-5-89806-122-7 EDN: QRQOHV
13. Королёв К. С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар : УрО РАН, 2002. 112 с.
14. Крыласова Н. Б. К развитию концепции А. М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на её основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XIV. Пермь : ПГГПУ, 2018. С. 54–69. EDN: XTDOWT
15. Лещинская Н. А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск : б/и, 1988. С. 79–107. EDN: RWUWJB
16. Мухамадиев А. Г. Бронзовые слитки – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н. э.) // Советская археология. 1984. № 3. С. 219–222.
17. Новые исследования Нармонского могильника азелинской культуры в полевом сезоне 2004 г. // Археология Среднего Поволжья. URL: https://kpfu.ru/main_page?p_sub=50631&p_id=136035/ (дата обращения: 18.07.2025).
18. Орехов П. А. Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период : дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 338 с.
19. Останина Т. И. Городище мазунинской культуры около станции Постол Удмуртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск : б/и, 1988. С. 65–79.
20. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
21. Перескоков М. Л. Пермское Предуралье в финале раннего железного века. Пермь : ПГНИУ, 2018. 320 с.
22. Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с. ISBN: 978-5-88185-412-6 EDN: YSWG TJ
23. Сабирова Т. М. Находки металлических слитков на памятниках среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. // Манускрипт. 2018. № 12 (98). С. 248–253. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-2.13 EDN: YPNJYL
24. Сарачёва Т. Г. Технология изготовления ювелирных изделий Никитского могильника // Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитский могильник (Труды отдела Охранных раскопок ИА РАН. Т. 3.) М. : ИА РАН, 2005. С. 103–122.
25. Сидоров В. И., Старостин П. Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьевского поселения // Советская археология. 1970. № 4. С. 233–237.
26. Сташенков Д. А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // М. : Либмонстр Россия (Libmonster.ru). URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/Об-этнокультурных-связях-населения-именьковской-культуры> (дата обращения: 17.07.2025).

References

1. Alekseeva E. M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Svod arheologicheskikh istochnikov [Antique beads of the Northern Black Sea region (Collection of archaeological sources)]. Iss. G1-12/3), Moscow, Nauka, 1982, 105 p. (In Russ.).
2. Ashihmina L. I., Vaskul I. O., Kalikov V. N. Mineraly v rannesrednevekovoj kul'ture narodov Evropejskogo Severo-Vostoka [Minerals in the early medieval culture of the peoples of the European North-East]. *Mineraly v material'noj kul'ture drevnih ural'skih narodov* [Minerals in the material culture of the ancient Ural peoples]. Sverdlovsk, 1988, pp. 19-26. (In Russ.).
3. Ashihmina L. I., Shiryayeva L. L. Yuvelirnye izdeliya iz kurgannyh mogil'nikov v bassejne Nivshery [Jewelry from burial mounds in the Nivshera basin]. *Mineraly v material'noj kul'ture drevnih ural'skih narodov* [Minerals in the material culture of the ancient Ural peoples]. Sverdlovsk, 1988, pp. 29-34. (In Russ.).
4. Ashihmina L. I., Filippov V. N. Rentgenovskij mikrozdovyy (spektral'nyj) analiz metallicheskih izdelij kurgannyh mogil'nikov v bassejne r. Vychehdy [X-ray microprobe (spectral) analysis of metal objects from burial mounds in the Vychehda River basin]. *Arheomineralogiya i rannyya istoriya mineralogii* [Archaeomineralogy and the early history of mineralogy]. Syktyvkar, Geoprint, 2005, pp. 47-51. (In Russ.).
5. Belickaya A. L. Kompleks vtoroj poloviny I tys. n. eh. na Ibskom poselenii v doline r. Sysola [Complex from the second half of the 1st millennium AD at the Ib settlement in the Sysola River valley]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Bulletin. History]. 2020, 1 (48), pp. 19-33. (In Russ.).

6. Burov G. M. *Drevnij Sindor [Ancient Sindor]*. Moscow, Nauka, 1967, 220 p. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-1-19-33 EDN: YMSXFR (In Russ.).
7. Vyazov L. A. O proishozhdenii toporov imen'kovskoj kul'tury [On the origin of the axes of the Imenkovo culture]. *Aktual'nye voprosy arheologii Povolzh'ya* [Current issues in the archaeology of the Volga region]. Kazan, 2012, pp. 43-53. EDN: XUQEXN (In Russ.).
8. Gening V. F. Azelinskaya kul'tura III-V vv. [Azelian culture III–V centuries.]. *Voprosy arheologii Urala* [Issues of Ural archeology]. Iss. 5, Sverdlovsk-Izhevsk, 1963, 184 p. (In Russ.).
9. Gening V. F., Goldina R. D. Kurgannye mogil'niki harinskogo tipa v Verhnem Prikam'e [Kharinsk-type burial mounds in the Upper Kama region]. *Voprosy arheologii Urala* [Issues of Ural archeology]. Iss. 12, 1973, pp. 58-132. EDN: YJQPDH (In Russ.).
10. Gening V. F. Oputyatskoe gorodishche - metallurgicheskij centr harinskogo vremeni v Prikam'e (2-ya polovina V - 1-ya polovina VI vv. n. eh.) [Kharinsk-type burial mounds in the Upper Kama region]. *Pamyatniki ehpoi Srednevekov'ya v Verhnem Prikam'e* [Medieval monuments in the Upper Kama region]. Izhevsk, 1980, pp. 92-135. (In Russ.).
11. Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2004, 464 p. ISBN: 5-7029-0112-6 EDN: QOVBHF (In Russ.).
12. Goldina E. V. Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konec IV-IX vv.) [Beads from burial grounds of the Nevolino culture (late 4th–9th centuries)]. Izhevsk, Udmurtskaya respublikanskaya tipografiya, 2010, 264 p. ISBN: 978-5-89806-122-7 EDN: QPQOHV (In Russ.).
13. Korolyov K. S. Ugdymskij arheologicheskij kompleks na srednej Vychege [Ugdym archaeological complex on the middle Vychege]. Syktyvkar, UrO RAN, 2002, 112 p. (In Russ.).
14. Krylasova N. B. K razvitiyu koncepcii A. M. Belavina o tovarnom proizvodstve medi i splavov na eyo osnove v srednevekovom Permskom Predural'e [On the development of A. M. Belavin's concept of commercial production of copper and copper-based alloys in the medieval Permian Urals]. *Trudy KAEHEH PGGPU* [Proceedings of the KAEE PGHPU]. Iss. XIV. Perm, PGGPU, 2018, pp. 54-69. EDN: XTDOWT (In Russ.).
15. Leshchinskaya N. A. Issledovaniya Emanaevsogo gorodishcha [Research of the Yemanaev settlement]. *Novye arheologicheskie pamyatniki Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [New archaeological sites of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk, 1988, pp. 79-107. EDN: RWUWJB (In Russ.).
16. Muhamadiev A. G. Bronzovye slitki - pervye metallicheskie den'gi Povolzh'ya i Priural'ya (I tysyacheletie n. eh.) [Bronze ingots – the first metal money of the Volga and Ural regions (1st millennium AD)]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archeology]. 1984, no. 3, pp. 219-222. (In Russ.).
17. Novye issledovaniya Narmonskogo mogil'nika azelinskoj kul'tury v polevom sezone 2004 g. [Narmon burial ground of the Azelin culture in the 2004 field season.]. *Arheologiya Srednego Povolzh'ya* [Archaeology of the Middle Volga region]. (In Russ.). Available at: https://kpfu.ru/main_page?p_sub=50631&p_id=136035/ (accessed: 18.07.2025).
18. Orehov P. A. Bronzolitejnoe proizvodstvo Prikam'ya v postan'an'inskij period. PhD thesis. Izhevsk, 2006, 338 p. (In Russ.).
19. Ostanina T. I. Gorodishche mazuninskoj kul'tury okolo stancii Postol Udmurtskoj ASSR [An ancient settlement of the Mazunin culture near the Postol station of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Novye arheologicheskie pamyatniki Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [New archaeological sites of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk, 1988, pp. 65-79. (In Russ.).
20. Ostanina T. I. Naselenie Srednego Prikam'ya v III-V vv. [Population of the Middle Kama region in the 3rd–5th centuries]. Izhevsk, UIIYAL UrO RAN, 1997, 326 p. (In Russ.).
21. Pereskokov M. L. Permskoe Predural'e v finale rannego zheleznoego veka [The Permian Urals at the end of the Early Iron Age]. Perm, PGNIU, 2018, 320 p. (In Russ.).
22. Ruslanova R. R. Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropolej III-VIII vekov [Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the 3rd–8th centuries]. Ufa, Bashkirskaia ehnciklopediya, 2018, 376 p. ISBN: 978-5-88185-412-6 EDN: YSWG TJ (In Russ.).
23. Sabirova T. M. Nahodki metallicheskih slitkov na pamyatnikah srednego Prikam'ya pervoj poloviny I tys. n. eh. [Finds of metal ingots at sites in the middle Kama region from the first half of the 1st millennium AD.]. *Manuskript* [Script]. 2018, no. 12 (98), pp. 248-253. DOI: 10.30853/manuskript.2018-12-2.13 EDN: YPNJYL (In Russ.).

24. Sarachyova T. G. Tehnologiya izgotovleniya yuvelirnyh izdelij Nikitskogo mogil'nika [Technology of manufacturing jewelry from the Nikitsky burial ground]. *Nikitskij mogil'nik* [Nikitsky burial ground]. Vol. 3, Moscow, IA RAN, 2005, pp. 103-122. (In Russ.).

25. Sidorov V. I., Starostin P. N. Ostatki rannesrednevekovykh litejnykh masterskikh Shcherbet'evskogo poseleniya [Remains of early medieval foundries in the Shcherbetyevskoye settlement]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archeology]. 1970, no. 4, pp. 233-237. (In Russ.).

26. Stashenkov D. A. Ob ehtnokul'turnyh svyazyah naseleniya imen'kovskoj kul'tury [On the ethnocultural ties of the population of the Imenkovskoye culture]. Moscow, Libmonstr Rossiya (Libmonster.ru). (In Russ.). Available at: <https://libmonster.ru/m/articles/view/Ob-ehnokul'turnyh-svyazyah-naseleniya-imen'kovskoj-kul'tury> (accessed: 17.07.2025).

Информация об авторе

*А. Л. Белицкая – младший научный сотрудник,
Институт языка,
литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.*

Information about the author

*A. L. Belitskaya – Junior Researcher,
Institute of Language,
Literature and History FRC Komi SC UB RAS.*

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 20.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 22–29.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 22-29.

Научная статья

УДК 314.7:94(571)

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-22-29

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ (1920–1930-Е ГГ.)

Анна Владимировна Прокопьева

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, anna1900000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу ключевых демографических и социальных трансформаций в Сибири в период 1920–1930-х гг. На основе широкого круга источников, включая архивные данные, опубликованные документы, статистические материалы и современную историографию, детально исследуется роль государственно-организованного планового сельскохозяйственного переселения как основного фактора формирования людского потенциала региона во второй половине 1920-х гг. Автор прослеживает, как относительно упорядоченный, хотя и масштабный миграционный процесс эпохи НЭПа сменился кардинальной ломкой всех условий жизни с началом форсированной индустриализации и насильственной сплошной коллективизации. Показано, что эта радикальная политика привела не только к глубокому кризису крестьянской повседневности и хозяйства, но и к масштабным репрессиям («раскулачиванию»), а также к демографической катастрофе – голоду начала 1930-х гг., что принципиально изменило демографическое поведение, структуру семьи и мировоззрение сельского населения. В работе также рассматривается влияние государственной политики на специфику учета населения и трансформацию миграционных процессов в последующий период, включая особенности трудовых отношений и источники пополнения рабочей силы в годы Второй мировой войны. Научная новизна исследования заключается в междисциплинарном, интегральном рассмотрении взаимосвязи между макрополитическими решениями сталинской эпохи и микроисторическими изменениями в частной жизни, ментальности и социальных практиках различных групп сибиряков. Результаты работы вносят существенный вклад в развитие истории повседневности и социальной истории России, конкретизируя механизмы и многогранные последствия государственного вмешательства в демографическую и социальную сферу в переломный период формирования советского общества.

Ключевые слова: повседневность, миграция, коллективизация, демографические процессы, Сибирь, 1920-е годы, 1930-е годы.

Для цитирования: Прокопьева А. В. Трансформация повседневности и миграционных процессов в сибирии (1920–1930-е гг.) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 22–29. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-22-29>

Original article

TRANSFORMATION OF EVERYDAY LIFE AND MIGRATION PROCESSES IN SIBERIA (1920-1930S)

Anna V. Prokopyeva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
anna1900000@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of key demographic and social transformations in Siberia during the 1920s-1930s. Based on a wide range of sources, including archival data, published documents, statistical materials and modern historiography, the role of state-organized

planned agricultural resettlement as the main factor in the formation of the region's human potential in the second half of the 1920s is studied in detail. The author traces, as a relatively orderly, albeit large-scale migration process of the NEP era was replaced by a cardinal breakdown of all living conditions with the beginning of forced industrialization and forced continuous collectivization. It is shown that this radical policy led not only to a deep crisis of peasant everyday life and economy, but also to large-scale repressions (“dispossession”), as well as to a demographic catastrophe – the famine of the early 1930s, which fundamentally changed demographic behavior, family structure and worldview of the rural population. The work also examines the impact of state policy on the specifics of accounting for the population and the transformation of migration processes in the subsequent period, including the peculiarities of labor relations and sources of labor replenishment during the Second World War. The scientific novelty of the study lies in an interdisciplinary, integral consideration of the relationship between macropolitical decisions of the Stalinist era and microhistoric changes in private life, mentality and social practices of various groups of Siberians. The results of the work make a significant contribution to the development of the history of everyday life and social history of Russia, concretizing the mechanisms and multifaceted consequences of state intervention in the demographic and social sphere during the turning point in the formation of Soviet society.

Keywords: everyday life, migration, collectivization, demographic processes, Siberia, 1920s, 1930s.

For citation: Prokopyeva A. V. Transformation of everyday life and migration processes in Siberia (1920-1930s). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:22-29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-22-29>

Введение

Период 1920–1930-х гг. в истории России представляет собой эпоху кардинального и противоречивого перехода от послереволюционного восстановления к формированию основ сталинизма. Этот процесс, затронувший все сферы общественной жизни, имел особую специфику в Сибири – регионе, традиционно выполнявшем роль ресурсной базы и пространства для масштабных социальных экспериментов. Если 1920-е гг. были отмечены попытками планового регулирования миграций в рамках новой экономической политики (НЭПа), то рубеж десятилетий ознаменовался резкой сменой курса. Форсированная индустриализация, сплошная насильственная коллективизация и политика «раскулачивания» привели к глубочайшей трансформации всего уклада жизни, демографическим катастрофам и репрессиям, последствия которых сказывались на протяжении всего последующего советского периода. Изучение этого переломного этапа через призму истории повседневности, миграционных процессов и демографических изменений позволяет выйти за рамки чисто экономической или политической истории, раскрывая механизмы взаимодействия между макрополитикой государства и микромиром отдельного человека, семьи, социальной группы.

Актуальность данного исследования обусловлена устойчивым интересом современной исторической науки к социальным и антропологическим аспектам советского проекта. В условиях, когда традиционные нарративы пересматриваются, особую ценность приобретает анализ того, как грандиозные политико-экономические преобразования (индустриализация, коллективизация) преломлялись в конкретных практиках выживания, адаптации и сопротивления на местах. Сибирь как регион, испытывавший на себе одновременное воздействие программ заселения, принудительных депортаций и экстенсивного промышленного развития, представляет собой уникальную исследовательскую лабораторию для подобного анализа.

Историографический контекст проблемы обширен. Ключевые аспекты миграционной политики 1920-х гг. и ее связь с дореволюционным опытом детально проанализированы в работах В. М. Моисеенко [Моисеенко 2015: 60]. Демографические последствия индустриализации и коллективизации, включая проблему голода, нашли отражение в исследованиях В. А. Исупова [Исупов 2021: 29; 2010], Е. Ю. Баранова [Баранов 2020: 63]. В последние десятилетия активно развивается направление истории повседневности, фокусирующееся на микроисторическом анализе частной жизни, что демонстрируют работы

Л. В. Лебедевой [Лебедева 2006: 48], И. А. Гатауллиной [Гатауллина 2008: 155], С. Д. Багдасаряна и А. П. Скорика [Багдасарян, Скорик 2012: 7], а также региональные исследования, подобные диссертации А. Л. Воробьевой [Воробьева 2023: 55]. Однако научная новизна настоящей статьи видится в комплексном междисциплинарном подходе, соединяющем анализ государственной демографической и миграционной политики с исследованием ее конкретно-исторических последствий для повседневного существования и мировоззрения различных групп населения Сибири. Такой ракурс позволяет рассмотреть 1920–1930-е гг. не как два изолированных этапа, а как единый, хотя и внутренне противоречивый, процесс трансформации, где относительно упорядоченные практики НЭПа были насильственно замещены мобилизационной моделью сталинизма.

Целью статьи является анализ взаимосвязи между масштабными политико-экономическими преобразованиями 1920–1930-х гг. и трансформацией повседневной жизни, миграционного поведения и демографических процессов в Сибири.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Исследовать роль и механизмы планового сельскохозяйственного переселения как фактора формирования людского потенциала Сибири во второй половине 1920-х гг.
2. Проанализировать демографические и социальные последствия форсированной индустриализации и насильственной коллективизации для региона, включая кризис крестьянской повседневности, репрессии и голод.
3. Рассмотреть влияние государственной политики на специфику учета населения и эволюцию миграционных процессов, включая период Второй мировой войны.
4. На конкретных примерах раскрыть изменения в мировоззрении, семейных и трудовых практиках различных групп населения (крестьянства, молодежи, спецпереселенцев) под воздействием указанных трансформаций.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности. В работе применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить этапы и причинно-следственные связи в трансформации миграционных и демографических процессов. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления ситуаций в разные периоды (1920–1930 гг.) и в различных группах населения. Важную роль играют подходы истории повседневности и микроистории, направленные на реконструкцию субъективного опыта и практик на локальном уровне. Также привлекаются методы демографического и социального анализа.

Источниковая база исследования включает как опубликованные документы государственных органов (постановления, статистические сборники), так и материалы историографии (монографии, научные статьи). Для реконструкции повседневности и личного опыта привлекаются отдельные свидетельства из мемуарной литературы и документов личного происхождения [Багдасарян, Скорик 2012: 7], а также данные всеобщих переписей населения [Баранцева 2008: 20].

Структура статьи подчинена логике решения поставленных задач. После введения следует раздел, посвященный миграционной политике и плановому переселению в Сибирь в период НЭПа. Далее анализируется радикальный перелом рубежа 1920–1930-х гг., его демографические и социальные последствия. Отдельное внимание уделяется специфике военного периода. В заключении подводятся итоги и формулируются основные выводы исследования.

Основная часть

Становление советской миграционной политики в 1920-е годы происходило в условиях наследия предшествующей эпохи. Известно, что концепция военного коммунизма отрицала свободное перемещение населения в пределах РСФСР и за ее границы [Моисеенко 2015: 96]. После ее окончания и перехода к нэпу начался поиск новых форм регулирования. Важным институтом для планирования стал учрежденный в 1921 г. Госплан, а нэп (1922–1928 гг.) позволил в значительной мере восстановить народное хозяйство и приступить к

индустриализации [Вардомский 2017: 34]. Однако системный учет миграций был налажен не сразу. Следует иметь в виду, что текущий учет механического движения населения в стране был организован относительно поздно. Например, в Уральской области он был введен постановлением Уралоблисполкома с 1 августа 1925 г., и в 1932 г. был дополнен введением паспортной системы с институтом прописки [Историко-культурное наследие 2022: 38].

Несмотря на организационные трудности, миграции стали ключевым фактором демографического развития Сибири. Немаловажную роль в накоплении и наращивании мощности людского потенциала Западной Сибири во второй половине 1920-х гг. играли миграции. Плановое сельскохозяйственное переселение в Сибирь было открыто в июле 1925 г. «По данным Н. И. Платунова в 1924–1925 гг. было зарегистрировано прибытие в регион свыше 100 тыс. переселенцев. В 1925–1926 гг. в Сибирь переселилось 80 тыс. человек, в 1927–1928 гг. – 247 тыс., в 1928–1929 гг. – более 260 тыс., а с октября 1929 г. по апрель 1930 г. – 122 тыс. человек. Всего на этапе планового переселения в Сибирь прибыло более 900 тыс. человек» [Исупов 2021: 29].

Изучение этого периода долгое время велось в заданном методологическом ключе. На протяжении 1920-х гг. было издано немало работ, посвященных различным вопросам бытия доколхозных сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополя. Однако, в полном соответствии с положениями марксизма, выступавшего в качестве теоретического фундамента общественных наук в СССР, в этих работах анализировались те или иные аспекты социально-экономических и социально-политических процессов на селе [Багдасарян, Скорик 2012: 7]. Лишь позднее, с развитием нового исследовательского направления, стало возможным иное прочтение источников. История повседневности – новая отрасль исторического знания, в центре внимания которой находится комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события, возможное при использовании междисциплинарных связей с этнологией, социологией, психологией [Лебедева 2006: 48]. Этот подход позволяет реконструировать реалии крестьянского быта, где интенсивная трудовая деятельность весной и летом сменялась размеренным неспешным ритмом жизни в осенне-зимний период. Дни становились короче, всё по хозяйству надо было выполнить засветло. Ведь как стемнеет, надо зажечь керосин, а это уже серьезная статья расхода в крестьянском бюджете [Гатауллина 2008: 155].

Стабилизация демографической ситуации, достигнутая в годы новой экономической политики, не смогла стать долговременной. На рубеже 1920-х и 1930-х годов модели воспроизводства населения Западной Сибири подверглись резкой деформации. Это стало следствием перехода к мобилизационной модели развития, где форсированная индустриализация неразрывно сочеталась с политикой сплошной коллективизации, которая изначально развивалась крайне медленно: «В 1927 г. в деревне насчитывалось всего 0,8 % колхозников, в 1928 г. – 1,7 %, в 1929 г. – 3,9 %» [Широкова 2022: 66]. Однако для выполнения установок партии темпы были кардинально изменены.

Политика коллективизации, опиравшаяся на жестокие принудительные меры, включая экспроприацию имущества зажиточных хозяйств («раскулачивание»), тотально изменила социально-экономические условия жизни. Ее последствия для отдельных населенных пунктов были катастрофическими. Из письма председателя Совета хутора Сетраки Ростовской области Л. С. Брехова видно, что за 1930–1932 гг. раскулачили и выслали в Сибирь 180 семей, а их дома разорили. Голод 1933 г. унес жизни более 200 хуторян. В 1934–1937 годах 82 мужчины в возрасте 35–42 лет были взяты в «ежовые рукавицы», через 10 лет вернулись только 4 человека [Зимарин 1991: 17]. Принудительные депортации затронули и другие группы. Тогда советская власть старалась вывезти в Сибирь, в Казахстан и в другие отдаленные области Советского Союза прежде всего представителей польской национальной элиты, причем элиты не обязательно в экономическом, но, прежде всего, в идеологическом измерении [Россия и Китай ... 2024: 249].

НЭП был окончательно демонтирован, а ресурсы государства подверглись тотальной переориентации в пользу тяжелой индустрии. Сфера потребления, сельское хозяйство и легкая промышленность оказались подчинены стратегическим задачам индустриального рывка. Этот рывок сопровождался глубоким социальным кризисом. Негативными последствиями социальной трансформации, реализованной в СССР в 1930-е гг. ускоренными темпами, стали антисанитария и голод. Антисанитарная ситуация была вызвана коммунально-бытовой неустроенностью населения, что во многом было связано с ростом городов и интенсивными миграциями. Голод, проявившийся в начале 1930-х гг. в абсолютной и латентной формах, будучи серьезным фактором смертности, также обусловил снижение иммунитета у людей и соответственно способствовал развитию эпидемических процессов [Баранов 2020: 63]. Все это напрямую влияло на демографическое поведение. В 1930-е гг. процесс образования супружеских пар затормозился главным образом в связи не с демографическими, а социально-экономическими и политическими причинами (голод 1932–1933 гг., репрессии и пр.) [Баранцева 2008: 20].

Несмотря на тяжелейшие социальные издержки, индустриализация требовала постоянного притока трудовых ресурсов. К концу 1930-х гг. юноши и девушки занимали важное место в миграционном и трудовом потенциале Сибири. Молодежь являлась одной из самых мобильных групп населения, оказывавшей значительное влияние на формирование контингентов горожан. Накануне Второй мировой войны она стала второй по абсолютному и удельному показателям категорией трудоспособного населения (более 1/3) 1. [Романов 2013: 58]. Государство пыталось решать кадровый вопрос, в том числе через строительство жилья для приезжих специалистов. В 30-е гг. за счет бюджетных ассигнований, средств колхозов, совхозов в районах разворачивалось строительство домов и квартир для учителей, врачей и других приезжих специалистов. Однако масштабы этого строительства были очень ограничены и далеко не удовлетворяли потребность специалистов в жилье [Амирханова 2023: 131].

Парадоксальным образом, даже в условиях тотальной войны государственный контроль над трудовыми ресурсами не был абсолютным. «Парадокс военных лет состоял в том, что государству, несмотря на все его усилия и огромный аппарат принуждения, так и не удалось взять под полный контроль сферу трудовых отношений. Стихийный наем рабочих «от ворот», хотя и сократился, но составлял все же значительный сегмент рынка труда. Часть населения вообще сумела избежать как воинской, так и трудовой мобилизации и остаться вне всякого контроля» [Воробьева 2023: 55].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о характере и последствиях трансформации повседневности, миграционных и демографических процессов в Сибири в 1920–1930-е гг. В первой половине рассматриваемого периода, в условиях новой экономической политики, миграционные потоки стали основным инструментом планового формирования людского потенциала региона. Открытое в 1925 г. плановое сельскохозяйственное переселение привело к прибытию в Сибирь сотен тысяч человек. Однако этот относительно упорядоченный процесс, направленный на хозяйственное освоение территорий, базировался на нарождавшейся системе учета и регулирования, которая сама находилась в стадии становления.

Радикальный перелом на рубеже 1920-х – 1930-х гг., ознаменованный отказом от НЭПа, привел к полному демонтажу прежней социально-экономической модели. Форсированная индустриализация и насильственная коллективизация, осуществлявшиеся мобилизационными методами, выступили главными факторами ломки традиционного уклада жизни. Политика «раскулачивания», вылившаяся в масштабные репрессии и принудительные депортации, в сочетании с вызванным государственной политикой голодом начала 1930-х гг. привела к гуманитарной катастрофе, кардинально изменившей демографическое поведение населения (включая брачность), подорвавшей здоровье нации и вызвавшей всплеск эпидемий.

Несмотря на катастрофические социальные издержки, индустриальный рывок требовал постоянного пополнения трудовых ресурсов. К концу 1930-х гг. молодежь стала ключевым демографическим резервом для сибирской промышленности и городов, хотя ее потенциал уже находился под двойной нагрузкой: потребностями народного хозяйства и растущими мобилизационными запросами армии. Государственные попытки регулировать этот процесс, включая организованное привлечение специалистов, наталкивались на системные проблемы, такие как острейший жилищный кризис. Даже в условиях тотальной войны и усиления аппарата принуждения государству так и не удалось установить полный контроль над трудовыми отношениями, что указывает на пределы тоталитарного управления и сохранение элементов стихийной социальной адаптации.

Таким образом, исторический опыт Сибири 1920–1930-х гг. наглядно демонстрирует, как масштабные политико-экономические проекты модернизации («сверху») драматически преломлялись в сфере повседневности, приводя к глубокой трансформации жизненных стратегий, семейных структур и демографических паттернов миллионов людей. Взаимодействие между плановой миграцией, принудительными депортациями, демографическими катастрофами и потребностями индустрии сформировало специфический и противоречивый социальный облик Сибири как региона, ценой невероятных человеческих страданий превращавшегося в индустриально-сырьевой форпост страны.

Научная новизна исследования заключается в комплексном применении подходов демографической истории, истории миграций и истории повседневности, что позволило рассмотреть макропроцессы через призму их микросоциальных последствий. Полученные выводы вносят вклад в более глубокое понимание социальной цены советской модернизации и механизмов формирования общества в экстремальных условиях переходной эпохи.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном сравнительном анализе миграционных и демографических траекторий различных субрегионов Сибири, а также в углубленном изучении личного опыта и стратегий выживания разных групп населения (спецпереселенцев, молодежи, женщин) на основе источников личного происхождения.

Список литературы

1. Амирханова М. М. История повседневности сельского населения Дагестана: социально-экономический аспект. 1920–1950-е гг. Махачкала : Институт ИАЭ ДФИЦ РАН, 2023. 339 с.
2. Багдасарян С. Д., Скорик А. П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы : монография. Новочеркасск : Лик, 2012. 239 с. ISBN: 978-5-9947-0297-0 EDN: QPХКУВ
3. Баранов Е. Ю. Эпидемическая ситуация в СССР в 1930-е гг. (историографический аспект) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 62–84. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34658 EDN: MLMMSI
4. Баранцева Н. А. Состояние, динамика и устойчивость этнически однородных и смешанных браков в Хакасии в 1920–1940-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/5 (60). С. 19–27. EDN: KVYEYL
5. Вардомский Л. Б. Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия, или уроки русских революций // ЭКО. 2017. № 12 (522). С. 33–50. EDN: ZUMEUD
6. Воробьева А. Л. Мирозрение и образ жизни крестьян в 1920-х гг. (на материалах Урала) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2023. 245 с.
7. Гатауллина И. А. Крестьянская повседневность: быт средневожской деревни в 1920-е годы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 1. С. 154–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskaya-povsednevnost-byt-srednevolzhskoy-derevni-v-1920-e-gody> (дата обращения: 23.12.2025). EDN: JRGWDH
8. Зимарин О. А. Звенья: исторический альманах. Вып. 1. М. : Прогресс: Феникс: Атенеум, 1991. 624 с.

9. Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете / отв. ред. Л. Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования РФ, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Уральский университет, 2022. 579 с.

10. Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Формирование и использование уникальных ресурсов Сибири в период Второй мировой войны. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. 400 с. DOI: 10.23681/619921 ISBN: 978-5-4499-2649-4 EDN: QAUКHT

11. Исупов В. А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Второй мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 5–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyudskie-resursy-zapadnoy-sibiri-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 23.12.2025). EDN: NCAXJR

12. Лебедева Л. В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е годы XX века: традиции и перемены (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 256 с. EDN: NNRKQF

13. Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 3. С. 87–141. URL: https://www.hse.ru/data/2016/02/12/1140704068/1DemRev_2_3_2015_87-141.pdf (дата обращения: 23.12.2025). EDN: WFENKV

14. Романов Р. Е. Роль молодежи в формировании людского потенциала Сибири накануне Второй мировой войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 56–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-molodezhi-v-formirovanii-lyudskogo-potentsiala-sibiri-nakanune-vtoroy-mirovoy-voyny-po-materialam-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya> (дата обращения: 23.12.2025). EDN: PYEWTf

15. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 14–19 мая 2014 года). Вып. 4 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск; Хэйхэ; Харбин : Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 634 с.

16. Широкова А. Второе крепостное право: коллективизация 1929–1934 гг. // Дилетант. 2022. 26 февр. URL: <https://diletant.media/articles/45293044/> (дата обращения: 23.12.2025).

References

1. Amirhanova M. M. Istoriya povsednevnosti sel'skogo naseleniya Dagestana: social'no-ehkonomicheskij aspekt [The history of everyday life of the rural population of Dagestan: socio-economic aspects]. Mahachkala, Institut IAЕh DFIC RAN, 2023, 339 p. (In Russ.).

2. Bagdasaryan S. D., Skorik A. P. Krest'yanskaya povsednevnost' ehpoi nehpa: dosug i prazdnik v yuzhno-rossijskoj derevne v 1920-e gody [Everyday life of a peasant during the NEP era: leisure and celebration in a southern Russian village in the 1920s]. NovoCherkassk, Lik, 2012, 239 p. ISBN: 978-5-9947-0297-0 EDN: QPXKYB (In Russ.).

3. Baranov E. Yu. Ehpideмическая ситуация в СССР в 1930-е гг. (istoriograficheskij aspekt) [Epidemic situation in the USSR in the 1930s. (historiographical aspect)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research]. 2020, no. 12, pp. 62-84. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34658 EDN: MLMMCI (In Russ.).

4. Baranceva N. A. Sostoyanie, dinamika i ustojchivost' ehnicheski odnorodnyh i smeshannyh brakov v Hakasii v 1920–1940-e gg. [The state, dynamics and stability of ethnically homogeneous and mixed marriages in Khakassia in the 1920s–1940s.]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2008, no. 4/5 (60), pp. 19-27. EDN: KVYEYL (In Russ.).

5. Vardomskij L. B. Gosudarstvennaya identichnost' i prostranstvennoe razvitie Rossii: opyt stoletiya, ili uroki russkih revolyucij [State Identity and Spatial Development of Russia: The Experience of a Century, or Lessons from the Russian Revolutions]. *EhKO*. 2017, no. 12 (522), pp. 33-50. EDN: ZUMEUD (In Russ.).

6. Vorob'eva A. L. Mirovozzrenie i obraz zhizni krest'yan v 1920-h gg. (na materialah Urala) [The worldview and way of life of peasants in the 1920s (based on materials from the Urals)]. PhD thesis. Ekaterinburg, 2023, 245 p. (In Russ.).

7. Gataullina I. A. Krest'yanskaya povsednevnost': byt srednevolzhskoj derevni v 1920-e gody [Everyday life of a peasant: life in a Middle Volga village in the 1920s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series]. 2008,

vol. 150, book 1, pp. 154-165. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskaya-povsednevnost-byt-srednevolzhskoy-derevni-v-1920-e-gody> (accessed: 23.12.2025). EDN: JRGWDH

8. Zimarin O. A. Zven'ya: istoricheskij al'manah [Links: Historical Almanac]. Iss. 1, Moscow, Progress, Feniks, Ateneum, 1991, 624 p. (In Russ.).

9. Istoriko-kul'turnoe nasledie v institucional'nom izmerenii [Historical and cultural heritage in the institutional dimension]. Ekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 2022, 579 p. (In Russ.).

10. Isupov V. A. Glavnyj resurs Pobedy. Formirovanie i ispol'zovanie unikal'nyh resursov Sibiri v period Vtoroj mirovoj vojny [Victory's Main Resource: The Formation and Use of Siberia's Unique Resources During World War II]. 2th ed., Moscow, Berlin, Direktmedia Publishing, 2021, 400 p. DOI: 10.23681/619921 ISBN: 978-5-4499-2649-4 EDN: QAUKHT (In Russ.).

11. Isupov V. A. Lyudskie resursy Zapadnoj Sibiri v gody Vtoroj mirovoj vojny [Human resources of Western Siberia during World War II]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2010, no. 2, pp. 5-13. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyudskie-resursy-zapadnoy-sibiri-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny> (accessed: 23.12.2025). EDN: NCAXJR

12. Lebedeva L. V. Povsednevnyaya zhizn' rossijskoj derevni v 20-e gody XX veka: tradicii i peremeny (na materialah Penzenskoj gubernii) [Everyday life in a Russian village in the 1920s: traditions and changes (based on materials from the Penza province)]. PhD thesis. Penza, 2006, 256 p. EDN: NNRKQF (In Russ.).

13. Moiseenko V. M. Krest'yanskije pereseleniya v 1920-e gody (iz istorii migracii v Rossii) [Peasant migrations in the 1920s (from the history of migration in Russia)]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. 2015, vol. 2, no. 3, pp. 87-141. (In Russ.). Available at: https://www.hse.ru/data/2016/02/12/1140704068/1DemRev_2_3_2015_87-141.pdf (accessed: 23.12.2025). EDN: WFEHKV

14. Romanov R. E. Rol' molodezhi v formirovanii lyudskogo potenciala Sibiri nakanune Vtoroj mirovoj vojny (po materialam Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1939 g.) [The Role of Youth in the Formation of Human Potential in Siberia on the Eve of World War II (Based on the 1939 All-Union Population Census)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2013, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-molodezhi-v-formirovanii-lyudskogo-potentsiala-sibiri-nakanune-vtoroy-mirovoy-voyny-po-materialam-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya> (accessed: 23.12.2025). EDN: PYEWTF

15. Rossiya i Kitaj : istoriya i perspektivy sotrudnichestva [Russia and China: History and Prospects of Cooperation]. Iss. 4, Blagoveshchensk, Hehjhheh, Harbin, Blagoveshchenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2014, 634 p. (In Russ.).

16. Shirokova A. Vtoroe krepostnoe pravo: kollektivizaciya 1929-1934 gg. [The Second Serfdom: Collectivization 1929–1934]. *Diletant* [Amateur]. 2022. (In Russ.). Available at: <https://diletant.media/articles/45293044/> (accessed: 23.12.2025).

Информация об авторе

А. В. Прокопьева – доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России.

Information about the author

A. V. Prokopyeva – Associate Professor, Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 20.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 30–36.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 30-36.

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-30-36

ИССЛЕДОВАНИЕ УТОПИЙ РУССКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Дмитрий Анатольевич Акимцев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, dmitrij.akimcev@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации феномена народных социальных утопий в отечественной гуманитарной науке. С целью более детального анализа выбранной проблемы в работе также осуществляется историографический анализ зарубежной научной литературы по исследуемой теме. Посредством сравнительного анализа делается вывод о месте отечественных изысканий в общей системе научного поиска XX в. Определяется, что методологическое влияние зарубежных и отечественных исследований было взаимным, а также известны примеры, когда советские ученые влияли на методологию зарубежных изысканий. Главной задачей работы стало исследование места изучения социально-психологических аспектов крестьянского мировосприятия в контексте социально утопических идей. Результат исследования в этом направлении представлен совокупностью фактов наличия в отечественной историографии интерпретационных практик утопий с позиций народного менталитета.

Ключевые слова: отечественная историография, крестьянский менталитет, народное сознание, утопия, мировоззрение.

Для цитирования: Акимцев Д. А. Исследование утопий русского народа в контексте крестьянского мировосприятия // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 30–36. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-30-36>

Original article

A STUDY OF RUSSIAN UTOPIAS IN THE CONTEXT OF PEASANT WORLDVIEW

Dmitry A. Akimtsev

Penza State University, Penza, Russia, dmitrij.akimcev@bk.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of popular social utopias in Russian humanities. To provide a more detailed analysis of the problem, the paper also includes a historiographic review of foreign scientific literature on the topic. A comparative analysis provides insight into the place of Russian research within the overall system of 20th-century scientific inquiry. It is established that the methodological influence of foreign and Russian research was mutual, and there are examples of Soviet scholars influencing the methodology of foreign research. The main objective of this paper is to explore the place of research into the socio-psychological aspects of peasant worldviews within the context of social utopian ideas. The research in this area presents a body of evidence demonstrating the presence of utopian interpretation practices in Russian historiography from the perspective of the folk mentality.

Keywords: Russian historiography, peasant mentality, folk consciousness, utopia, worldview.

For citation: Akimtsev D. A. A Study of the Utopias of the Russian People in the Context of the Peasant Worldview. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:30-36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-30-36>

Введение

В отечественной историографии присутствует точка зрения о том, что в советской гуманитарной науке отсутствовали исследования менталитета в исторической ретроспективе [Миронов 1990: 429–430]. Также в гуманитарной науке присутствует установка относительно того, что менталитет исследовался, но антропологические исследования не были институционально оформлены [Филд 1996: 7–8]. Вторая точка зрения является более обоснованной и доказанной, но в условиях сохранения актуальности исследований аспектов мировосприятия народных масс необходимо периодически изучать опыт анализа специфики сознания социальных слоев предыдущих эпох с обновленных методологических позиций. Данный факт обуславливает актуальность настоящей работы. Цель работы – разрешить вопрос о присутствии в отечественной историографии практик анализа русских народных утопических идей в контексте крестьянского менталитета.

Основная часть

Проблема народных утопических идей занимала ключевое место в исследованиях М. М. Бахтина [Бахтин 1965], А. И. Клибанова [Клибанов 1977, 1978], В. А. Чаликовой [Утопия и утопическое мышление ... 1991], К. В. Чистова [Чистов 1967, 2003]. М. М. Бахтин исследовал не русские утопические легенды, а западноевропейскую народную культуру. Предметом его ключевого изыскания в этом направлении стало произведение Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», которое, по мнению автора, являлось энциклопедией культуры средневековой Европы. М. М. Бахтин определил, что в исследуемом памятнике литературы влияние народного творчества изучаемой эпохи в том числе и утопических идей очевидно и занимает важное место [Бахтин 1965: 223, 258–259, 278, 368–369]. Труд М. М. Бахтина стал образцовым и авторитетным в мировой науке, на него ориентировались и ссылались западные историки. Знаковым примером здесь является исследование К. Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке», где, определяя факторы, повлиявшие на формирование сознания инакомыслящего крестьянина, итальянский историк ссылался на выводы М. М. Бахтина, подкрепляя ими свои умозаключения относительно влияния утопических идей на народное мировосприятие [Гинзбург 2000].

На М. М. Бахтина в своих работах также ссылались: Г. Гюнтер в работе «Жанровые проблемы утопии и “Чевенгур” А. Платонова» [Гюнтер 1991: 253]; Г. Морсон в исследовании «Границы жанра» [Морсон 1991: 233]. Изыскания в области утопических идей было актуально в XX в. в зарубежной историографии. Данную тему помимо К. Гинзбурга разрабатывали: Е. Шацкий [Шацкий 2018], А. Мортон [Мортон 1956], Ле Руа Ладюри [Ладюри 2001]. Необходимость определения европейских исследователей, которые разрабатывали проблему утопизма как социальной идеологии в контексте сознания народных масс, обусловлена тем, что их выводы учитывались отечественными учеными при написании своих научных трудов. В отечественной советской историографии также имел место опыт исследования восточных утопических идей: Д. Мустафаев [Мустафаев 1968]; А. И. Кобозев [Кобозев 1987]; Я. М. Калюжная [Калюжная 1987]; С. А. Серова [Серова 1987]; Е. Ю. Стабурова [Стабурова 1987]. Научный интерес к данной проблеме сохраняется и на современном этапе развития отечественной науки: Д. Е. Мартынов [Мартынов 2006].

Таким образом, можно констатировать, что отечественная наука имеет достаточно обширный и многогранный опыт в области исследования феномена социальных утопий, отдельные аспекты темы продолжают развиваться и на современном этапе развития гуманитарного знания. Также необходимо сделать вывод о том, что отечественные и зарубежные изыскания в области народных утопий оказывали взаимное влияние друг на друга, обуславливая целостное развитие данного направления исследовательской деятельности. Проанализировав теоретическую базу, исследуемой проблемы, нужно отметить, что социальные утопии неоднородны. Присутствуют две группы: народные утопические идеи; утопические идеи, созданные мыслителями, философами и писателями.

Достаточно часто второй тип социальных утопий появлялся путем обобщения или переосмысления первого. Примером доказательства такого алгоритма появления социальных моделей идеального устройства жизни является работа М. М. Бахтина [Бахтин 1965]. В рамках настоящей статьи первостепенный интерес представляют именно исследования в области народных утопий и их влияния на крестьянское сознание.

Необходимо проанализировать изыскания в области утопических идей, созданных крестьянами, для анализа подходов отечественных ученых к исследованию данной проблемы. Главной задачей ученых, работавших с темой народных утопий как формы выражения сословных умонастроений, являлось определение вариантов формирования изучаемого феномена и места в данном процессе крестьянского сознания. К разработке утопий как отдельного направления исследовательской деятельности отечественные ученые пришли в ходе изучения фольклора и уникальных исторических явлений: старообрядчество, сектантство [Чистов 2003: 15].

А. И. Клибанов провел следующие многогранные исследования в области утопических идей: «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» [Клибанов 1977]; «Народная социальная утопия в России. XIX век» [Клибанов 1978]. В работе «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» А. И. Клибанов рассматривал социальные утопические учения в богословской мысли Руси как фактор влияющий на сознание народных масс [Клибанов 1977: 21]. В. А. Чаликова [Утопия и утопическое мышление... 1991], составитель хрестоматии западноевропейских утопий, отмечала сложность народных представлений об идеальном социальном устройстве.

К. В. Чистов начал разрабатывать проблему народных утопий еще в рамках советской историографии [Чистов 1967], затем продолжил работу в условиях методологического плюрализма на постсоветском этапе [Чистов 2003]. В своих изысканиях делал вывод о том, что XX в. – это период кризиса утопических идей. По мнению исследователя, в это время утопии сменяются антиутопиями и дистопиями [Чистов 2003: 15]. Утопия, по мнению К. В. Чистова, – это форма выражения коллективного оптимизма. Крестьянская футурология [там же]. В контексте появления и развития крестьянских утопических идей автор делает ряд выводов относительно сознания сословия: ошибочность умозаключения об абсолютизации крестьянского прагматизма [там же]; факт многократного появления утопических сказаний свидетельствует об устойчивости народной психологии на протяжении столетий [там же: 16]; народная социально-утопическая легенда – форма антифеодального протеста [там же: 18]. Также К. В. Чистовым делается вывод о том, что утопизм являлся формой рефлексии относительно настоящего.

Необходимо перечислить идеи, которые становились объектом работ К. В. Чистова. Сюда относятся: беловодская легенда (беловодье – старообрядческое утопическое предание о крае, где отсутствует никонианство); островок – остаток рая на земле, присутствующую в письме новгородского архиепископа Василия епископу Федору Тверскому; русская легенда об Иване Метелкине, существовавшая в послепугачевский период. Исследователь писал о механизме образования утопии, ментальные, социально-психологические аспекты появления идей такого толка [Чистов 2003: 9]. Источники, на анализе которых, строилось исследование К. В. Чистова: доносы, судебные дела и документы, связанные с процессом возвращения беглых крестьян, программные документы восставших (Разин – подметные письма, Пугачев – манифест), записанные слухи. Стоит отметить, что сведения о присутствии утопических идей в крестьянском сознании, составившие источниковую базу работ К. В. Чистова, проявлялись в условиях формирования народных девиаций.

Здесь можно провести параллель с выводами зарубежных ученых. Пример – К. Гинзбург также был в состоянии выявить факт существования народных утопий только через анализ документов, фиксирующих проявление девиаций – протоколы допросов мельника Менюкио в ходе суда инквизиции. Аналогичная практика присутствует во французской исторической антропологии. Ле Руа Ладюри также исследовал документы инквизиции по

следствию о распространении ереси в отдельной деревне, то есть опять ученый анализировал факты народных девиаций, зафиксированных современниками. Таким образом, можно сделать вывод о специфике исследования. К. В. Чистов, анализируя утопии русского народа, сопоставлял их с аналогичными легендами культур других народов. Примером такого сравнения является проведение параллели между отечественного сказания об Иване Метелкине со смежной это новогубридской легендой о Джоне Фруме, существовавшей в XX в. после Второй Мировой войны. В качестве подтверждения принципиальной роли крестьянского сознания в формировании, распространении и укоренении утопических идей в среде русского народа автор приводит исторические факты [Чистов 2003: 212]. Чистов констатировал, что аспекты крестьянского мировосприятия находились в основе социально-утопических комплексов [там же : 12].

К. В. Чистов отмечал, что в 1960-х гг. разработка истории социальной психологии русских народных масс в период проведения его исследования только начиналось в отечественной науке, то есть находилось в зачаточном положении. В данных условиях автор работы «Русская народная утопия» определяет материал, являвшийся объектом его изыскания, как важный для изучения аспектов крестьянского сознания. Чистов в постсоветской историографии также продолжал заострять внимание на том факте, что основным создателем и носителем утопических легенд было крестьянское сословие [Чистов 2003: 377].

Спорным является вывод К. В. Чистова о том, что в XX в. утопические идеи перестали существовать, что данный период истории представляет собой эпоху антиутопий. Антиутопии бесспорно занимали весомую долю культурном пространстве социумов XX в., а также обрели статус формы иносказательного выражения восприятия и оценки протекавших социально-политических процессов, но утопические идеи в первой половине XX в. в русской культуре присутствовали. Единственное их отличие от легенд доиндустриальной эпохи – это авторство. Утопические идеи XX в. были созданы писателями, мыслителями и учеными, которые в таких формах пытались осмыслить возможные альтернативы социально-экономического развития обновленной эпохи. Сюда относятся идеи А. В. Чаянова, А. А. Богданова, А. П. Платонова.

Необходимо рассмотреть проблему анализа крестьянских утопий начала XX в. в отечественной историографии. Как уже отмечалось выше, данные продукты не являлись народным творчеством, но в них были выражены народные представления об идеальном социально-экономическом устройстве. Данный тезис можно доказать через анализ утопической идеи, созданной А. В. Чаяновым. Он являлся ученым экономистом, который детально анализировал проблему сельскохозяйственного производства и роли в нем крестьянских хозяйств. Исследовав специфику крестьянского производства и потребления материальных благ, Чаянов сделал вывод о присутствии в мировосприятии данного социального слоя уникальных социально-экономических аспектов. Крестьянство не стремилось к получению максимально возможного объема благ, а ограничивало себя в экономической деятельности нормами, необходимыми для удовлетворения базовых потребностей. Таким образом, ученый сформулировал теорию моральной экономики, которая, по его мнению, могла стать альтернативой капиталистическому и другим индустриальным формам организации производства. Чаянов считал, что правительство допускает ошибку, пытаясь навязать крестьянам формы социально-экономической организации, противоречащие их мировосприятию. Для четкого представления альтернативного варианта организации аграрного производства Чаяновым была написана работа «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Таким образом, можно констатировать, что в случае с утопической идеей Чаянова, речь идет про авторское произведение, в котором выражались умонастроения и аспекты сознания крестьянства. То есть имело место и обновление феномена утопии, но главная суть – иносказательное выражение народных идей сохранилось.

Аналогичная ситуация с произведением А. П. Платонова «Чевенгур» – это литературное произведение, в котором сочетаются черты утопии и антиутопии. Завуалировано автор пытается донести мысль о том, что игнорирование специфики действительности (в том числе социально-психологической), в которой разворачивается социальный эксперимент однозначно станет причиной провала. Данное произведение анализировалось с позиций утопической идеи XX в. анализировалось и отечественными [Вылцан 1996], и зарубежными исследователями [Гюнтер 1991]. Работы А. В. Чаянова и А. П. Платонова являлись моделями, созданными интеллектуалами начала XX в., в которых предпринималась попытка системно представить возможности крестьянской экономики в масштабах государства.

Еще одним автором, написавшим утопические произведения, зафиксировавшие социально-экономические и культурные и этические аспекты жизнедеятельности крестьянской общности начала XX в. являлся А. А. Богданов. Его литературные утопии представляли собой идеи другого порядка, существенно отличавшиеся от умозаключений А. В. Чаянова и А. П. Платонова. Данный факт был обусловлен тем обстоятельством, что А. А. Богданов критически относился к крестьянскому сословию, исключал его политический и экономический потенциал в обновленных постреволюционных условиях, соответственно в своих утопиях заключал, что будущее зависит от технологий, поэтому требуется кардинальное форматирование социально-экономической системы. Идеи А. А. Богданова и А. В. Чаянова становились предметом научных изысканий А. М. Никулина [Никулин 2017, 2023]. В публикации последних лет утопизм А. А. Богданова анализируется через сравнение с идеями А. В. Чаянова.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в отечественной историографии XX–XXI вв. сложилась практика анализа народных утопий в контексте изучения крестьянского мировосприятия. Советские и постсоветские исследователи наработали существенную базу в рассматриваемой сфере, которая учитывается зарубежными учеными. Исследования крестьянских утопий как материала для интерпретации аспектов крестьянского мировоззрения продолжают сохранять актуальность и обладают рядом перспектив, кроме того данный вывод подтверждается наличием крестьяноведов, работающих в изучаемом направлении.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1965. 527 с. EDN: VQMUOV
2. Вылцан М. А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы международной конференции. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 331–343.
3. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М. : РОССПЭН, 2000. 269 с.
4. Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. М. : Прогресс, 1991. С. 252–276.
5. Калюжная Я. М. Утопическое государство Чжан Бинлиня // Китайские социальные утопии : сборник статей. М. : Наука, 1987. 308 с.
6. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. : Наука, 1977. 335 с.
7. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М. : Наука, 1978. 342 с.
8. Кобозев А. И. Понятийно-теоретические основы конфуцианской социальной утопии // Китайские социальные утопии : сборник статей. М. : Наука, 1987. С. 58–103.
9. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург : Уральский университет, 2001. 541 с.

10. Мартынов Д. Е. Даосская утопия Тай пин: политические и этические аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Том 148. № 4. С. 106–119. EDN: HZOBVV
11. Миронов Б. Н. Poverty of thought or necessary caution in Russian history // Histoire russe. 1990. Т. 17. № 4. С. 429–430. DOI: 10.1163/187633190X00057 EDN: WKHBFT
12. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. М. : Прогресс, 1991. С. 233–251.
13. Мортон А. Английская утопия. М. : Иностранная литература, 1956. 280 с.
14. Мустафаев Д. О социальных утопиях в странах Востока // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 112–124.
15. Никулин А. М. Чаяновский утопизм: балансируя среди кризисов интенсификации оптимумов // Крестьяноведение. 2017. Том 2. № 1. С. 6–30. EDN: ZCIMZH
16. Никулин А. М., Троцук И. В. Утопии Александра Богданова и Александра Чаянова: выбор пути сельско-городского развития и его последствия для сельского человеческого капитала и социальной дифференциации // Крестьяноведение. 2023. Том 8. № 4. С. 23–40. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-4-23-40 EDN: КНОНРУ
17. Серова С. А. Социальный идеал в пьесе Тан Сяньцзу «Сон о Нанькэ» // Китайские социальные утопии. Сборник статей. М., 1987.
18. Стабурова Е. Ю. Утопии китайских анархистов // В.: Китайские социальные утопии : сборник статей. М., 1987. С. 253–270.
19. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической науке // Материалы международной конференции. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 7–21.
20. Шацкий Е. История социологической мысли. Том 1. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 720 с.
21. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с. EDN: YXKNHV
22. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 546 с.
23. Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. 405 с.

References

1. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa [The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1965, 527 p. EDN: VQMUOV (In Russ.).
2. Vylcan M. A. Individualizm i kollektivizm krest'yan [Individualism and collectivism of peasants]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX-XX vv.)* [Mentality and agricultural development of Russia (XX-XX centuries)]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 1996, pp. 331-343. (In Russ.).
3. Ginzburg K. Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI veke [Cheese and Worms: A 16th-Century Miller's Worldview]. Moscow, ROSSPEHN, 2000, 269 p. (In Russ.).
4. Gyunter G. Zhanrovye problemy utopii i «Chevengur» A. Platonova [Genre issues of utopia and A. Platonov's "Chevengur"]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoj literatury* [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature]. Moscow, Progress, 1991, pp. 252-276. (In Russ.).
5. Kalyuzhnaya Ya. M. Utopicheskoe gosudarstvo Chzhan Binlina [Zhang Binglin's Utopian State]. *Kitajskie social'nye utopii* [Chinese social utopias]. Moscow, Nauka, 1987, 308 p. (In Russ.).
6. Klibanov A. I. Narodnaya social'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma [People's social utopia in Russia. The feudal period]. Moscow, Nauka, 1977, 335 p. (In Russ.).
7. Klibanov A. I. Narodnaya social'naya utopiya v Rossii. XIX vek [Popular social utopia in Russia. 19th century]. Moscow, Nauka, 1978, 342 p. (In Russ.).
8. Kobozev A. I. Ponyatijno-teoreticheskie osnovy konfucianskoj social'noj utopii [Conceptual and theoretical foundations of the Confucian social utopia]. *Kitajskie social'nye utopii* [Chinese social utopias]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 58-103. (In Russ.).
9. Le Rua Ladyuri Eh. Montajyu, oksitanskaya derevnya (1294-1324) [E. Montailou, Occitan village (1294-1324)]. Ekaterinburg, Ural'skij universitet, 2001, 541 p. (In Russ.).

10. Martynov D. E. Daosskaya utopiya Taj pin: politicheskie i ehticheskie aspekty [The Taoist Utopia of Taiping: Political and Ethical Aspects]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities]. 2006. vol. 148, no. 4, pp. 106-119. EDN: HZOBVV (In Russ.).
11. Mironov B. N. Poverty of thought or necessary caution in Russian history. *Histoire russe*. 1990, vol. 17, no. 4, pp. 429-430. DOI: 10.1163/187633190X00057 EDN: WKHBFT
12. Morson G. Granicy zhanra [Boundaries of the genre]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [Utopia and utopian thinking]. Moscow, Progress, 1991, pp. 233-251. (In Russ.).
13. Morton A. Anglijskaya utopiya [English Utopia]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1956, 280 p. (In Russ.).
14. Mustafaev D. O social'nyh utopiyah v stranah Vostoka [On social utopias in the countries of the East]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1968, no. 8, pp. 112-124. (In Russ.).
15. Nikulin A. M. Chayanovskij utopizm: balansiruya sredi krizisov intensivizatsii optimumov [Chayanovsky's Utopianism: Balancing Among the Crises of Intensifying Optima]. *Krest'yanovedenie* [Peasant studies]. 2017, vol 2, no. 1, pp. 6-30. EDN: ZCIMZH (In Russ.).
16. Nikulin A. M., Trocuk I. V. Utopii Aleksandra Bogdanova i Aleksandra Chayanova: vybor puti sel'sko-gorodskogo razvitiya i ego posledstviya dlya sel'skogo chelovecheskogo kapitala i social'noj differenciacii [The Utopias of Alexander Bogdanov and Alexander Chayanov: The Choice of Rural-Urban Development Path and Its Consequences for Rural Human Capital and Social Differentiation]. *Krest'yanovedenie* [Peasant studies]. 2023, vol. 8, no. 4, pp. 23-40. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-4-23-40 EDN: KHOHRY (In Russ.).
17. Serova S. A. Social'nyj ideal v p'ese Tan Syan'czu «Son o Nan'keh» [The Social Ideal in Tang Xianzu's Play “The Dream of Nanke”]. *Kitajskie social'nye utopii* [Chinese social utopias]. Moscow, 1987. (In Russ.).
18. Staburova E. Yu. Utopii kitajskih anarhistov [Utopias of Chinese anarchists]. *Kitajskie social'nye utopii* [Chinese social utopias]. Moscow, 1987, pp. 253-270. (In Russ.).
19. Fild D. Istoriya mentaliteta v zarubezhnoj istoricheskoj nauke [The history of mentality in foreign historical science]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 1996, pp. 7-21. (In Russ.).
20. Shackij E. Istoriya sociologicheskoy mysli [History of sociological thought]. Vol. 1, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 720 p. (In Russ.).
21. Chistov K. V. Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII-XIX vv. [Russian folk social-utopian legends of the 17th-19th centuries]. Moscow, Nauka, 1967, 341 p. EDN: YXKNHV (In Russ.).
22. Chistov K. V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funkcii social'no-utopicheskikh legend) [Russian Folk Utopia (Genesis and Functions of Social-Utopian Legends)]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2003, 546 p. (In Russ.).
23. Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and utopian thinking]. Editor-in-chief V. A. Chalikova, Moscow, Progress, 1991, 405 p. (In Russ.).

Информация об авторе

***Д. А. Акимцев – аспирант,
Пензенский государственный университет.***

Information about the author

***D. A. Akimtsev – Postgraduate Student,
Penza State University.***

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 37–41.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 37-41.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-37-41

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРАДАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Тимофей Георгиевич Горин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
tgjrin567@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена преодолению бинарного подхода к инструментальной семантике глагола и обоснованию её градационной природы. Анализ примеров из Национального корпуса русского языка и толковых словарей показывает, что инструментальность может проявляться как от полной лексической кодификации орудия, так и до его абстрактной трансформации. Предложенная градационная модель позволяет перейти от дискретного к непрерывному описанию инструментальной категории и углубляет понимание глагольной валентности в русском языке. Кроме того, вопросы, связанные с актуализацией той или иной категории, а глаголы инструментальной семантики функционируют в поликатегориальной ситуации, находятся в фокусе внимания многих исследователей, занимающихся проблемами межкатегориального взаимодействия. Рассматривая же саму специфику предлагаемой градации, необходимым является упоминание того, что имеются и другие, отличные от традиционных, варианты выражения инструментальности. Рассмотрим все возможные варианты: глаголы с инкорпорированным инструментом (опредмеченные), глаголы с обязательным употреблением прототипического инструмента, глаголы с факультативным инструментом и глаголы с метафорической / абстрактной инструментальностью.

Ключевые слова: функциональная грамматика, семантика, инструментальность, глагол, русский язык.

Для цитирования: Горин Т. Г. Семантическая градация инструментальных глаголов // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 37–41.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-37-41>

Original article

SEMANTIC GRADATION OF INSTRUMENTAL VERBS

Timofey G. Gorin

Perm State University, Perm, Russia, tgjrin567@gmail.com

Abstract. The article addresses the limitations of the binary approach to instrumental verb semantics and substantiates its gradational nature. Analysis of examples from the National Corpus of Russian Language and explanatory dictionaries demonstrates that instrumentality manifests along a continuum—from complete lexical incorporation of the instrument to its abstract transformation. The proposed gradational model enables a shift from discrete to continuous description of the instrumental category and deepens the understanding of verbal valency in Russian. In addition, issues related to the actualization of a particular category, and verbs of instrumental semantics function in a polycategorical situation, are in the focus of attention of many researchers dealing with problems of intercategory interaction. Considering the very specifics of the proposed gradation, it is necessary to mention that there are other, different from the

traditional, variants of the expression of instrumentality. Let's consider all possible options: verbs with an incorporated instrument (objectified), verbs with the obligatory use of a prototypical instrument, verbs with an optional instrument, and verbs with metaphorical/abstract instrumentality.

Keywords: functional grammar, semantics, instrumentality, verb, Russian language.

For citation: Gorin T. G. Semantic gradation of instrumental verbs. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:37-41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-37-41>

Введение

Вопросы, связанные с актуализацией той или иной категории находятся в фокусе внимания многих исследователей, занимающихся проблемами межкатегориального взаимодействия [Сюткина, Шустова 2025; Шустова 2025; Архипова, Шустова 2025]. Заслуживает внимания моделирование процессов категоризации в рамках когнитивных сценариев функционирования эмотивных каузативов [Шустова, Нагзибекова 2025], инструментальных глаголов [Яркова, Шустова, Сюткина 2025], а также в аспекте изучения функционального потенциала фразеологизмов с инструментальным компонентом [Меньшакова, Рябкин, Шустова 2025].

Исследуя тему специфики глаголов инструментальной семантики, мы обнаруживаем, что инструментальность традиционно рассматривается как бинарная категория передачи смыслов, хотя в действительности инструментальность может проявлять и градуальный характер. Для начала необходимо изучить традиционные варианты передачи инструментальности глаголами – опредмеченная и неопредмеченная инструментальность. Среди исследователей, рассматривающих данную многогранность глаголов следует отметить следующих: Апресян Ю. Д. [Апресян 1966], Е. В. Мартынюк [Мартынюк 2014], В. В. Яркова [Яркова 2025], С. В. Шустова [Шустова 2022], и т. д.

Основная часть

Рассматривая же саму специфику предлагаемой градации, необходимым является упоминание того, что имеются и другие, отличные от традиционных, варианты выражения инструментальности. Рассмотрим все возможные варианты: глаголы с инкорпорированным инструментом (опредмеченные), глаголы с обязательным употреблением прототипического инструмента, глаголы с факультативным инструментом и глаголы с метафорической / абстрактной инструментальностью. Для глубокого понимания специфики данного вопроса, необходимо дать пояснение каждой из выделенных групп глаголов, выражающих инструментальную семантику.

Опредмеченная инструментальность реализуется посредством лексической инкорпорации предмета в сам глагол, например, инструмент *пила* заключается в глаголе *пилить*, инструмент *молот* в глаголе *молотить*, *резак* в значении острого предмета в глаголе *резать*. Учитывая сам факт того, что инструмент уже закодирован в глагол, эта группа является демонстративным примером прототипической инструментальности. Прототипические значения инструментальности выражены именно в прямых значениях глагола. Неопредмеченная же инструментальность актуализируется через имплицитную передачу инструмента посредством заключенного смыслового значения в самом глаголе или с помощью употребления дополнительных, указывающих на определенный предмет, слов. Это говорит о том, что благодаря смысловой нагрузке глаголов, употребляемых в определенных значениях и контекстах, мы считываем указание использования какого-либо предмета для исполнения описываемого действия. Фактически, данную группу можно разделить на три подвида употребления: глаголы с обязательным употреблением прототипического инструмента, глаголы с факультативным инструментом и глаголы с метафорической или абстрактной инструментальностью. Необходимо раскрыть сущность каждого из данных видов.

Глаголы с обязательным употреблением прототипического инструмента представляют собой группу глаголов, в которых инструмент не инкорпорирован в само глагольное значение, но семантически обязателен для реализации действия в его базовом/прототипическом значении. Более того, в рамках этого подвида используемый инструмент может варьироваться в пределах

функционального класса. Для большей наглядности приведем примеры: глагол *грести* подразумевает под собой прототипический инструмент – *весло*. Из-за того, что первым значением самого глагола является следующее: «*Работать веслом, вёслами для приведения в движение лодки, плота и т. п., направляя их куда-либо*». [Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова], мы действительно наблюдаем обязательное орудие совершения самого действия. Синтаксически такой глагол может обходиться и без описания самого орудия выполнения действия из-за того, что контекстуально все равно будет понятно выбранное значение глагола. Рассмотрим такие примеры: «*Поэтому следует сразу же, как попадаешь в струи переката, грести ближе к острову*». [В. А. Марушин. По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш (2016), НКРЯ]. «*Пусть он гребёт, а если кто упадёт за борт, поможет*». [А. Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015, НКРЯ]. «*Я быстро научился грести тяжёлым для подростка веслом*». [В. О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015), НКРЯ].

Более того, если в рамках данной группы изменить первоначальное значение выбранного глагола инструментом – «руки», то мы заметим, что смысл сказанного может изменяться в совершенно другую сторону – «*Собирать (собрать) что-л. вместе, в кучу (обычно что-л. мелкое, сыпучее или жидкое, расположенное на поверхности чего-л.), захватывая с помощью грабель, лопаты, рук и таща волоком*» [Большой толковый словарь русских глаголов Л. Г. Бабенко (отв. ред.)].

Следующая выделенная группа – это глаголы с факультативным инструментом. В рамках этого вида употребления инструмент не является семантически обязательным компонентом действия. Глагол допускает реализацию как с инструментом, так и без него, при этом базовое значение сохраняется. Данная группа может демонстрировать разные вариации значений глагола в рамках выбранных контекстов. Отсюда мы понимаем, что такие глаголы показывают факультативность актанта со значением самого инструмента: действие может быть выполнено как с использованием орудия, так и непосредственно, без изменения семантического ядра глагола. Например, глагол «*чистить*» может подразумевать под собой как действительное орудие в виде ножа, так и обыкновенные руки человека.

Главная особенность этой группы глаголов заключается в том, что суть самого действия не меняется от выбора инструмента его выполнения. Такими же глаголами могут являться «*рисовать*», «*вытирать*», «*бить*» и т. д. Рассмотрим примеры: «*Ирина и тут хлопотала: чистила овощи, раскладывала на салфеточках*». [В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002, НКРЯ]. «*А он рисовал эту картину, у него мерзли руки, и он грел свои руки..., дышал на них..., а изо рта, возможно, пахло луком, потому что он поел луку...*» [Е. Гришкoveц. ОдновреМенно (2004), НКРЯ]. «*Вытираю кровь у него с лица и никак не могу остановиться*». [А. Геласимов. Жанна (2001), НКРЯ].

Исходя из этих примеров, мы видим, что сам предмет, используемый для выполнения действия, не указан, но сущность использования чего-либо в качестве орудия и само действие не изменяется.

Рассмотрим следующую группу глаголов – глаголы с метафорической или абстрактной инструментальностью. Инструмент утрачивает материальную природу и трансформируется в абстрактное средство или способ действия. Творительный падеж здесь часто реализует не орудийную, а инструментально-метафорическую функцию. В подобных конструкциях с помощью творительного падежа выражается не физическое орудие, а абстрактное средство, что свидетельствует о расширении категории инструментальности за счёт метафорического переноса. Следует рассмотреть примеры таковых конструкций: «*За них мы и будем бороться на выборах*». [А. Градов. «Медведи» залили партийный фундамент // «Аргументы и факты», 2003.01.22, НКРЯ]. «*Действительно есть люди, которые сильно и негативно воздействуют на других*». [Сати Спивакова. Не всё (2002), НКРЯ]. То есть, в данных примерах мы не наблюдаем ни инкорпорации, ни указания на определенное орудие выполнения действия, но находим абстрактные инструменты, благодаря которым происходит выполнение действия.

Заключение

Таким образом, предложенная модель позволяет более дифференцированно описывать валентностную структуру глаголов и учитывать нюансы их семантики в зависимости от степени интеграции инструмента в действие. Результаты исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения градационных явлений в других лексико-семантических категориях.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М. : Просвещение, 1966. 302 с. EDN: PVZSJV
2. Архипова И. В., Шустова С. В. Поликатегориальный семантический комплекс (на примере категорий таксиса и инструментальности) // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 21–27. DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-21-27 EDN: CGUOCS
3. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2004. 208 с.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка // Грамота.ру. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=резать&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=резать&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 20.01.2025).
5. Мартынюк Е. В. Актант инструмент с точки зрения теории прототипов // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2 (27). С. 82–88. EDN: SZWAHR
6. Меньшакова Н. Н., Рябкин С. А., Шустова С. В. Актуализация категории инструментальности во фразеологизмах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Гуманитарные науки. 2025. № 4-2. С. 193–198. EDN: JXQLNP
7. Национальный Корпус Русского Языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Сюткина Н. П. Шустова С. В., Архипова И. В., Гаврилова Ю. В., Невельсон Е., Шустова С. В. Лингвистика эмоций // Общетеоретические проблемы языкознания: семантика, грамматика, прагматика : монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. С. 5–58. EDN: RKYRAA
9. Шустова С. В., Маслова Д. Л., Карими-Мотаххар Д. Значение инструментальности в семантическом потенциале глаголов русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8. № 4. С. 205–215. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_205 EDN: ZTGORE
10. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мио русского слова. 2025. № 3. С. 4–13. EDN: LHBQQF
11. Шустова С. В., Нагзибекова М. Б. Когнитивный сценарий функционирования глагола оскорблять в русском языке // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2025. № 1 (87). С. 129–139. EDN: CWHKNL
12. Яркова В. В., Шустова С. В. Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «Пилить») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5(499). С. 42–49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49 EDN: GYWPBN
13. Яркова В. В., Шустова С. В., Сюткина Н. П. Когнитивный сценарий категориальной ситуации инструментальности (на примере глагола пилить) Часть 1. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Т. 11. № 2. С. 196–207. DOI: 10.22250/24107190-2025-11-2-196 EDN: YHWETT

References

1. Apresyan Yu. D. Idei i metody sovremennoj strukturoj lingvistiki [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966, 302 p. EDN: PVZSJV (In Russ.).
2. Arhipova I. V., Shustova S. V. Polikategorial'nyj semanticheskij kompleks (na primere kategorij taksisa i instrumental'nosti) [Polycategorical semantic complex (using the categories of taxis and instrumentality as an example)]. *Evrazijskij humanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 4, pp. 21-27. DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-21-27 EDN: CGUOCS (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij universitet, 2004, 208 p. (In Russ.).

4. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Gramota.ru*. (In Russ.). Available at: [https://gramota.ru/poisk?query=rezat'&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=rezat'&mode=slovari&dicts[]=42) (accessed: 20.01.2025).
5. Martynyuk E. V. Aktant instrument s točki zreniya teorii prototipov [Actant instrument from the point of view of prototype theory]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University]. 2014, no. 2 (27), pp. 82-88. EDN: SZWAHR (In Russ.).
6. Men'shakova N. N., Ryabkin S. A., Shustova S. V. Aktualizaciya kategorii instrumental'nosti vo frazeologizmakh [Actualization of the instrumentality category in phraseological units]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Current Issues of Theory and Practice: Humanities]. 2025, no. 4-2, pp. 193-198. EDN: JXQLNP (In Russ.).
7. Nacional'nyj Korpus Russkogo Yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 20.01.2025).
8. Syutkina N. P., Shustova S. V., Arkhipova I. V., Gavrilova Yu. V., Nevel'son E., Shustova S. V. Lingvistika ehmozij [Linguistics of emotions]. *Obshcheteoreticheskie problemy yazykoznanija: semantika, grammatika, pragmatika* [General theoretical problems of linguistics: semantics, grammar, pragmatics]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2025, pp. 5-58. EDN: RKYRAA (In Russ.).
9. Shustova S. V., Maslova D. L., Karimi-Motakhkhar D. Znachenie instrumental'nosti v semanticheskom potenciale glagolov russkogo yazyka [The Importance of Instrumentality in the Semantic Potential of Russian Verbs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2022, vol. 8, no. 4, pp. 205-215. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_205 EDN: ZTGORE (In Russ.).
10. Shustova S. V. Kategorial'nyj semanticheskij kompleks v grammatike (na primere kategorij ehmotivnosti i kauzativnosti) [Categorical semantic complex in grammar (using the categories of emotiveness and causativeness as an example)]. *Mio russkogo slova* [Mio of the Russian word]. 2025, no. 3, pp. 4-13. EDN: LHBQQF (In Russ.).
11. Shustova S. V., Nagzibekova M. B. Kognitivnyj scenarij funkcionirovaniya glagola oskorblyat' v russkom yazyke [The cognitive scenario of the functioning of the verb “oskorblyat’” (offend) in Russian]. *Vestnik universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Slavyanskij) universitet)* [Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavic) University)]. 2025, no. 1 (87), pp. 129-139. EDN: CWHKNL (In Russ.).
12. Yarkova V. V., Shustova S. V. Neprototipicheskaya kategorial'naya situaciya instrumental'nosti (na primere glagola russkogo yazyka «Pilit'») [A non-prototypical categorical situation of instrumentality (using the example of the Russian verb “to saw”).] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2025, no. 5(499), pp. 42-49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49 EDN: GYWPBN (In Russ.).
13. Yarkova V. V., Shustova S. V., Syutkina N. P. Kognitivnyj scenarij kategorial'noj stuacii instrumental'nost (na primere glagola pilit') [Cognitive scenario of the categorical situation of instrumentality (using the verb “to saw”).] *Teoreticheskaya i prikladnaya lngvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2025, vol. 11, no. 2, pp. 196-207. DOI: 10.22250/24107190-2025-11-2-196 EDN: YHWETT (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Горин – аспирант, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T. G. Gorin – Postgraduate Student, Department of Foreign Philology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 10.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 10.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 42–48.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 42-48.

Научная статья

УДК 811.161.1'27

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-42-48

ОТРАЖЕНИЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО КОДА В ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЗООНИМОМ «ОЛЕНЬ»

Дун Сяобинь

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
e406056492@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию образа оленя в русском языковом, культурном и мифологическом пространстве через призму фразеологических единиц. На основе анализа лингвистических источников, таких как словари, пословицы и фольклорные традиции, рассматриваются различные значения и символика анимализма *олень* в русской культуре. Так, образ оленя определяется как крупное парнокопытное животное с ветвистыми рогами, которое в русской культуре считается символом силы, грации, быстроты и выносливости. В русском фольклоре и пословицах олень выступает как метафора надежности, жизненного пути, проверки на прочность и духовного поиска, что отражает нравственные ценности и уважение к этому животному у народов Севера – ханты, эвенков, алтайцев. Особенно ярко его символика проявляется в мифологии и поэзии, где олень ассоциируется с солнцем, чистотой, обновлением, а также выступает носителем духовных сил и мифологических образов о мировом древе и солнечной символике. В мифах он выступает как связующее звено между человеком и природой, символизируя вечное движение и гармонию. Также в статье проводится анализ переносных значений анимализма *олень* в современном молодежном сленге, где слово иногда приобретает пренебрежительный оттенок, обозначая человека с простоватым характером. Однако автор подчеркивает, что такие значения не подтверждаются традиционными источниками. В целом, образ оленя в русском культурном и духовном пространстве является многогранным символом, объединяющим духовные, нравственные и мифологические аспекты, отражающими ценности и мировоззрение народов России.

Ключевые слова: анималистический код, фразеологические выражения, анимализмы, анималистические фразеологизмы.

Для цитирования: Дун Сяобинь. Отражение анималистического кода в фразеологизмах русского языка с зоонимом «олень» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 42–48. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-42-48>

Original article

THE REFLECTION OF THE ANIMALISTIC CODE IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE WITH THE ZOONYM «DEER»

Dong Xiaobin

Perm State University, Perm, Russia, e406056492@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the image of a deer in the Russian linguistic, cultural and mythological space through the prism of phraseological units. Based on the analysis of linguistic sources such as dictionaries, proverbs and folklore traditions, the various meanings and symbols of the zoonym «deer» in Russian culture are considered. Thus, the image of a deer is defined as a large artiodactyl animal with branched horns, which in Russian culture is considered a symbol of strength, grace, speed and endurance. In Russian folklore and

proverbs, the deer acts as a metaphor for reliability, a way of life, a test of strength and spiritual search, which reflects the moral values and respect for this animal among the peoples of the North – Khanty, Evens, Altaians. Its symbolism is especially evident in mythology and poetry, where the deer is associated with the sun, purity, renewal, and also acts as a carrier of spiritual forces and mythological images about the world tree and solar symbols. In myths, he acts as a link between man and nature, symbolizing eternal movement and harmony. The article also analyzes the figurative meanings of the zoonym «deer» in modern youth slang, where the word sometimes takes on a disparaging connotation, denoting a person with a rustic character. However, the author emphasizes that such values are not confirmed by traditional sources. In general, the image of the deer in the Russian cultural and spiritual space is a multifaceted symbol that combines spiritual, moral and mythological aspects, reflecting the values and worldview of the peoples of Russia.

Keywords: animalistic code, phraseological expressions, animalism, animalistic phraseological units.

For citation: Dong Xiaobin. The reflection of the animalistic code in the phraseological units of the Russian language with the zoonym «deer». *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:42-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-42-48>

Введение

Актуальным направлением в современной лингвистике рассматривается лингвокультурология, в фокусе внимания которой находятся вопросы, связанные с реализацией в языке культурных кодов. Так, например, в коллективных монографиях обсуждаются вопросы фразеологической картины мира в лингвистическом и лингводидактическом аспектах [Фразеологическая картина мира ... 2025; Фразеологизмы и поговорки ... 2020; Шустова, Милованова 2025], изучаются когнитивные признаки в русских фразеологизмах [Бай, Шустова 2024], анализируется фразеологический потенциал языковых единиц, актуализирующих рельефный код [Ситькова 2025; Пинягин, Ситькова 2024, 2025].

Образ оленя также занимает важное место в культурной, языковой и мифологической традиции народов, являясь универсальным символом силы, скорости, грации и духовности. Согласно различным словарям и фольклорным источникам, олень – это крупное парнокопытное животное с ветвистыми рогами, которого у русского народа и народов Евразии часто связывают с положительными качествами, такими как надежность, духовное очищение и связь с природой. В мифологиях алтайцев и народов Севера олень выступает как носитель души богатыря, символ солнечной энергии и обновления, а в пословицах его образ подчеркивает ценности жизненного пути и преодоления трудностей. В поэзии и народных представлениях олень часто ассоциируется с солнцем и мировым деревом, выступая как духовный проводник и символ гармонии с природой. Образ оленя является многогранным символом, объединяющим в себе духовные, нравственные и культурные аспекты народного мировосприятия.

Основная часть

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], *олень* – это крупное парнокопытное животное с ветвистыми рогами. Самкой *оленя* является *олениха*. Детеныша *оленя* называют *олеником* (мн. ч. – *оленята*). *Оленю* в словаре под редакцией С. А. Кузнецова дается значение «жвачное парнокопытное млекопитающее с ветвистыми рогами» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Согласно словарю В. И. Даля [1989], детеныша *оленя* также могут называть *олений теленок*, *неблуд*, *пыжик*, *олешек*, *олешки*. По В. И. Далю *олень* – это также 1. «Северная хороводная и святочная игра, в которой девки с песнями ходят вокруг парня, который собирает с них по платочку и берет после выкуп» [Толковый словарь живого великорусского языка 1989]; а также 2. «Жук-олень, самый большой в Европе, лукан, рогац, со жвалами в виде оленьих рогов» [там же].

В языковой практике образ *оленя* – это универсальный благоприятный символ, ассоциирующийся с Востоком, восходом, светом, чистотой, обновлением, созиданием и духовностью. Так, исследование символики мифологии алтайского героического эпоса позволило установить, что у *оленя* проявляются исключительно положительные черты: это животное в мифологических представлениях алтайцев выступает «носителем души богатыря или хозяина тайги» [Ойношев 1998: 16].

Образ *олень* в пословицах ханты занимает важное место, подчеркнутое через разнообразные метафорические сравнения и символические ассоциации, связанные с его силой, выносливостью, способностью преодолевать трудности и проверкой в пути: *сильному оленю большая дорога не страшна, слабому и маленькая тяжела; оленю лучшая мерка – в дороге проверка; больной олень далеко не увезет; оленя узнаешь в упряжке, а человека на промысле; оленя хватают за рога, человека ловят на слове; олень без дороги болото найдет; на наших оленях ручей перейти, как Обь переехать; знай, доброе слово и оленя на путь выводит* и т. д. Эти пословицы демонстрируют высокое уважение к оленю как к символу жизненного пути, надежности и гармонии с природой.

Наиболее характерные качества *олень* – это стремительность, грация, красота. В лингвокультуре эвенов и ханты белый *олень* воспринимается как священное животное. *Олень* часто связывают с поэзией – так, «в стихотворении М. И. Шульгина подчеркнуто обращение: «Друг мой – северный *олень*», что отражает тесную духовную связь человека и *олень*, реализует метафору «*олень* – солнечная стрела», указывает на стремительность, быстроту *олень*» [Руднева, Короб 2022: 77]. В поэзии Е. Д. Каксиной и М. И. Шульгина *олень* предстает как символ солнца, его рога сравниваются с ветвями, что имеет культурные корни в мифологии и отсылает к образу мирового древа. Солярный код, реализуемый через образ *олень*, также широко распространён среди народов Евразии и Америки.

Некоторые исследователи [Руднева, Короб 2022] считают, что наблюдается выраженная изоморфия между пословицами, содержащими образ *олень*, и фольклорными мотивами народов Севера. Концепт *олень* в языковой картине мира ханты уходит корнями в более широкий семантический спектр, включающий такие идеи, как человек, труд, дорога, ценность, связь поколений. Эта семантическая модель имеет свои параллели в концептуальных полях пословичного наследия других северных народов [Кошкарева 2011: 106], что свидетельствует об универсальности и внутренней связанности данных мифологических и культурных аспектов.

В современном молодежном сленге *олень* в переносном значении нередко используется с пренебрежительной коннотацией и может означать человека с простоватым, прямолинейным и безынициативным характером, однако данный тезис не нашёл подтверждения в авторитетных словарях русского языка.

Олень – символ дружбы / не дружбы: олень (елень) быстра, не коню сестра (посл.) – кто-то не равен другому или не является его ровней, подчеркивая различие в статусе, силе или достоинствах. Синонимический ряд пословицы имеет следующий вид: *конь горбат, не мерину брат; чужой человек; посторонний; ни сват ни брат*.

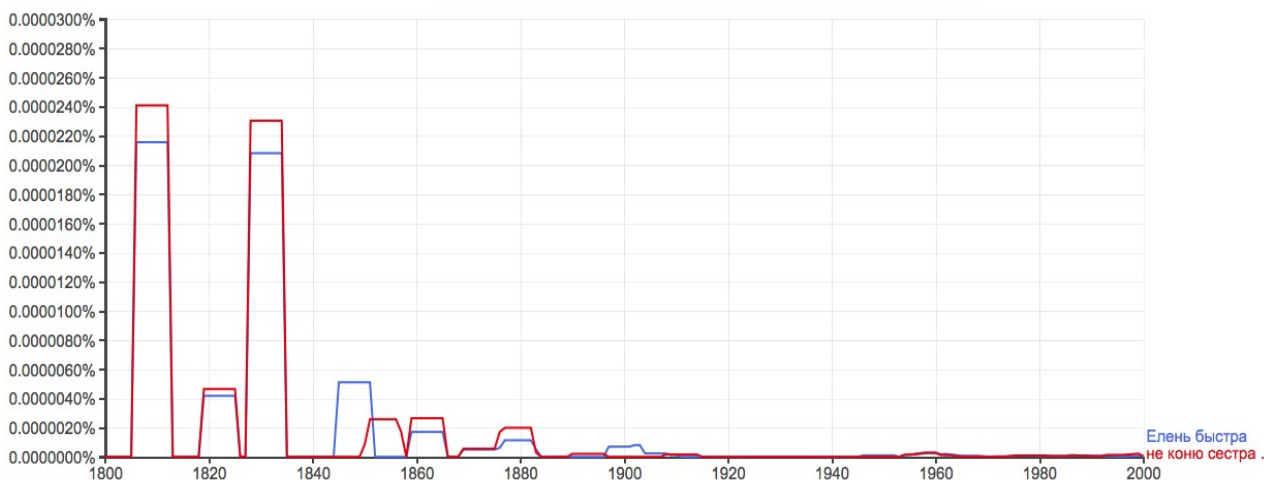


Схема 1. Частотность функционирования пословицы *олень (елень) быстра, не коню сестра* в русском языке по данным GBNV

Купил мужик корову, ан вышел бык; ин так и быть; Конь горбат, не мерину брат; Елень быстра, не коню сестра; Высохло море, а все не луже брат (чета); Пришить хвост, так настоящий пес [Толковый словарь живого великорусского языка 1989].

В исследовательском корпусе Ngram Viewer пословица *елень (елень) быстра, не коню сестра* зафиксирована в 1806 г. В исследовательском корпусе НКРЯ пословица *елень (елень) быстра, не коню сестра* не зафиксирована.

Олень – символ духовной любви: елень на источники водные (полная версия из Библии – *имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе Боже*) – сравнение, которое подчеркивает духовную потребность человека в Боге, как физиологическую потребность в воде для выживания. Синонимический ряд фразеологизма имеет следующий вид: *жизненно необходим; без него не прожить; без него нельзя; без него никак; крайне нужен; без него как без рук; как рыба без воды; жизненно важно; крайне необходимо; необходимо как вода*.

И ныне, верь мне – только здесь нахожу я покой, только сюда удаленный внемлю я гласу души моей, как елень на источники водные, стремящейся в небесную отчизну свою! [Н. А. Полевой. Повесть о Симеоне суздальском князе (1828), НКРЯ].

Потом бежит искать воды напиться, и если не найдет, умирает; яко же глаголет и Давид: им же образом желает елень на источники водные и т.д. [Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи (1861), НКРЯ].

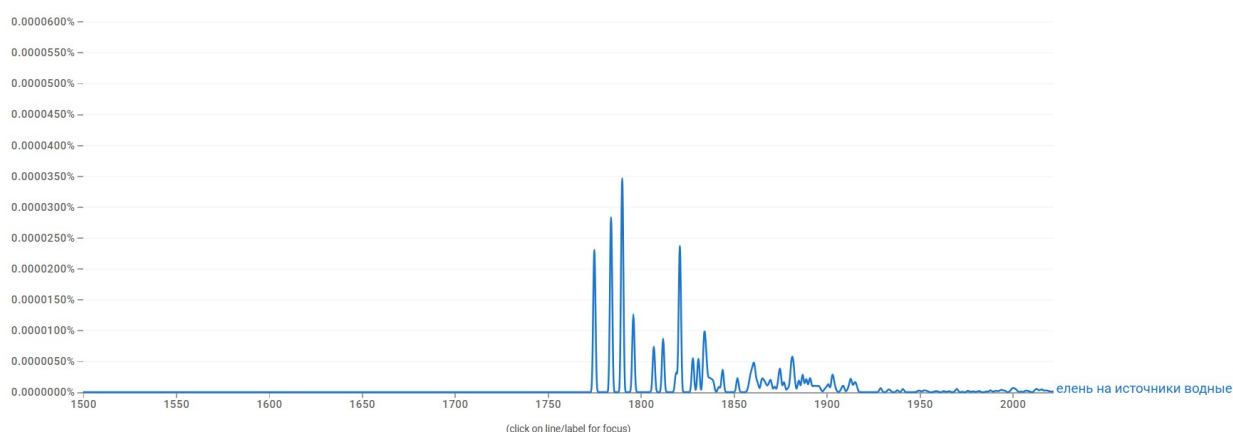


Схема 2. Частотность функционирования пословицы *елень на источники водные* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе Ngram Viewer пословица *елень на источники водные* зафиксирована в 1775 г.

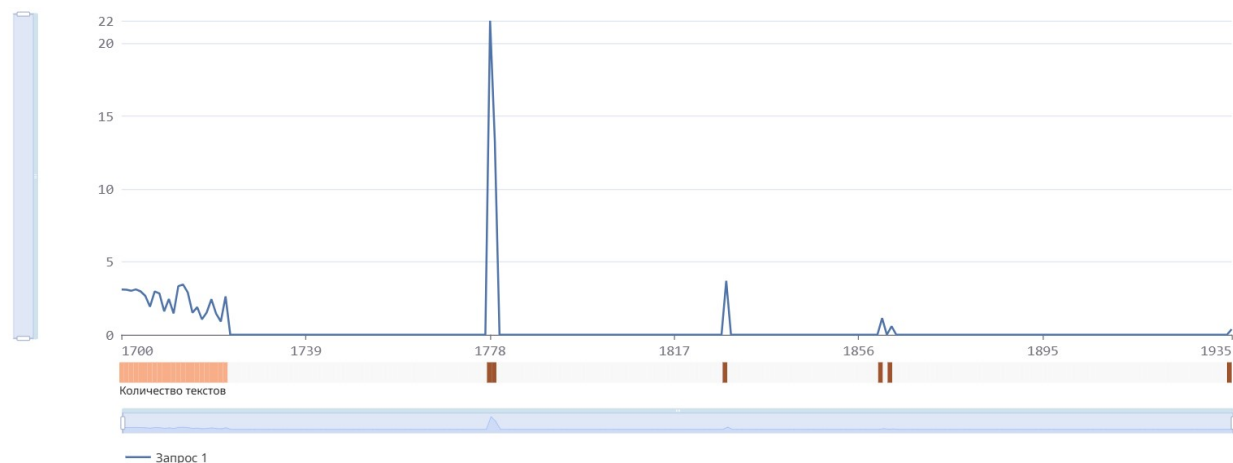


Схема 3. Частотность функционирования пословицы *елень на источники водные* в русском языке по данным НКРЯ

В исследовательском корпусе НКРЯ пословица *елень на источники водные* зафиксирована в 1682 г.

Образ *олень* занимает важное место в культурной, языковой и мифологической традиции народов севера. Он определяется как животное, обладающее символическим значением, связанным с добродетелями – силой, выносливостью, скоростью и грацией. В мифологии и пословицах *олень* выступает как символ жизненного пути, надежности, духовности и гармонии с природой, его образ насыщен положительными ассоциациями с солнцем, чистотой, обновлением.

В поэзии и символической традиции *олень* воспринимается как священное животное, носитель духовных начал, его образ часто связан с мифологическими представлениями о мировом древе и солярных символах. В современном молодежном сленге *олень* приобретает переносное значение, выражающее недоброжелательное отношение или характеристику человека, эта интерпретация не подтверждается авторитетными лингвистическими источниками.

Заключение

Образ оленя – это сложный и многогранный символ, являющийся выражением мировоззренческих и духовных ценностей народов России. Образ оленя в русской культуре и мифологии выделяется своей универсальностью и богатством символических значений, объединяющих положительные черты, такие как сила, грация, скорость и духовная чистота. Этот зооним занимает важное место в пословицах, фольклоре и поэтических произведениях, выступая как символ жизненного пути, надежности и гармонии с природой, а также связующим звеном с солнцем и мировым древом в мифологических представлениях.

В традиционной культуре северных народов олень воспринимается как священное животное, носитель душ богатыря и хозяин тайги, что показывает его духовную значимость. Несмотря на современное использование слова в молодежном сленге с пренебрежительной коннотацией, исторические и лингвистические источники подтверждают его глубокий культурный и символический заряд.

Список литературы

1. Бай Л., Шустова С. В. Актуализация когнитивного признака УДАЧА в оппозиции «СЧАСТЬЕ-НЕСЧАСТЬЕ» в русских фразеологизмах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 7. С. 150–153. EDN: FDDZVV
2. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. 1536 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М. : Художественная литература, 1989. Т. 2. 447 с.
4. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург : Баско, 2011. 208 с.
5. Ожегов О. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Ойношев В. П. Символика мифологии алтайского героического эпоса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1998. 22 с. EDN: WWJOFI
7. Руднева О. В., Короб А. О. Этнолингвокультурный концепт ОЛЕНЬ в хантыйской языковой картине мира // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 73–83. DOI: 10.26105/PBSSPU.2022.32.22.003 EDN: YCQIOS
8. Ситькова А. С. Лингвокультурный потенциал рельефного кода: фразеологические единицы с опорным компонентом *stone* // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Т. 11. № 4. С. 102–119. DOI: 10.22250/24107190-2025-11-4-102 EDN: HYMAVW
9. Пинягин Ю. Н., Ситькова А. С. Фразеологические и праемиологические единицы с опорным компонентом “*garden*” // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 6–15. EDN: NDCAAO

10. Пинягин Ю. Н., Ситькова А. С. Лингвокультурный потенциал рельефного кода: фразеологические единицы с опорным компонентом rock // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2025. № 1-2. С. 212–216. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.01-2.32 EDN: KNGYFJ

11. Фразеологическая картина мира: лингвистические и дидактические аспекты / С. В. Шустова, Н. Н. Меньшакова, Т. И. Зеленина, С. В. Милованова. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. 175 с. ISBN: 978-5-7944-4209-0 EDN: VSCABL

12. Фразеологизмы и паремии: лингвистические и прагматические аспекты функционирования / В. Мидер, С. В. Шустова, Н. Н. Меньшакова, С. Цзоу, М. П. Завгороднева. Пермь : Пермский институт экономики и финансов, 2020. 188 с. ISBN: 978-5-904417-92-5 EDN: SZWRSG

13. Шустова С. В., Милованов С. В. Лингводидактический потенциал фразеологизмов и паремий с компонентами кулинарного кода // Фразеологическая картина мира: лингвистические и дидактические аспекты. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. С. 67–155. EDN: ZBIRXW

References

1. Baj L., Shustova S. V. Aktualizaciya kognitivnogo priznaka UDACHA v oppozicii «SCHAST'E-NESCHAST'E» v russkih frazeologizmah [Actualization of the cognitive feature LUCK in the opposition “HAPPINESS-MISFORTUNESHIP” in Russian phraseological units]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Contemporary Science: Current Theory and Practice. Series: Humanities]. 2024, no. 7, pp. 150-153. EDN: FDDZVV (In Russ.).

2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsova. Saint Petersburg, Norint, 2003, 1536 p. (In Russ.).

3. Dal' V. I. Posloviy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1989, vol. 2, 447 p. (In Russ.).

4. Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Ed. by N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg, Basko, 2011, 208 p. (In Russ.).

5. Ozhegov O. S., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p. (In Russ.).

6. Ojnoshev V. P. Simvolika mifologii altajskogo geroicheskogo ehposa [Symbolism of the mythology of the Altai heroic epic]. PhD dissertation abstract. Gorno-Altajsk, 1998, 22 p. EDN: WWJOFI (In Russ.).

7. Rudneva O. V., Korob A. O. Ehtnolingvokul'turnyj koncept OLEN' v hantyjskoj yazykovoj kartine mira [The Ethno-Linguistic Concept of DEER in the Chinese Linguistic Worldview]. *Filologicheskij vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2022, no. 3 (11), pp. 73-83. DOI: 10.26105/PBSSPU.2022.32.22.003 EDN: YCQIOS (In Russ.).

8. Sit'kova A. S. Lingvokul'turnyj potencial rel'efnogo koda: frazeologicheskie edinicy s opornym komponentom stone [Linguistic and cultural potential of the relief code: phraseological units with the supporting component stone]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2025, vol. 11, no. 4, pp. 102-119. DOI: 10.22250/24107190-2025-11-4-102 EDN: HYMAVW (In Russ.).

9. Pinyagin Yu. N., Sit'kova A. S. Frazеологические и праемиологические единицы с опорным компонентом “garden” [Phraseological and proto-epithematic units with the supporting component “garden”]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 3, pp. 6-15. EDN: NDCAA0 (In Russ.).

10. Pinyagin Yu. N., Sit'kova A. S. Lingvokul'turnyj potencial rel'efnogo koda: frazeologicheskie edinicy s opornym komponentom rock [Linguistic and cultural potential of the relief code: phraseological units with the supporting component rock]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnye nauki* [Contemporary Science: Current Theory and Practice. Series: Humanities]. 2025, no. 1-2, pp. 212-216. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.01-2.32 EDN: KNGYFJ (In Russ.).

11. Фразеологическая картина мира: лингвистические и дидактические аспекты [Phraseological picture of the world: linguistic and didactic aspects]. S. V. Shustova, N. N. Men'shakova, T. I. Zelenina, S. V. Milovanova. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2025, 175 p. ISBN: 978-5-7944-4209-0 EDN: VSCABL (In Russ.).

12. Frazeologizmy i paremii: lingvisticheskie i pragmaticheskie aspekty funkcionirovaniya [Phraseologisms and proverbs: linguistic and pragmatic aspects of functioning]. V. Mider, S. V. Shustova, N. N. Men'shakova, S. Czou, M. P. Zavgorodneva. Perm, Permskij institut ehkonomiki i finansov, 2020, 188 p. ISBN: 978-5-904417-92-5 EDN: SZWRSG (In Russ.).

13. Shustova S. V., Milovanov S. V. Lingvodiakticheskiy potencial frazeologizmov i paremij s komponentami kulinarного koda [Linguodiactic potential of phraseological units and paremias with components of the culinary code]. *Frazeologicheskaya kartina mira : lingvisticheskie i didakticheskie aspekty* [Phraseological picture of the world: linguistic and didactic aspects]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2025, pp. 67-155. EDN: ZBIRXW (In Russ.).

Информация об авторе

*Дун Сяобинь – соискатель, кафедра теоретического,
прикладного и восточного языкознания,*

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

*Dong Xiaobin – Applicant, Department of Theoretical, Applied and Oriental Linguistics,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 15.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 15.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 49–55.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 49-55.

Научная статья

УДК 811.161.1'27

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-49-55

КОНЦЕПТ КАК КОМПЛЕКСНАЯ МЕЖУРОВНЕВАЯ ЕДИНИЦА

Ани Арменовна Саакян

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
ani.saakyan07@yandex.ru

Аннотация. Язык рассматривается как инструмент моделирования мира, категоризации опыта и отражения когнитивных процессов в сознании человека. Центральное место занимает термин *концепт* – многогранное лингвоментальное образование антропоцентрической парадигмы, синтезирующее рациональные, эмоциональные, образные и культурно-специфические компоненты для представления национально-культурного прототипа носителя языка. Рассматриваются протермины российской традиции – *лингуокультурема* как диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического, *мифологема*, *логоэпистема*. Подчёркивается превосходство термина *концепт* по частотности употребления и универсальности, поскольку он не ограничивается ни языковой, ни чисто культурной сферами, а служит основой для изучения их взаимодействия. Особое внимание уделяется разграничению концепта от смежных категорий. Понятие трактуется как рациональная, дискурсивная структура с фиксированным объёмом и содержанием, включающая только существенные признаки. Лексикографическое значение – редуцированная, словарная проекция, минимизирующая признаки для коммуникации, в то время как психолингвистическое значение полнее, выявляется экспериментально и охватывает все семантические компоненты в сознании носителей. Смысл добавляет индивидуальный, контекстуальный и групповой оттенок, возникающий из личного опыта и деятельности субъекта, не сводимый напрямую к значению. Концепт позиционируется как ментальное целое – «гипероним», превосходящий эти термины по гетерогенности и объёму: он интегрирует денотативные, коннотативные, энциклопедические знания, эмоции и переживания, позволяя проникать в концептосферу этноса через анализ языковых знаков и их семантики.

Ключевые слова: значение, когнитивная лингвистика, концепт, междисциплинарность, понятие.

Для цитирования: Саакян А. А. Концепт как комплексная межуровневая единица // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 49–55. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-49-55>

Original article

THE CONCEPT AS A COMPLEX INTER-LEVEL UNIT

Ani A. Saakyan

Perm State University, Perm, Russia, ani.saakyan07@yandex.ru

Abstract. Language is considered as a tool for modeling the world, categorizing experience, and reflecting cognitive processes in human consciousness. The central focus is the term *concept* – a multifaceted linguo-mental formation within the anthropocentric paradigm, synthesizing rational, emotional, imaginative and culturally specific to represent the national and cultural prototype of a native speaker. The proto-terms of the Russian tradition are considered – *linguocultureme* as a dialectical unity of linguistic and extralinguistic, *mythologeme*, *logoepisteme*. The superiority of the term *concept* in terms of frequency of use and

universality is emphasized, since it is not limited to either linguistic or purely cultural spheres, but serves as the basis for a study of their interaction. Special attention is devoted to distinguishing the “concept” from related categories. The notion is interpreted as a rational, discursive structure with a fixed volume and content, including only essential features. The lexicographic meaning is a reduced, dictionary projection that minimizes signs for communication, while the psycholinguistic meaning is more complete, is revealed experimentally and covers all semantic components in the consciousness of native speakers. Sense adds an individual, contextual, and group connotation that arises from the subject's personal experience and activities, not directly reducible to meaning. The concept is positioned as a mental whole – a “hyperonym” that surpasses these terms in heterogeneity and scope: it integrates denotative, connotative, encyclopedic knowledge, emotions and experiences, allowing to penetrate the conceptual sphere of an ethnic group through the analysis of linguistic signs and their semantics.

Keywords: cognitive linguistics, concept, interdisciplinarity, meaning, notion.

For citation: Saakyan A. A. The concept as a complex inter-level unit. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:49-55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-49-55>

Введение

Современная лингвистика нацелена на расширение границ своих исследований путем интеграции традиционной лингвистики и смежных дисциплин. Многообразие подходов к языку как к основному объекту изучения лингвистики подчеркивают междисциплинарный характер лингвистических исследований. Междисциплинарный подход активно применяется в рамках когнитивной лингвистики, которая интегрирует в лингвистическую методологию теоретический и методологический аппарат наук, объектом изучения которых являются когнитивные структуры, в первую очередь методы и подходы когнитивной психологии [Резанова 2010: эл. ресурс]. Одним из ключевых терминов в когнитивной лингвистике является термин *концепт*, который носит междисциплинарный характер: «концептологический подход направлен на обобщение достижений культурологии, лингвистики, страноведения, когнитологии, этнологии и ряда других дисциплин» [Слышкин 2000: 8]. Концепт – многогранный термин, возникший закономерно в результате становления антропоцентрической парадигмы в лингвистике: «в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [Воркачев 2001: 67].

Основная часть

В российской лингвистике наряду с термином «концепт» предлагались и другие протерминологические аналоги, такие как *лингвокультурема* [Воробьев 1997], *мифологема* [Базылев 2000], *логоэпистема* [Верещагин, Костомаров 1999]. Термин *лингвокультурема* предложен В. В. Воробьевым и «как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [Воробьев 1997: 44–45]. Логоэпистема – «знание, несомое словом как таковым – его внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [Верещагин, Костомаров 1999: 7]. Г. Г. Слышкин, подчеркивая основное отличие концепта, говорит о том, что концепт, «служа основой синтезного исследования языка и культуры, сам не лежит непосредственно ни в языковой (как логоэпистема), ни в культурной сферах, ни в них обеих одновременно (как лингвокультурема)» [Слышкин 2000: 9]. С. Г. Воркачев, в свою очередь, отмечает, что именно *концепт* оказался наиболее жизнеспособным, значительно превосходя по частотности использования все остальные протерминологические новообразования [Воркачев 2003: 5].

Здесь же важным представляется кратко рассмотреть соотношение терминов *концепт*, *понятие*, *значение*. Некоторые лингвисты отождествляют термины *концепт* и *понятие* (см., например, [Аскольдов-Алексеев 1997; Бабушкин 1996; Вежбицкая 1996; Постовалова 1988;

Lakoff, Johnson 1980]). Согласно А. П. Бабушкину, термин *понятие* вытеснен из научного обихода: «сегодня языковеды почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных конструктах, именуемых концептами» [Бабушкин 1996: 14]. В то время как другие считают ошибочным отождествление данных терминов и подчеркивают необходимость их разграничения. В частности, Ю. С. Степанов считает, что это термины разных наук: понятие употребляется в логике и философии, а концепт – в математической логике, в науке о культуре, в культурологии [Степанов 2004: 42–43]. Далее исследователь отмечает, что концепт шире понятия: «В отличие от понятий <...>, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [там же: 43].

По мнению В. З. Демьянкова, «понятие и концепт, непременно присутствующие в научном дискурсе, – исторические дублеты, русское понятие калькирует латинское *conceptus*. Однако в современном (научном и ненаучном) узусе эти термины расходятся в употреблении» [Демьянков 2001: 35]. Понятия – результат договора людей с целью иметь «общий язык», «концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» [там же: 45]. Н. Н. Болдырев, рассуждая о различии понятия и концепта, подчеркивает следующее: «Если у понятия в общенаучном смысле различают его объем (совокупность вещей, которые охватываются данным понятием) и содержанием (совокупность объединенных в нем признаков одного или нескольких предметов), то концепт скорее предполагает только второе – содержание понятия, а также понятийную часть значения, смысл слова» [Болдырев 2000: 53]. Некоторые исследователи полагают, что не все понятия являются концептами: «Если понятие – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.). Концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные и важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру» [Маслова 2004: 27].

Отличие исследователи отмечают и в признаках, которые вложены в данные термины: «Понятие включает существенные и необходимые признаки; концепт же – и несущественные признаки [Степанов, Проскурин 1993: 16]. В то же время подчеркивается отсутствие непроходимой грани между концептами и понятиями: «при определенных условиях понятия могут переходить в концепты» [Маслова 2004: 28].

В настоящем исследовании термины *концепт* и *понятие* разграничиваются, но не противопоставляются друг другу: концепт шире понятия, понятие – одна из сторон концепта. Понятие является одной из составляющих содержания концепта, однако, сам концепт не сводится только к понятию, а охватывает все содержание, стоящее за словом в сознании носителей культуры: как денотативное, так и коннотативное [Маслова 2004: 67]. По сравнению с концептами, понятия обладают более простой структурой с доминирующим содержательным, рациональным компонентом и неполным набором элементов, характерных для структуры концепта [Кузнецов 2012].

Рассмотрим соотношение терминов *значение* и *концепт*. Общие черты значения и концепта: 1) и концепт, и значение – когнитивные явления; 2) и концепт, и значение – результат отражения и познания действительности (объективной и субъективной) сознанием человека [Попова, Стернин 2007: 64]. Содержание концепта формируется когнитивными признаками, отражающими стороны явлений действительности, в то время как языковое значение складывается из сем, репрезентирующих в речи определенные когнитивные признаки, образующие концепт [там же].

Различия между значением и концептом проявляются в том, что концепт является продуктом когнитивного сознания человека, а значение – продукт языкового сознания [там же: 65]. Значение определяется как общеизвестная и коммуникативно-релевантная для

данной лингвокультурной общности часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации [там же]. Ту же идею выражает Н. Н. Болдырев: «Языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постоянно включаться новые, исходно индивидуальные характеристики. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации» [Болдырев 2014: 87]. Соответственно, «значение и концепт соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое» [Попова, Стернин 2007: 65].

Однако следует разграничивать два типа значений – значение, представленное в толковом словаре (лексикографическое) и значение, представленное в сознании носителя языка (психолингвистическое). Лексикографическое значение создается лексикографами в соответствии с принципом редуционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение и является недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, так как оно по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка [там же: 66–67]. Под психолингвистическим значением слова понимается упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка [там же: 67–68]. Психолингвистическое значение выявляется и описывается с помощью анализа материала, полученного в ходе лингвистического эксперимента. Соответственно, психолингвистическое значение шире и объемнее лексикографического [там же: 68].

Проблема, связанная с описанием двух типов значений связана с проблемой разграничения значения и смысла. Значение – отражение действительности, закреплённое за языковым знаком [Попова, Стернин 2007: 68]. Значение представляет собой то, что объективно выявляется в предмете или явлении в системе его связей и взаимодействий с другими предметами и, будучи закреплённым языковым знаком, приобретает устойчивость и входит в сферу общественного сознания [Леонтьев 1972: 288–289]. Согласно В. В. Красных, «значение есть та форма, в которой отдельный человек овладевает обобщенным и отраженным человеческим опытом» [Красных 2003: 34].

Конкретный индивид, овладевший значениями, использует их в речи, тем самым выражает свое отношение к определенному значению, и тогда оно приобретает индивидуальный смысл. Под смыслом понимается «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» [Леонтьев 1969: 216]. Смысл – «отношение субъекта к осознаваемым объективным явлениям» [Красных 2003: 35]. Важно подчеркнуть то, что смысл не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения: он «порождается не значением, а жизнью» [Леонтьев 1947: 27]. Идея В. В. Красных дополняет сказанное выше: «смысл зависит не только от индивидуального опыта и конкретной ситуации. В значительной мере он связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека» [Красных 2003: 35].

В рамках экспериментального изучения языкового сознания противопоставление значения и смысла, а также значения и образа оказывается нерелевантным, так как исследуется индивидуальное сознание носителей языка, в котором образный компонент, системное значение и индивидуальный смысл функционируют нераздельно как психологически реальное содержание слова [Попова, Стернин 2007: 68]. Содержание концепта, в свою очередь, оказывается шире как лексикографического, так и психолингвистического значения [там же].

В качестве вывода соотношения терминов *концепт*, *понятие* и *значение*, обратимся к близкой нам позиции С. Г. Воркачева: «концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде – своего рода

«гипероним» последних. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2003: 5].

Заключение

Современная лингвистика характеризуется междисциплинарностью, предполагающей интеграцию методов и концепций различных наук для достижения единства знания и инновационных результатов. В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как инструмент моделирования мира, влияющий на когнитивную деятельность человека. Ключевым понятием когнитивной лингвистики выступает концепт – многогранное ментальное образование междисциплинарного характера, синтезирующее элементы понятия, значения и образа. Концепт шире понятия, включая не только рациональные признаки, но и эмоциональные, оценочные, культурно-специфические компоненты; он превосходит значение по объему, охватывая всю совокупность знаний о денотате, в том числе коннотативные и энциклопедические аспекты. Разграничение концепта от лексикографического и психолингвистического значения подчеркивает его роль как коммуникативно-релевантного целого в сознании носителей языка.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1996. 104 с. ISBN: 5-7455-0916-3 EDN: UOVBJJ
3. Базылев В. Н. Мифологема скуки в русской культуре // Res Linguistica : сб. ст. к 60-летию профессора В. П. Нерознака. М. : Academia, 2000. С. 130–147.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с. ISBN: 978-5-89016-938-9 EDN: TZCWPV
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов : ТГУ, 2000. 123 с.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 416 с. ISBN: 5-89216-002-5 EDN: PJSRRN
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 94 с. ISBN: 5-93049-003-1 EDN: SIOFNL
8. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72 EDN: QBANNV
9. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс, 2003. Вып. 24. С. 5–12. EDN: UBCONJ
10. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с. ISBN: 5-209-00895-9 EDN: VCEMLM
11. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47. EDN: SCKDAB
12. Красных В. В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с.
13. Кузнецов В. Г. Корреляция: специальный концепт-понятие-значение термин // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreljatsiya-spetsialnyy-kontsept-ponyatie-znachenie-termin> (дата обращения: 17.12.2025). EDN: OWLBPP
14. Леонтьев А. Н. Психолингвистические вопросы сознательности учения // Изв. Акад. пед. наук РСФСР / под общ. ред. А. А. Смирнова. Вып. 7. М., Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1947. 240 с.
15. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с. EDN: NKXEGF

16. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Московский государственный университет, 1972. 576 с.
17. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособ. для студ. высш. учеб. завед. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
18. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с. ISBN: 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSDV
19. Постовалова В. И. Язык как деятельность // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под. ред. Б. А. Серебrenикова. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
20. Резанова З. И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvistika-v-paradigmah-lingvisticheskogo-funktsionalizma-i-integralnyh-kontseptsiy-soznaniya> (дата обращения: 17.10.2025). EDN: NBINLN
21. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 128 с. EDN: QSLPHH
22. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
23. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. М.: Наука, 1993. С. 14–30. ISBN: 5-02-011147-3 EDN: TSTHFL
24. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 256 p.

References

1. Askol'dov-Alekseev S. A. *Koncept i slovo [Concept and word]. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From Literary Theory to Text Structure. An Anthology], Moscow, Academia, 1997, pp. 267-279. (In Russ.).
2. Babushkin A. P. *Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of language]. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1996 104 p. ISBN: 5-7455-0916-3 EDN: UOVBJJ (In Russ.).
3. Bazylev V. N. *Mifologema skuki v russoj kul'ture* [The mythologem of boredom in Russian culture]. *Res Linguistica* [Linguistics]. Moscow, Academia, 2000, pp. 130-147. (In Russ.).
4. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku* [Cognitive Semantics: An Introduction to Cognitive Linguistics]. 4th ed., Tambov, Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2014, 236 p. ISBN: 978-5-89016-938-9 EDN: TZCWPV (In Russ.).
5. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, TGU, 2000, 123 p. (In Russ.).
6. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari, 1996, 416 p. ISBN: 5-89216-002-5 EDN: PJSRRN (In Russ.).
7. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *V poiskah novyh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya rechapovedencheskih taktik* [In Search of New Paths to Developing Linguistic and Regional Studies: The Concept of Speech-Behavioral Tactics]. Moscow, Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina, 1999, 94 p. ISBN: 5-93049-003-1 EDN: SIOFNL (In Russ.).
8. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguocultural studies, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 2001, no. 1, pp. 64-72 EDN: QBANNV (In Russ.).
9. Vorkachev S. G. *Koncept kak «zontikovyj» termin* [Concept as an umbrella term]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press, 2003, iss. 24, pp. 5-12. EDN: UBCONJ (In Russ.).
10. Vorob'ev V. V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)* [Linguocultural studies (theory and methods)]. Moscow, RUDN, 1997, 331 p. ISBN: 5-209-00895-9 EDN: VCELML (In Russ.).
11. Dem'yankov V. Z. *Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i nauchnom yazyke* [Concept and notion in fiction and scientific language]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology]. 2001, no. 1, pp. 35-47. EDN: SCKDAB (In Russ.).
12. Krasnyh V. V. *«Svoj» sredi «Chuzhih»: mif ili real'nost'?* [“Ours” among “Strangers”: myth or reality?]. Moscow, 2003, 375 p. (In Russ.).

13. Kuznecov V. G. Korrelyaciya: special'nyj koncept-ponyatie-znachenie termin [Correlation: a special concept-notion-meaning term]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues in cognitive linguistics]. 2012, no. 2. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsiya-spetsialnyj-kontsept-ponyatie-znachenie-termin> (accessed: 17.12.2025). EDN: OWLBBP (In Russ.).
14. Leont'ev A. N. Psiholingvisticheskie voprosy soznatel'nosti ucheniya [Psycholinguistic issues of learning consciousness]. *Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR* [News of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR]. Iss. 7, Moscow, Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1947, 240 p. (In Russ.).
15. Leont'ev A. A. Yazyk, rech', rechevaya deyatelnost' [Language, speech, speech activity]. Moscow, Prosveshchenie, 1969, 214 p. EDN: NKXEGF (In Russ.).
16. Leont'ev A. N. Problemy razvitiya psihiki [Problems of mental development]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1972, 576 p. (In Russ.).
17. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Minsk, TetraSistems, 2004, 256 p. (In Russ.).
18. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok - Zapad, 2007, 314 p. ISBN: 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSDV (In Russ.).
19. Postovalova V. I. Yazyk kak deyatelnost' [Language as an activity]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and the Worldview]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 8-69. (In Russ.).
20. Rezanova Z. I. Kognitivnaya lingvistika v paradigmah lingvisticheskogo funkcionalizma i integral'nykh koncepcij soznaniya [Cognitive linguistics in the paradigms of linguistic functionalism and integral concepts of consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2010, no. 334. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvistika-v-paradigmah-lingvisticheskogo-funktsionalizma-i-integralnykh-kontseptsij-soznaniya> (accessed: 17.10.2025). EDN: NBINLN
21. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnykh tekstov v soznanii i diskurse [From text to symbol: linguacultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Akademiya, 2000, 128 p. EDN: QSLPHH (In Russ.).
22. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. 3th ed., Moscow, Akademicheskij Proekt, 2004, 992 p. (In Russ.).
23. Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. Konstanty mirovoj kul'tury [Constants of World Culture]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 14-30. ISBN: 5-02-011147-3 EDN: TSTHFL (In Russ.).
24. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1980, 256 p.

Информация об авторе

***A. A. Saakyan – аспирант, преподаватель,
кафедра иностранных языков для специальных целей,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.***

Information about the author

***A. A. Saakyan – Graduate Student, Lecturer,
Department of Foreign Languages for Special Purposes,
Perm State University.***

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 25.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 56–63.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 56-63.

Научная статья

УДК 811.111'37

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-56-63

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Сергей Александрович Рябкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
riabkins8@gmail.com.

Аннотация. Цель предлагаемой статьи заключается в изучении категории инструментальности и ее выражении в языковом материале, таком как прилагательные. Анализ отечественной и зарубежной научной литературы показал изучение тематических групп с разными семантическими компонентами. Однако английские прилагательные с инструментальным значением до сих пор не рассматривались как отдельная группа и не получали систематического анализа. Именно прилагательные, описывающие свойства орудий труда, наиболее ярко демонстрируют механизмы концептуализации средства действия. Настоящая работа устраняет этот пробел, исследуя английские прилагательные как особый способ выражения категории инструментальности. Для углубленного анализа материалом послужили девять английских прилагательных с инструментальным значением из Полного англо-русского русско-английского словаря В. К. Мюллера. Даются краткие определения таких понятий как инструмент и категория инструментальности, а также разъясняется специфика прилагательного как источника материала для изучения инструментальности. Методы анализа включают интерпретирующий, контекстный, лексико-семантический, описательный, функциональный и корпусный метод. Каждый пример сопровождается описанием контекста из данных Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета (LCC), Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и сервиса Google Books Ngram Viewer (Ngram). Анализ показывает, что прилагательные являются одними из ключевых элементов языка, структурирующие связь между действием и инструментом, что делает их важным объектом лингвистического изучения.

Ключевые слова: английский язык, инструмент, категориальная ситуация, категория инструментальности, прилагательное.

Для цитирования: Рябкин С. А. Имена прилагательные инструментальной семантики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 56–63.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-56-63>

Original article

ADJECTIVES OF INSTRUMENTAL SEMANTICS

Sergei A. Riabkin

Perm State University, Perm, Russia, riabkins8@gmail.com.

Abstract. The purpose of this article is to study the category of instrumentality and its expression in linguistic material, such as adjectives. The analysis of Russian and foreign scientific literature has shown the study of thematic groups with different semantic components. However, English adjectives with instrumental meanings have not yet been considered as a separate group and have not received systematic analysis. It is the adjectives describing the properties of tools that most vividly demonstrate the mechanisms of conceptualization of the means of action. The present work resolves this gap by examining English adjectives as a special way of expressing the category of instrumentality. Nine English adjectives with instrumental meaning from V. K. Müller's Complete English-Russian and Russian-English Dictionary were

used for in-depth analysis. Brief definitions of such concepts as instrument and category of instrumentality are given, and the specificity of the adjective as a source of material for studying instrumentality is explained. The methods of analysis include interpretive, contextual, lexical-semantic, descriptive, functional, and corpus methods. Each example is accompanied by a description of the context from the Leipzig Corpus Linguistics Laboratory (LCC), the Russian National Corpus (NKRYA) and the Google Books Ngram Viewer (Ngram) service. The analysis shows that adjectives are one of the key elements of language, structuring the connection between action and instrument, which makes them an important object of linguistic study.

Keywords: English language, instrument, categorical situation, category of instrumentality, adjective.

For citation: Riabkin S. A. Adjectives of instrumental semantics. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:56-63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-56-63>

Введение

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать, как английские прилагательные актуализируют категорию инструментальности, структурируя отношения между действием и инструментом достижения цели. Прилагательные широко представлены в языках мира и изучены в многочисленных научных трудах, охватывающих разные языки и их аспекты: [Буров 2024; Ибрагимова 2024; Рыжкова 2024; Соколова 2024; Эстири 2024; Галинская 2025; Изотов, Морозов 2025; Malykh, Kzar 2016; Kartal 2017; Wang, Zhou 2022]. В русском языке также предпринималась попытка исследования прилагательных с инструментальным компонентом [Рябкин 2025]. Анализ отечественной и зарубежной научной литературы показал изучение тематических групп с разными семантическими компонентами. Однако английские прилагательные с инструментальным значением до сих пор не рассматривались как отдельная группа и не получали систематического анализа. Именно прилагательные, описывающие свойства орудий труда, наиболее ярко демонстрируют механизмы концептуализации средства действия. Настоящая работа устраняет этот пробел, исследуя английские прилагательные как особый способ выражения категории инструментальности.

Концептосфера инструментальности понимается как совокупность типичных знаний и представлений, связанных с этой категорией. Она охватывает «всё то, посредством чего субъект оказывает воздействие на объект для получения определённого результата». Для решения задач человек задействует разнообразные ресурсы: предметы, действия, состояния, свойства, информацию и природные силы [Архипова 2021; Шустова 2019, 2021a, 2021b; Шустова, Третьякова 2021; Ямшанова 1991]. Инструмент – это участник ситуации, как правило, неодушевлённый, которого агент использует для осуществления своей деятельности [Жеребило 2010: 121]. Прилагательное представляет собой лексико-семантический класс предикатных слов, выражающих непроцессуальный признак (свойство). Прилагательное обозначает либо качественный признак предмета, либо признак относительный [ЛЭС]. В англоязычной грамматической традиции прилагательное определяется как часть речи, модифицирующая существительное или другое именное слово путём ограничения, уточнения или спецификации, отличающаяся морфологически суффиксами или синтаксически позицией непосредственно перед существительным [American Heritage Dictionary].

Исследовательский материал составили девять английских прилагательных, отобранных из Полного англо-русского русско-английского словаря Мюллера В. К. (далее ПАРРАС). Данный словарь охватывает большое количество терминов современного английского языка, включая техническую и специализированную лексику. Отбор данных прилагательных продиктован наличием в них инструментального компонента. Современное употребление анализируемых единиц изучено на материале следующих источников: Национального корпуса русского языка (НКРЯ), данных Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета (LCC), сервиса Google Books Ngram Viewer (Ngram) и новостного журнала (WIRED).

В работе были применены следующие методы: интерпретирующий анализ (для более глубокого понимания значения и коммуникативной роли слов); контекстный анализ (для изучения функционирования прилагательных в тексте и способов их выражения категории инструментальности); корпусный анализ (для подтверждения аутентичного употребления выбранных единиц в современных корпусных данных); лексико-семантический анализ (для сопоставления словарных дефиниций с контекстуальными значениями); описательный анализ (для классификации и систематизации выявленных значений); функциональный анализ (для определения роли инструментального компонента в формировании значения).

Основная часть

Рассмотрим некоторые английские прилагательные с инструментальным значением.

Aerodynamic – аэродинамический [ПАРРАС: 27]. Согласно словарю, прилагательное описывает: относящийся к аэродинамике (*of or relating to aerodynamics*); имеющий обтекаемую форму с закруглёнными краями для уменьшения сопротивления воздуха и повышения топливной эффективности (*designed with rounded edges so as to reduce wind drag and thereby increase fuel efficiency*) [American Heritage Dictionary]. В инструментальном значении **aerodynamic** нас интересует актуализация функции свойства, обеспечивающего снижение сопротивления воздуха.

Designing structures to be aerodynamic, like China's sleek Shanghai Tower, can reduce that force by up to a quarter [Stefan Al. Will there ever be a mile-high skyscraper? (2019) | Стефан Ал. Построят ли когда-нибудь небоскрёб высотой в милю? (Ростислав Голод), НКРЯ].

Прилагательное **aerodynamic** определяет существительное *structures* (конструкции), указывая на форму, обеспечивающее уменьшение сопротивления воздушным потокам. Это противопоставляется таким конструкциям, форма которых не рассчитана на аэродинамическую эффективность. Данный пример связан с проектированием высотных зданий в условиях сильных ветровых нагрузок. Фраза *designing structures to be aerodynamic* (проектирование аэродинамических конструкций) используется в контексте обсуждения инженерных решений для небоскрёбов, где ветер становится одним из критических факторов. Инженеры для достижения своих целей сознательно проектируют здания, добиваясь обтекаемости для уменьшения силы воздействия ветра и повышения структурной устойчивости.

Air – 1. воздушный; 2. авиационный [ПАРРАС: 33]. Согласно словарю, прилагательное описывает: относящийся к воздуху или движению воздуха (*of or relating to the air or the atmosphere*); существующий или обитающий в воздухе, воздушный (*existing or living in the air; aerial*); работающий на сжатом воздухе (*powered by compressed air*); содержащий или наполненный воздухом (*containing or inflated by air*); относящийся к авиации или самолётам (*of or relating to aircraft or aeronautics*); воображаемый или нереальный (*imaginary or unreal*) [American Heritage Dictionary]. В инструментальном значении **air** нас интересует актуализация функции средства или свойства, связанного с использованием воздуха как ресурса или среды.

Air conditioners can be a source of comfort in the hot months of summer, they adjust room temperature to more suitable levels which provide various benefits to their users [LCC].

Прилагательное **air** определяет существительное *conditioners* (кондиционеры), выделяя устройства, использующие воздух как рабочую среду. Данный пример связан с использованием кондиционеров воздуха в условиях жаркого лета. Фраза *air conditioners can be a source of comfort* (кондиционеры могут быть источником комфорта) используется в контексте поддержания комфортного микроклимата в помещениях. Прилагательное **air** подчёркивает функцию кондиционера для охлаждения и регулирования температуры, обеспечивая комфорт пользователей.

Air-cooled – с воздушным охлаждением [ПАРРАС: 34]. Согласно толковому словарю, прилагательное описывает: охлаждение потоком воздуха (*cooled by a flow of air*) [Vocabulary.com]. В инструментальном значении **air-cooled** нас интересует значение, которое актуализирует средство или свойство, при котором воздух используется в качестве охлаждающей среды.

Air-cooled heat exchangers and steam condensers are being opted the world over for critical heat transfer applications in process plants, refineries, and gas fields [LCC].

Прилагательное **air-cooled** определяет существительные *heat exchangers* (теплообменники) и *steam condensers* (паровые конденсаторы), указывая на способ охлаждения оборудования. Данный пример связан с выбором охлаждающего оборудования в промышленности. Фраза указывает на предпочтение воздушного охлаждения на производственных объектах, нефтеперерабатывающих заводах и газовых месторождениях, где **air-cooled** не просто описывает характеристику, а подчёркивает как технологически и экономически оптимальное средство отвода тепла в данных промышленных условиях.

Airproof – непроницаемый для воздуха, герметичный [ПАРРАС: 34]. Согласно словарю, прилагательное описывает: непроницаемый для воздуха (*impervious to air*) [Collins Dictionary]. В инструментальном значении **airproof** актуализирует функцию средства или свойства, обеспечивающего защиту от проникновения воздуха как нежелательного фактора.

Book Chests are packaged in a sturdy water- and airproof box to keep books in good condition for as long as possible [LCC].

Пример связан с упаковкой и хранением книг в специальных контейнерах (*book chests*). Фраза используется в контексте долгосрочного сохранения книг, предотвращения повреждений от внешних факторов. Прилагательное **airproof** подчёркивает не просто описательную характеристику упаковки, а её защитную функцию: изоляция от воздуха (в сочетании с *waterproof*) способствует замедлению процессов деградации и поддержанию надлежащего состояния книг.

Airtight – непроницаемый для воздуха, герметичный [ПАРРАС: 34]. Согласно словарю, прилагательное описывает: полностью закрытый так, чтобы воздух не мог проникать внутрь или выходить наружу (*completely closed so that no air can get in or out*) [Cambridge Dictionary]. В инструментальном значении прилагательное **airtight** актуализирует функцию средства или свойства, препятствующего проникновению воздуха.

The bunker's airtight, so no grain's lost because of the wind, or the state of the road, or how long the journey is [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007) | Mikhail Elizarov. The Librarian (Andrew Bromfield, 2015), НКРЯ].

Пример связан с описанием герметичного бункера для хранения зерна. Фраза используется в контексте сохранения сельскохозяйственной продукции от неблагоприятных внешних факторов. Прилагательное **airtight** актуализирует функцию такого бункера как инструмент, где герметичность используется как средство для полной изоляции содержимого от внешней среды.

Airworthy – годный к полету (о самолетах) [ПАРРАС: 35]. Согласно словарю, прилагательное описывает: находящийся в состоянии, пригодном для полёта (*being in fit condition to fly*) [American Heritage Dictionary]. В инструментальном значении **airworthy** нас интересует как статус, формируемый в результате процессов, обеспечивающих соответствие требованиям безопасности полёта как необходимого условия эксплуатации.

"The crew and passengers were not to know that this aircraft, like every other in the Nimrod fleet, was not airworthy", Walker said [LCC].

Пример связан с расследованием авиакатастрофы. Прилагательное **airworthy** здесь используется для оценивания состояния самолета с точки зрения его допуска к полету. Статус **airworthy** поддерживается для гарантии безопасности экипажа и пассажиров, а это подразумевает обязательные инспекции, техническое обслуживание и другие процедуры. Именно данный статус функционирует как формализованный критерий принятия решения о

возможности эксплуатации воздушного судна. Контекст демонстрирует, что отсутствие лётной годности делает полёт недопустимым и потенциально опасным, указывая на системные нарушения в обеспечении безопасности.

Algebraic – алгебраический [ПАРРАС: 36]. Согласно толковому словарю, прилагательное описывает: относящийся к алгебре или её законам (*relating to, involving, or according to the laws of algebra*); решаемый с помощью конечного числа операций сложения, вычитания, умножения, деления, извлечения корней и возведения в степень (*involving only a finite number of repetitions of addition, subtraction, multiplication, division, extraction of roots, and raising to powers*) [Merriam-Webster Dictionary]. В инструментальном значении **algebraic** нас интересует актуализация методов, которые применяются при решении задач с использованием алгебраических операций.

In many cases, mathematicians have found designs, through a combination of brute force and algebraic methods [WIRED].

Пример связан с решением математической задачи. Контекст подчёркивает, что алгебраические методы осознанно применяются наряду с другими подходами для решения задач.

Alicyclic – алициклический [ПАРРАС: 36]. Согласно словарю, прилагательное описывает: относящийся к органическим соединениям, сочетающим алифатические и циклические характеристики или структуры (*of or relating to organic compounds having both aliphatic and cyclic characteristics or structures*) [American Heritage Dictionary]. В инструментальном значении прилагательное **alicyclic** нас интересует актуализация структурной особенности, которая в химической практике используется как инструмент регулирования активности молекулы.

Unsaturation show less activity in position 5 and alicyclic and aromatic rings show less potency [LCC].

Пример связан с обсуждением химических явлений. Прилагательное **alicyclic** модифицирует существительное *rings* (кольца), обозначая конкретный тип циклической структуры. **Alicyclic** подчёркивает свойства колец, которые используются, чтобы снизить активность молекулы, это помогает найти правильный баланс в конечном продукте. Контекст показывает, что **alicyclic rings** (кольца) позволяют добиться нужного результата, сделав соединение более управляемым и подходящим для практического применения.

Alkalescent – слабощелочной [ПАРРАС: 37]. Согласно словарю, прилагательное описывает: слегка щелочной, имеющий слабые свойства щёлочи (*tending to the properties of an alkali, slightly alkaline*) [Merriam-Webster Dictionary]. В инструментальном значении **alkalescent** нас интересует актуализация функции средства или свойства, которая способствует мягкой коррекции кислотности.

Jellies made from animal substances are all alkalescent and therefore good in all cases in which an acidity of the humors prevails: the alkalescent quality is however in great measure taken off by the addition of lemon juice and sugar [Ngram].

Пример связан с описанием лечебных свойств желе в традиционной гуморальной медицине. Фраза используется в контексте рекомендаций по диетическому и лечебному питанию при нарушениях кислотно-щелочного баланса организма.

Alkalescent подчёркивает слабощелочное свойство желе из животных ингредиентов (желатина из костей, рогов, копыт), оно применяется как мягкое средство для нейтрализации избыточной кислотности гуморов. Контекст примера демонстрирует, что **alkalescent** указывает на свойство вещества, используемое для достижения терапевтического эффекта в рамках данной медицинской модели.

Заключение

Таким образом, анализ английских прилагательных с инструментальным значением (от *aerodynamic* до *alkalescent*) выявил их способность актуализировать категорию инструментальности через описание свойств как средств достижения цели.

Прилагательные структурируют отношения «действие – инструмент» в разнообразных контекстах: от авиации, инженерии и промышленности до способов хранения, химии и медицины. Исследование подтверждает роль прилагательных в концептуализации средства действия и открывает перспективы для корпусных исследований других тематических групп.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксисный потенциал предлогов нидерландского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 45–51. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-45-51 EDN: NSVLXW
2. Буров Э. Е. Особенности сочетаемости местоимения что-то с постпозитивными прилагательными в текстах разных стилей // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 68–75. DOI: 10.17223/15617793/500/8 EDN: EIHOTG
3. Галинская Е. А., Салтовская С. В. Притяжательные прилагательные в Лечебнике второй половины XVII века // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2025. № 4 (24). С. 2–10. DOI: 10.18572/2687-0339-2025-4-2-10 EDN: ABBSGQ
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с. ISBN: 978-5-98993-133-0 EDN: RUSOUC
5. Ибрагимова Г. Х-К. Характеристика прилагательных, обозначающих понятие «богатый» в русском и английском языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 592–594. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-592-594 EDN: NJOZIP
6. Изотов А. И., Морозов Д. А. Опыт корпусного анализа степеней сравнения прилагательных (на материале современного чешского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 7. С. 2677–2685. DOI: 10.30853/phil20250374 EDN: KMDBMB
7. Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 20.12.2025) – LCC.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (дата обращения: 20.12.2025) – ЛЭС.
9. Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. М. : Эксмо, 2013. 1328 с. – (Библиотека словарей Мюллера).
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2025) – НКРЯ.
11. Рыжкова Т. С. Семантический объем прилагательного *slow* в современном английском языке // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 46–53. DOI: 10.17223/15617793/507/6 EDN: XSWVCC
12. Рябкин С. А. Функционирование имен прилагательных инструментальной семантики // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 18. С. 82–93. DOI: 10.24412/2713-0231-2025-18-82-93 EDN: POVOLR
13. Соколова А. П. Прилагательное «недужинный» в современном русском языке (лингвокогнитивный анализ) // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2024. № 2 (18). С. 13–21. DOI: 10.18572/2687-0339-2024-2-13-21 EDN: WHGSIU
14. Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021а. № 3. С. 82–89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO
15. Шустова С. В. Инструментальность и эмотивность в ситуации с глаголами *восхищаться* / *восторгаться* и их дериватами // Язык и деятельность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака. Сборник статей по итогам VI международной конференции. М. : Московский педагогический университет, 2021б. С. 511–515. EDN: MICKKG
16. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. М. : ЛЕНАНД, 2020. 248 с. EDN: VEGFRP
17. Шустова С. В., Третьякова Д. Д. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 26–33. EDN: UNQYQL

18. Эстири М. Моделирование способов выражения относительных прилагательных в персидском языке // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 3. С. 81–91. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-81-91 EDN: SZIKOO
19. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт. 1991. 159 с. EDN: TOYCTL
20. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2025).
21. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 20.10.2025).
22. The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2025).
23. Kartal G. A corpus-based analysis of the most frequent adjectives in academic texts // Teaching English with Technology. 2017. Т. 17. № 3. С. 3–18.
24. Malykh L. M., Kzar Y. H. Degrees of comparison of adjectives in the English, Arabic and Russian languages // Многоязычие в образовательном пространстве. 2016. № 8. С. 79–87. EDN: ZENFAH
25. Wang J., Zhou J. A Corpus-Based Study of Semantic Categorizations of Attracted Adjectives to the it BE ADJ clause Construction // Sage Open. 2022. Т. 12. № 2. 11 p.

References

1. Arhipova I. V. Taksisnyj potencial predlogov niderlandskogo yazyka [The taxi potential of Dutch prepositions]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2021, no. 3, pp. 45-51. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-45-51 EDN: NSVLXW (In Russ.).
2. Burov Eh. E. Osobennosti sochetaemosti mestoimeniya chto-to s postpozitivnymi prilagatel'nymi v tekstah raznyh stilej [Peculiarities of compatibility of the pronoun “something” with postpositive adjectives in texts of different styles]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2024, no. 500, pp. 68-75. DOI: 10.17223/15617793/500/8 EDN: EIHOTG (In Russ.).
3. Galinskaya E. A., Saltovskaya S. V. Prityazhatel'nye prilagatel'nye v Lechebnike vtoroj poloviny XVII veka [Possessive adjectives in the Medical Book of the second half of the 17th century]. *Professorskij zhurnal. Seriya: Russkij yazyk i literature* [Professor's Journal. Series: Russian Language and Literature]. 2025, no. 4 (24), pp. 2-10. DOI: 10.18572/2687-0339-2025-4-2-10 EDN: ABBSGQ (In Russ.).
4. Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran', Izdatel'stvo OOO «Pilgrim», 2010, 486 p. ISBN: 978-5-98993-133-0 EDN: RUSOUC (In Russ.).
5. Ibragimova G. H.-K. Harakteristika prilagatel'nyh, oboznachayushchih ponyatie «bogatyj» v russkom i anglijskom yazykah [Characteristics of adjectives denoting the concept of “rich” in Russian and English]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education]. 2024, no. 1 (104), pp. 592-594. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-592-594 EDN: NJOZIP (In Russ.).
6. Izotov A. I., Morozov D. A. Opyt korpusnogo analiza stepenej sravneniya prilagatel'nyh (na materiale sovremennogo cheshskogo yazyka) [An attempt at corpus analysis of degrees of comparison of adjectives (based on the modern Czech language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2025, vol. 18, no. 7, pp. 2677-2685. DOI: 10.30853/phil20250374 EDN: KMDMBB (In Russ.).
7. Laboratoriya korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <https://corpora.uni-leipzig.de/> (accessed: 20.12.2025) - LCC.
8. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/269c.html> (accessed: 20.12.2025) - LEHS.
9. Myuller V. K. Polnyj anglo-russkij russko-anglijskij slovar'. 300 000 slov i vyrazhenij [The Complete English-Russian Russian-English Dictionary. 300,000 words and phrases.]. Moscow, Ehksmo, 2013, 1328 p. (In Russ.).
10. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 20.10.2025) - NKRYa.
11. Ryzhkova T. S. Semanticheskij ob'"em prilagatel'nogo slow v sovremennom anglijskom yazyke [The semantic scope of the adjective slow in modern English]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2024, no. 507, pp. 46-53. DOI: 10.17223/15617793/507/6 EDN: XSWVCC (In Russ.).
12. Ryabkin S. A. Funkcionirovanie imen prilagatel'nyh instrumental'noj semantiki [The functioning of adjectives of instrumental semantics]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities.

History and Philology]. 2025, no. 18, pp. 82-93. DOI: 10.24412/2713-0231-2025-18-82-93 EDN: POVOLR (In Russ.).

13. Sokolova A. P. Prilagatel'noe «nedyzhinnij» v sovremennom russkom yazyke (lingvokognitivnyj analiz) [The adjective “uncommon” in modern Russian (linguocognitive analysis)]. *Professorskij zhurnal. Seriya: Russkij yazyk i literature* [Professor's Journal. Series: Russian Language and Literature]. 2024, no. 2 (18), pp. 13-21. DOI: 10.18572/2687-0339-2024-2-13-21 EDN: WHGSIU (In Russ.).

14. Shustova S. V. Instrumental'nost' v kauzativnoj situacii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istorija i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2021a, no. 3, pp. 82-89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO (In Russ.).

15. Shustova S. V. Instrumental'nost' i ehmotivnost' v situacii s glagolami voshishchat'sya / vostorgat'sya i ih derivatami [Instrumentality and emotiveness in the situation with the verbs to admire / to delight and their derivatives]. *Yazyk i deyatel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskijh yazykov im. V. G. Gaka* [Language and Activity. Scientific Readings at the V. G. Jacques Department of Romance Languages]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij universitet, 2021b, pp. 511-515. EDN: MICKKG (In Russ.).

16. Shustova S. V. Funkcional'nye svojstva kauzativnyh glagolov: dinamicheskij podhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. Moscow, LENAND, 2020, 248 p. EDN: VEGFRP (In Russ.).

17. Shustova S. V., Tret'yakova D. D. Glagoly s inkorporirovannym aktantom-instrumentom [Verbs with an incorporated actant-instrument]. *Evrasijskij humanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 1, pp. 26-33. EDN: UNQYQL (In Russ.).

18. Ehstiri M. Modelirovanie sposobov vyrazheniya otnositel'nyh prilagatel'nyh v persidskom yazyke [Modeling the ways of expressing relative adjectives in Persian]. *Voprosy sovremennoj lingvistiki* [Issues of modern linguistics]. 2024, no. 3, pp. 81-91. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-3-81-91 EDN: SZIKOO (In Russ.).

19. Yamshanova V. A. Kategoriya instrumental'nosti v nemeckom yazyke [The category of instrumentality in German]. Leningrad, Leningradskij finansovo-ehkonomicheskij institute, 1991, 159 p. EDN: TOYCTL (In Russ.).

20. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 20.10.2025).

21. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (accessed: 20.10.2025).

22. The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://ahdictionary.com/> (accessed: 20.10.2025).

23. Kartal G. A corpus-based analysis of the most frequent adjectives in academic texts. *Teaching English with Technology*. 2017, vol. 17 no. 3, pp. 3-18.

24. Malykh L. M., Kzar Y. H. Degrees of comparison of adjectives in the English, Arabic and Russian languages. *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2016, no. 8, pp. 79-87. EDN: ZENFAH

25. Wang J., Zhou J. A Corpus-Based Study of Semantic Categorizations of Attracted Adjectives to the it BE ADJ clause Construction. *Sage Open*. 2022, vol. 12, no. 2, 11 p.

Информация об авторе

С. А. Рябкин – аспирант, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

S. A. Riabkin – Postgraduate Student, Department of Foreign Philology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 25.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 64–72.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 64-72.

Научная статья

УДК 811.111'42

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-64-72

ХАРАКТЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ АРГУМЕНТАЦИИ В ТЕКСТАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Людмила Михайловна Бондарева¹, Татьяна Владимировна Лопашенкова²

^{1,2} Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

¹ bondareva.koenig@mail.ru

² bamh@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется лингвопрагматический потенциал стратегии убеждения, используемой в текстах англоязычного экологического медийного дискурса. В связи с обострением глобальной экологической ситуации в последние десятилетия состояние окружающей среды стало предметом общественных дискуссий. На стыке экологии и лингвистики в 70-е гг. XX в. возник особый раздел языкознания – эколлингвистика, объектом изучения которого является экологический дискурс, представляющий собой множество устных и письменных текстов, объединенных темами экологии, природы и охраны окружающей среды. Осуществляется обзор работ российских и зарубежных ученых, посвященных рассмотрению проблем эколлингвистики. Источником материала исследования послужил англоязычный новостной и аналитический сайт The Ecologist, посвященный вопросам экологической, социальной и экономической политики, целью которого являются просвещение и информирование читателей о климатическом кризисе и лучших способах его преодоления. На основе анализа текстов статей новостного интернет-издания The Ecologist систематизируются и описываются характерные особенности функционирования средств логической аргументации в рамках реализации стратегии убеждения. Выявляются и интерпретируются языковые средства, релевантные для тактики апелляции к количественным и статистическим данным и тактики апелляции к данным научных исследований и отчетов.

Ключевые слова: экологический дискурс, лингвопрагматика, стратегия убеждения, коммуникативные тактики, языковые средства.

Для цитирования: Бондарева Л. М., Лопашенкова Т. В. Характер функционирования средств аргументации в текстах экологического медийного дискурса (на материале английского языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 64–72. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-64-72>

Original article

THE WAY IN WHICH THE MEANS OF ARGUMENTATION FUNCTION IN THE TEXTS OF MEDIA ENVIRONMENTAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)

Lyudmila M. Bondareva¹, Tatyana V. Lopashenkova²

^{1,2} Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹ bondareva.koenig@mail.ru

² bamh@mail.ru

Abstract. The authors investigate the linguopragmatic potential of the persuasive strategy used in the texts of English-language environmental media discourse. Due to the aggravation of the global environmental situation in recent decades, the state of the environment has become the subject of public debate. At the junction of ecology and linguistics, in the 70s of the 20th century, a special branch of linguistics emerged – ecolinguistics, the object of study of which is ecological discourse, which consists of a variety of oral and written texts united by themes of ecology, nature and environmental protection. They review the works of Russian and foreign scientists devoted to the problems of ecolinguistics. The source of the research material was the English-language news and analytical website *The Ecologist*, dedicated to environmental, social and economic policy issues, the purpose of which is to educate and inform readers about the climate crisis and the best ways to overcome it. The authors analyze the texts of *The Ecologist* articles and systematize and describe the characteristic features of the functioning of the means of logical argumentation within the framework of the persuasion strategy implementation. They identify and interpret language means relevant to tactics for appealing to quantitative and statistical data and tactics for appealing to research data and reports.

Keywords: environmental discourse, linguopragmatics, persuasive strategy, communicative tactics, linguistic means.

For citation: Bondareva L. M., Lopashenkova T. V. The way in which the means of argumentation function in the texts of media environmental discourse (on the material of english language). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:64-72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-64-72>

Введение

В связи с обострением глобальной экологической ситуации в последние десятилетия состояние окружающей среды стало предметом общественных дискуссий. На стыке экологии и лингвистики в 70-е гг. XX в. возник особый раздел языкознания – эколингвистика, объектом изучения которого является экологический дискурс, представляющий собой множество устных и письменных текстов, объединенных темами экологии, природы и охраны окружающей среды [Шапочкин 2023].

В отечественной науке нашли освещение такие проблемы экологического дискурса, как типология немецких экологических текстов [Зайцева 2014], метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе на материале немецкоязычных медийных текстов [Иванова 2007], метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ-ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии [Красильникова 2005: 1]. В трудах зарубежных ученых разрабатываются общие вопросы эколингвистики [Stibbe 2015] и осуществляется контент-анализ эколингвистики как формирующейся области исследований [Chen 2016].

Мы присоединяемся к мнению Д. В. Шапочкина, выделяющего в качестве важнейшей функции экологического дискурса формирование экологического сознания общества, вследствие чего особую актуальность приобретают исследования прагматического потенциала экологического дискурса. Именно данной проблеме посвящена наша работа, в результате которой был выявлен арсенал стратегий, тактик и реализующих их языковых средств на материале текстов англоязычного экологического медийного дискурса. В рамках данной статьи представлены результаты анализа характера функционирования языковых средств, репрезентирующих тактику апелляции как составляющую стратегии убеждения.

Основная часть

Источником материала для исследования послужил англоязычный новостной и аналитический сайт *The Ecologist*, посвященный вопросам экологической, социальной и экономической политики, целью которого являются просвещение и информирование читателей о климатическом кризисе и лучших способах его преодоления. Предварительно следует отметить, что, согласно В. А. Шевцовой, реализация стратегии убеждения в англоязычном экологическом дискурсе осуществляется на основе трех аспектов риторического воздействия, подразумевающих логос, этос и пафос [Шевцова 2021: 363]. Как известно, на категории логоса базируется процесс логической аргументации, который

приводит речедателей к необходимости использования определенных интенционально обусловленных тактик. В данном контексте В. А. Шевцова выделяет ряд соответствующих тактик, среди которых наибольшей актуальностью для нас обладают тактика апелляции к количественным и статистическим данным и тактика апелляции к данным научных исследований и отчетов [там же: 364].

Перейдем к рассмотрению примеров реализации *тактики апелляции к количественным и статистическим данным*. Проведенный анализ языкового материала показал, что количественные и статистические данные в исследуемых текстах, как правило, используются авторами в следующих целях: придать своим высказываниям оттенок объективности, максимальной достоверности передаваемой информации о существующем положении дел, чему способствуют употребление конкретных статистических данных и конкретизация источника информации; воздействовать на эмоции читателей, что приводит к использованию приблизительных количественных данных совместно с эмоционально-оценочной лексикой.

Релевантным примером применения данной тактики в первом указанном случае служит цитируемый ниже текстовый пример из статьи Б. Монтегю «'We're not ready for climate breakdown'», взятой с англоязычного сайта The Ecologist (дата публикации: 18.02.2025), в котором приводятся данные опроса общественного мнения по вопросу готовности государства к последствиям климатических изменений.

Sea level rise and coastal was flagged by 45 per cent, with the same number raising concerns about loss of species, habitats and threats of extinction, while 44 per cent said severe storms were among the most pressing impacts and 43 per cent thought the UK had to deal with food shortages and insecurity [Montague B. We're not ready for climate breakdown].

Автор статьи является редактором интернет-издания The Ecologist и отмечен как один из журналистов, внесших значительный вклад в его развитие. Детальные результаты исследования приведены им в виде числовых данных и их синонимов (*45 per cent, the same number*), подтверждающих, что почти половина респондентов обеспокоена последствиями климатического кризиса. Статистика сочетается с высокой концентрацией ключевой лексики экологического дискурса, в данном случае лексики, референциально соотносящейся с природными катастрофами: *sea level rise, coastal erosion, loss of species, habitats and threats of extinction, severe storms, food shortages and insecurity*. Такой набор языковых средств призван максимально нейтрально, но в то же время наглядно и убедительно поддержать основную авторскую интенцию, изначально заложенную в названии статьи: “Мы не готовы к климатическому коллапсу”.

Использование этой же тактики наблюдается в следующей статье Б. Монтегю под названием «Calling time on fox hunting» (дата публикации: 26.02.2025), убедительная сила которой достигается за счет несомненной весомости и значимости приводимых числовых данных.

Campaigners are calling for the British Government to set out a timetable for delivering stronger fox hunting laws have delivered a 104,000-signature petition to 10 Downing Street on what is the twentieth anniversary of the Hunting Act coming into force [Montague B. Calling time on fox hunting].

Словосочетание *a 104,000-signature petition* в тексте, посвященном призыву к ужесточению законодательства в вопросе охоты на лис, способствует возникновению двойного персуазивного эффекта. С одной стороны, автор, опираясь на результаты опроса общественного мнения, подчеркивает достоверность и объективность излагаемой информации, а с другой стороны, он таким образом весомо обосновывает высказанную им в статье идею о необходимости срочных действий со стороны правительства по пресечению этого жестокого вида спорта, так как большое количество людей уже поддержало эту идею, подписав соответствующую петицию.

Обращение к статистике мы наблюдаем при реализации рассматриваемой тактики в примере из статьи «Richest burn though 'climate budget'» (дата публикации: 10.01.2025).

*Oxfam research shows richest **one per cent** of people around the world responsible for **16 per cent** of global carbon emissions. In contrast, Oxfam says the poorest **50 per cent** of the world was responsible for less than **eight per cent** of global CO2 emissions in 2019* [Beament E. Richest burn though 'climate budget'].

Автор статьи Э. Бимент описывает влияние частной авиации в Шотландии на глобальное потепление, приводя в качестве источника информации независимую организацию Oxfam, деятельность которой направлена на борьбу с бедностью и неравенством во всем мире. На основе статистических данных из этого исследования он обвиняет богатейших людей мира в безответственности в связи с увеличением выбросов углекислого газа в атмосферу (*one per cent of people around the world responsible for 16 per cent of global carbon emissions*). Для сравнения автор приводит также статистические данные о роли беднейшего населения планеты в этой ситуации (*50 per cent of the world was responsible for less than eight per cent of global CO2 emissions*), используя при этом выражение *in contrast*. Такое разнообразие языковых средств (статистические данные, конструкция сопоставления, ссылка на авторитетный источник данных) способствует росту доверия читателей к информации и свидетельствует в пользу неоспоримости аргументов стратегии убеждения, средством реализации которой является рассматриваемая тактика.

Следует отметить, что количественные показатели могут быть убедительными, но довольно трудными для восприятия, особенно когда они используются для описания сложных научных концепций. В таком случае авторы прибегают к дополнительным разъяснениям в стремлении усилить персуазивную силу статистических данных, что наблюдается в цитируемом ниже текстовом примере из статьи Б. Монтегю «Carbon omissions» (дата публикации: 02.01.2025).

*BP reduced its Scope 1 emissions by **32.5 per cent** in 2022, over a 2019 baseline. The reduction of **18.8 MtCo2e** for Scopes 1 and 2 is equivalent to Croatia's entire annual CO2 emissions in 2021. But these reductions are **a drop in the ocean** compared to their Scope 3 emissions* [Montague B. Carbon omissions].

Автор сообщает читателю о том, что существует три показателя (*Scope 1, Scope 2, Scope 3*), информирующие о динамике выброса углерода в атмосферу, и приводит статистические данные, касающиеся компании BP в соответствии с каждым из трех указанных показателей. Предвидя, что для технически неподготовленного читателя эти данные (*BP reduced its Scope 1 emissions by 32.5 per cent*) будут малоинформативны, Б. Монтегю с целью разъяснения вводит словосочетание *over a 2019 baseline*, что позволяет читателю оценить успех компании в снижении негативного влияния на окружающую среду согласно первому показателю. Аналогичная ситуация наблюдается во втором предложении, где возникает необходимость разъяснить положительные изменения в выбросе углерода компанией в соответствии с первым и вторым показателями (*18.8 MtCo2e*) на основе сравнения результатов её деятельности с данными, иллюстрирующими годовой выброс углекислого газа в целой стране, в частности в Хорватии (*reduction ... is equivalent to Croatia's entire annual CO2 emissions in 2021*). В третьем предложении авторское разъяснение реализуется в метафорической форме (*a drop in the ocean*).

Вторая подразумеваемая ситуация, когда речь идет об использовании тактики апелляции к количественным и статистическим данным с целью воздействия исключительно на эмоции читателей, также достаточно часто встречается в исследуемых текстах. При этом речь идет, главным образом, о массивном использовании авторами статей лексики эмоционально-оценочного характера, а также упоминании достаточно приблизительных статистических данных. Наглядной иллюстрацией в этом плане может служить пример из статьи «Trump's quixotic fossil fuel agenda» (дата публикации: 20.02.2025), где автор употребляет подобные языковые средства, стремясь гиперболизировать ситуацию и усилить воздействие на эмоции читателя. Статья посвящена обвинению президента США Д. Трампа в том, что его политика направлена на прибыль, а не на улучшение климатической ситуации.

Значительная часть статьи отведена проведению параллели между экономическим спадом в стране, глобальным климатическим кризисом и нецелесообразностью политики главы государства (как экономической, так и климатической). По мнению автора статьи Н. Боре, всё это привело к тому, что страна уступила доминирующее положение своему конкуренту – Китаю.

It's not just the case that China is now the world's sole manufacturing superpower, producing close to a third of total global manufacturing output. It also increasingly dominates most of the crucial frontier technologies [Beuret N. Trump's quixotic fossil fuel agenda].

Приводимые в тексте количественные данные носят достаточно приблизительный характер (*producing close to a third of total global manufacturing output, dominates most of the crucial frontier technologies*). Их сочетание с конструкцией (*It's not just ... It also...*) способствует усилению персуазивности данного отрывка, а добавление эмоционально окрашенных наречий и прилагательных (*increasingly, crucial*) призвано максимизировать степень воздействия.

Аналогичными примерами служат текстовые фрагменты из целого ряда статей, размещенных на сайте The Ecologist.

(1) *More than three-quarters of people think the UK is not prepared to deal with flooding and the other extreme weather driven by climate change, a survey has found* [Montague B. We're not ready for climate breakdown].

(2) *Last year was the hottest on record and the first to breach a key global warming threshold of 1.5C above pre-industrial temperatures, scientists said* [Beament E. Richest burn though 'climate budget'].

(3) *Industrial activities (e.g. power plants, manufacturing facilities) and other human activities (e.g. household heating, transport) that rely on fossil fuels for their energy cause significant air pollution* [Lukács A., Gurbanova A. Fuelling health and ecological harms].

Перейдем к рассмотрению особенностей реализации *тактики апелляции к данным научных исследований и отчётов* в текстах англоязычного экологического медийного дискурса. Одним из характерных средств тактики является применение клишированных оборотов типа *polling suggests, according to the report, accounting for* и пр., что, с одной стороны, может быть просто заимствовано авторами из исходных текстов, а с другой стороны, призвано придать излагаемой информации более объективный характер. Рассмотрим пример из статьи «Climate impacts could wipe out profits» (дата публикации: 22.01.2025), в которой утверждается, что климатический кризис станет причиной значительных экономических убытков для предприятий.

The impact of climate change could drive fixed-asset losses of up to \$610 billion per year across listed companies by 2035, according to the report 'Business on the Edge: Building Industry Resilience to Climate Hazards' [Montague B. Climate impacts could wipe out profits].

Автор статьи Б. Монтегю призывает бизнес следовать указаниям, приведенным в отчете, который был озвучен на Мировом экономическом форуме и в котором содержались рекомендации по достижению стабильности и процветания в будущем. Прагматический эффект данной фразы заключается в использовании автором сочетания максимально нейтрального клишированного оборота (*according to the report*) с шокирующими и привлекающими внимание количественными данными (*\$610 billion*) на фоне употребления ключевой лексики экологического дискурса (*climate change, Climate Hazards*) и конкретизации сроков возможной реализации этих планов (*by 2035*).

Ещё одним убедительным языковым средством в рамках рассматриваемой тактики является подробное описание автором статьи источника научных исследований и отчётов, на который он ссылается при изложении информации. Так, в ранее упомянутой статье Б. Монтегю «'We're not ready for climate breakdown'» детально описаны условия проведения социологического опроса, результаты которого он приводит.

The survey of 2,001 people by YouGov was undertaken in late October ahead of major winter storms which have brought repeated flooding to the country in the past few months. It found 78 per cent believed the UK was not prepared to deal with climate change impacts including extreme weather, and a quarter of those quizzed thought the UK was not prepared "at all" to deal with climate impacts [Montague B. We're not ready for climate breakdown'].

Как очевидно, в цитируемом тексте содержатся указания на вид исследования (*survey*), название организации, которое его провело (*YouGov*), количество респондентов (*2,001 people*), сроки проведения опроса (*late October*), особенности выбранного периода опроса, который может являться существенным для интерпретации результатов (*ahead of major winter storms which have brought repeated flooding to the country in the past few months*). После подробного описания характеристик исследования автор статьи констатирует его ключевые результаты.

Аналогичное разъяснение мы наблюдаем в той же статье, но на примере уже другого источника информации.

And just one in six people feel the country is making good progress in adapting to the risks posed by rising global temperatures, according to the survey for Climate Barometer, which tracks public opinion on climate change [Montague B. We're not ready for climate breakdown'].

Автор использует придаточное предложение *which tracks public opinion on climate change*, чтобы объяснить читателю род деятельности организации, на которую она ссылается (*Climate Barometer*), стремясь тем самым зарекомендовать компанию как авторитетную, а результаты её исследования, следовательно, и свои аргументы, сделать более убедительными.

Стоит отметить роль употребления информации о годах исследования, которая также служит достижению авторской цели сделать сообщение максимально объективным и достоверным. В статье «Fuelling health and ecological harms» (дата публикации: 17.02.2025) приводится большое количество данных исследований для обоснования позиции автора и убеждения адресата в необходимости принятия радикальных мер по снижению объема производства ископаемых видов топлива. Авторы статьи А. Лукач и А. Гурбанова акцентируют внимание читателей на том, что при рассмотрении экологических последствий добычи и использования ископаемого топлива внимание общественности в основном приковано к объемам выброса парниковых газов, но в действительности, по их мнению, негативных последствий гораздо больше.

A complex examination of the geographic expansion of shale gas drilling in Pennsylvania from 2006 to 2015 provided evidence that public drinking water quality has been compromised by fracking, leading to serious health effects in children. Every year, 24 billion tons of fertile land are lost. Since 1970 wildlife populations have decreased by an average of 73 per cent. One of the main causes is fossil fuel production [Lukács A., Gurbanova A. Fuelling health and ecological harms].

В данном случае наблюдается массивное употребление отрицательных оценочных характеристик (*quality has been compromised by fracking, leading to serious health effects in children, 24 billion tons of fertile land are lost, wildlife populations have decreased*), а в соединении с представленной информацией о годах, репрезентирующих результаты многолетних исследований, в сообщении формируется образ длительно складывающейся негативной экологической ситуации в Пенсильвании. Усиление персуазивного воздействия на читателя осуществляется в форме заключительной фразы *One of the main causes is fossil fuel production*, представляющей собой авторское резюме.

Следующей отличительной чертой реализации тактики апелляции к данным научных исследований и отчётов является упоминание результатов сразу нескольких исследований в тексте одной статьи. Так в вышеуказанной статье А. Лукача и А. Гурбановой даются описания сразу трех исследований:

A Harvard University study on global mortality from fossil fuel pollution has found that over 10 million deaths in 2018 were due to fossil fuel pollution, accounting for about one in five deaths worldwide.

A BMJ study estimated that 8.34 million excess deaths per year globally are attributable to fine particulate and ozone air pollution from fossil fuels. Air pollution has also detrimental effects on nature and the built environment.

According to estimations by the International Energy Agency, in 2022, fossil fuel production and use was globally responsible for the emission of about 125 million tonnes of methane into the atmosphere [Lukács A., Gurbanova A. Fuelling health and ecological harms].

Вполне понятно, что в данном тексте при реализации рассматриваемой тактики используются константные языковые средства, такие, как наименование источника данных (*A Harvard University study, A BMJ study, the International Energy Agency*), информация о периоде проведения исследования (*in 2022*), высокая концентрация ключевой лексики экологического дискурса (*fossil fuel pollution, fine particulate pollution, ozone air pollution, methane into the atmosphere*), клишированные обороты (*a study has found, were due to, accounting for, a study estimated that, are attributable to, according to estimations by, responsible for*).

Следует также обратить внимание на особый персуазивный прием, который является характерным для медийного Интернет-дискурса в целом – активное использование авторами гиперссылок. В качестве примера можно процитировать фрагмент статьи Ф. Балата «The poverty of extreme wealth», в которой автор использует ссылки, выделяющие отдельные отрывки текста и позволяющие читателю перейти на соответствующий сайт:

The Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (IPBES) recently highlighted this connection in its major report looking at the underlying causes of biodiversity loss and the determinants of transformative change [Balata F. The poverty of extreme wealth].

Выделенные фрагменты текста в приведенном примере (*IPBES, major report*) выполняют свою основную функцию – позволить читателю быстро получить дополнительные сведения об источнике информации, в данном случае непосредственно о тексте отчета, на который ссылается автор статьи. Помимо этого подобный прием позволяет убедить читателя в максимальной достоверности информации и в несомненной объективности авторских аргументов.

Заключение

Стратегия убеждения в англоязычном экологическом медийном дискурсе реализуется с помощью средств логической аргументации, находящих своё выражение в применении тактики апелляции к количественным и статистическим данным и тактики апелляции к данным научных исследований и отчётов.

Характерной особенностью экспликации первой из тактик является употребление авторами количественных и статистических данных, с одной стороны, в стремлении придать высказыванию оттенок объективности и достоверности, с другой стороны, с целью оказать воздействие на эмоции адресата, особенно когда речь идет о приблизительных цифрах. Усилению персуазивной силы данной тактики способствует также использование количественных данных совместно с конструкциями, выполняющими разъяснительную роль при употреблении сложных научных понятий, которые эти статистические данные иллюстрируют.

Спецификой реализации тактики апелляции к данным научных исследований и отчетов является детальное описание источника приводимого исследования, применение клишированных оборотов, цитирование результатов сразу нескольких исследований в одной статье, активное использование гиперссылок, которые в совокупности призваны подчеркнуть беспристрастность автора, достоверность излагаемых им данных и вызвать безусловное доверие адресата.

Список литературы

1. Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 253 с. EDN: SVCLHP
2. Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов : дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 219 с. EDN: NOVWOF
3. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ-ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : дисс.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 207 с. EDN: NNGFGL
4. Шапочкин Д. В. Экологический дискурс: интенциональный аспект // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 3 (39). DOI: 10.18454/RULB.2023.39.32 EDN: FVQAFM
5. Шевцова В. А. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в экологическом дискурсе // *Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 марта 2021 года*. Минск : Белорусский государственный университет, 2021. С. 362–366. EDN: SPLOHP
6. Balata F. The poverty of extreme wealth. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/07/poverty-extreme-wealth> (дата обращения: 26.02.2025).
7. Beament E. Richest burn though 'climate budget'. URL: <https://theecologist.org/2025/jan/10/richest-burn-though-climate-budget> (дата обращения: 26.02.2025).
8. Beuret N. Trump's quixotic fossil fuel agenda. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/20/trumps-quixotic-fossil-fuel-agenda> (дата обращения: 26.02.2025).
9. Chen S. Language and ecology: A content analysis of ecolinguistics as an emerging research field / S. Chen // *Ampersand*. 2016. Vol. 3. Pp. 108-116.
10. Lukács A., Gurbanova A. Fuelling health and ecological harms. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/17/fuelling-health-and-ecological-harms> (дата обращения: 26.02.2025).
11. Montague B. Calling time on fox hunting. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/26/calling-time-fox-hunting> (дата обращения: 26.02.2025).
12. Montague B. Carbon omissions. URL: <https://theecologist.org/2025/jan/02/carbon-omissions> (дата обращения: 26.02.2025).
13. Montague B. Climate impacts could wipe out profits. URL: <https://theecologist.org/2025/jan/22/climate-impacts-could-wipe-out-profits> (дата обращения: 26.02.2025).
14. Montague B. We're not ready for climate breakdown!. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/18/were-not-ready-climate-breakdown> (дата обращения: 26.02.2025).
15. Stibbe A. *Ecolinguistics: Language, Ecology, and the Stories We Live by*. London : Routledge, 2015. 210 p.

References

1. Zajceva A. V. Tipologiya tekstov ehkologicheskogo diskursa FRG [Typology of texts of environmental discourse in Germany]. PhD thesis. Smolensk, 2014, 53 p. EDN: SVCLHP (In Russ.).
2. Ivanova E. V. Metaforicheskaya konceptualizaciya prirodnyh katastrof v ehkologicheskom diskurse: na materiale medijnyh tekstov [Metaphorical conceptualization of natural disasters in environmental discourse: based on media texts]. PhD thesis. Chelyabinsk, 2007, 219 p. EDN: NOVWOF (In Russ.).
3. Krasil'nikova N. A. Metaforicheskaya reprezentaciya lingvokul'turologicheskoy kategorii SVOI-CHUZHIE v ehkologicheskom diskurse SSHA, Rossii i Anglii [Metaphorical representation of the linguacultural category FRIENDS-FOES in the environmental discourse of the USA, Russia and England]. PhD thesis.. Ekaterinburg, 2005, 207 p. EDN: NNGFGL (In Russ.).
4. Shapochkin D. V. Ehkologicheskij diskurs: intencional'nyj aspekt [Environmental discourse: intentional aspect]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023, no. 3 (39). DOI: 10.18454/RULB.2023.39.32 EDN: FVQAFM (In Russ.).
5. Shevcova V. A. Realizaciya kommunikativnyh strategij i taktik v ehkologicheskom diskurse [Implementation of communication strategies and tactics in environmental discourse]. *Inostrannye yazyki: innovacii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya* [Foreign Languages: Innovations, Research and Teaching Prospects]. Minsk, Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2021, pp. 362-366. EDN: SPLOHP (In Russ.).

6. Balata F. The poverty of extreme wealth. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/07/poverty-extreme-wealth> (accessed: 26.02.2025).
7. Beament E. Richest burn though 'climate budget'. URL: <https://theecologist.org/2025/jan/10/richest-burn-though-climate-budget> accessed: 26.02.2025).
8. Beuret N. Trump's quixotic fossil fuel agenda. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/20/trumps-quixotic-fossil-fuel-agenda> (accessed: 26.02.2025).
9. Chen S. Language and ecology: A content analysis of ecolinguistics as an emerging research field. *Ampersand*. 2016, vol. 3, pp. 108-116.
10. Lukács A., Gurbanova A. Fuelling health and ecological harms. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/17/fuelling-health-and-ecological-harms> (дата обращения: 26.02.2025).
11. Montague B. Calling time on fox hunting. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/26/calling-time-fox-hunting> (accessed: 26.02.2025).
12. Montague B. Carbon omissions. URL: <https://theecologist.org/2025/jan/02/carbon-omissions> (accessed: 26.02.2025).
13. Montague B. Climate impacts could wipe out profits. URL: <https://theecologist.org/2025/jan/22/climate-impacts-could-wipe-out-profits> (accessed: 26.02.2025).
14. Montague B. We're not ready for climate breakdown'. URL: <https://theecologist.org/2025/feb/18/were-not-ready-climate-breakdown> (accessed: 26.02.2025).
15. Stibbe A. *Ecolinguistics: Language, Ecology, and the Stories We Live by*. London, Routledge, 2015, 210 p.

Информация об авторах

Л. М. Бондарева – доктор филологических наук, профессор, профессор образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта;

Т. В. Лопашенкова – аспирант, ведущий специалист Института подготовки научно-педагогических кадров, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Information about the authors

L. M. Bondareva – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Professor of the Education and Research Cluster «Institute of Education and the Humanities», Immanuel Kant Baltic Federal University;

T. V. Lopashenkova – Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 25.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 73–80.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 73-80.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-73-80

КОНЦЕПТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Юлия Игоревна Бедненко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
bednenko.yuliya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ сквозь призму теории языковой картины мира. Исходя из базового положения о том, что язык структурирует человеческий опыт и восприятие действительности, последовательно раскрываются ключевые теоретические понятия. Рассматриваются классические подходы к языковой картине мира (В. фон Гумбольдт, Ю. Д. Апресян) и современное понимание концепта как сложной ментальной единицы, связывающей индивидуальное сознание, культуру и язык. Центральная часть работы – анализ лингвокультурного феномена ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. На основе сравнения дефиниций из различных словарей демонстрируется формирование обширного лексико-семантического поля и эволюция значения термина. Концепт, вышедший за рамки научного дискурса, интегрируется в современную концептосферу, взаимодействуя с такими базовыми концептами, как БУДУЩЕЕ, РАЗУМ и ТВОРЧЕСТВО. Исследуется вариативность восприятия искусственного интеллекта в разных типах дискурса (медиа-, корпоративном, обыденном дискурсах), где стабильное ядро концепта обрастает динамичной периферией коннотаций – от надежд на технологический прорыв до коллективных страхов. Делается вывод о том, что концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ выступает как многомерный и динамичный маркер трансформации языковой картины мира в цифровую эпоху, отражая процессы осмысления технологий, изменения идентичности и переоценки фундаментальных культурных кодов.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, искусственный интеллект, дискурс, концептуализация.

Для цитирования: Бедненко Ю. И. Концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ в современной языковой картине мира // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 73–80. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-73-80>

Original article

THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MODERN LINGUISTIC WORLDVIEW

Yuliya I. Bednenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, bednenko.yuliya@mail.ru

Abstract. This article explores the concept of ARTIFICIAL INTELLIGENCE through the lens of linguistic worldview theory. Based on the fundamental premise that language structures human experience and perception of reality, key theoretical concepts are consistently explored. Classical approaches to the linguistic worldview (W. von Humboldt, Yu. D. Апресян) and the modern understanding of the concept as a complex mental unit linking individual consciousness, culture, and language are considered. The central part of the work is an analysis of the linguacultural phenomenon of ARTIFICIAL INTELLIGENCE. A

comparison of definitions from various dictionaries demonstrates the formation of a vast lexical-semantic field and the evolution of the term's meaning. The concept, which has transcended scientific discourse, is integrating into the contemporary conceptual sphere, interacting with such basic concepts as FUTURE, REASON, and CREATIVITY. The article explores the variability of perceptions of artificial intelligence in different types of discourse (media, corporate, everyday), where the stable core of the concept is enriched by a dynamic periphery of connotations—from hopes for a technological breakthrough to collective fears. It is concluded that the concept of ARTIFICIAL INTELLIGENCE acts as a multidimensional and dynamic marker of the transformation of the linguistic worldview in the digital age, reflecting processes of understanding technology, changing identity, and reassessing fundamental cultural codes.

Keywords: linguistic worldview, concept, artificial intelligence, discourse, conceptualization.

For citation: Bednenko Yu. I. The concept of artificial intelligence in the modern linguistic worldview. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:73-80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-73-80>

Введение

Человечество воспринимает мир не напрямую, а через призму языка. Язык является не просто инструментом общения – это мощная система, которая активно структурирует наш жизненный опыт, категоризирует явления и задаёт границы возможных интерпретаций реальности.

Веками складываясь в коллективном сознании народа, эта система преобразуется в уникальную языковую картину мира – целостную совокупность представлений, закреплённых в семантике, грамматике и лексикологии конкретного языка. «В каждом языке заключена история и развитие народа, его опыт и способ восприятия действительности. Из-за расхождений в традициях, ценностях и менталитете, каждый народ имеет свою языковую картину мира» [Малахова, Шустова 2023: 43]. Особую значимость приобретает выявление, систематизация, анализ и описание кодов культуры [Шустова, Бессонова, Назаренко 2023: 34].

Проблема взаимосвязи языка, мышления и культуры, которую эта картина мира наглядно иллюстрирует, является одной из центральных и наиболее дискуссионных в современной лингвистике, когнитивистике и философии. Она затрагивает фундаментальные вопросы о природе человеческого познания: определяет ли язык наше мышление или лишь отражает его? Как культурно-исторический опыт народа кодируется в языковых формах? И как эти формы, в свою очередь, влияют на восприятие и поведение следующих поколений?

Для ответа на эти вопросы наука выработала ключевое понятие концепта. Концепты выступают основными строительными блоками языковой картины мира – это комплексные ментальные образования, синтезирующие чувственный опыт, культурные ценности, социальные установки и индивидуальные ассоциации. Изучение концептов позволяет перейти от абстрактной идеи о влиянии языка на мышление к конкретному анализу того, как именно базовые смыслы организуются в сознании носителей разных языков и культур.

Основная часть

О понятии языковой картины мира одним из первых рассуждает В. фон Гумбольдт, который напрямую не формулирует это понятие, но в полной мере раскрывает его. В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» В. фон Гумбольдт писал, что «язык есть орган внутреннего бытия» [Гумбольдт 1984: 44]. Это указывает на то, что готовые идеи не просто называют словами, сам процесс мышления осуществляется с помощью языка.

Центральным понятием для понимания языковой картины мира у В. фон Гумбольдта было понятие внутренней формы языка. Истинная сила языка проявляется не его звуковой формой, а его внутренней интеллектуальной сущностью. Эта сущность – отражение духа народа, его «духовной организации» в эпоху формирования языка.

Слова, по мнению В. фон Гумбольдта, обозначают понятия о них, в которых проявляется национальное своеобразие. Язык может развиваться и обогащаться, не меняя своей внешней формы, благодаря прогрессу идей, поэзии и философии. Язык и культура неразрывно связаны и постоянно влияют друг на друга. Рассматривая концепцию языковой картины мира, нельзя не упомянуть Ю. Д. Апресяна, который внёс существенный вклад в теорию и чьи идеи являются развитием идей В. фон Гумбольдта. Учёный предложил определение языковой картины мира как наивной картины мира – то есть такой системы представления о внешнем мире, которая зашифрована в значениях слов и грамматических категориях языка. Он считал, что «картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира» [Апресян 2006: 35].

Таким образом, языковая картина мира – это исторически сложившаяся в данном языковом коллективе система представлений о мире, закреплённая в значениях языковых единиц, которая оказывает существенное влияние на речевое поведение и познавательные процессы человека.

В настоящее время термин *концепт* является одним из основных в современной лингвистике. Главная сложность в определении заключается в том, что концепт – это когнитивное явление, поэтому увидеть его структуру и проследить этапы эволюции и развития невозможно. Вследствие этого существуют разные подходы к определению и главным отличительным чертам. Многие исследователи долгие годы формулируют свои определения этого понятия, которые затрагивают разные сферы применения и данный ненаблюдаемый феномен можно толковать весьма субъективно.

Термин *концепт* впервые использован С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. в статье «Концепт и слово». Исследователь писал: «Что же это за туманное «нечто», в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значительной мере заключается основная ценность? В проблеме познания – это «нечто» носит название «концепта», под которым надо разуметь два его вида: общее представление и понятие» [Аскольдов 1928: 29]. Здесь нужно пояснить, что в некоторых и других работах термин *концепт* приравнивается к термину *понятие*. Но, например, В. В. Колесов опровергает это и даёт такое определение: «Концепт – не понятие, а сущность понятия, смысл, не обретший формы. Концепт – это сущность, явленная в своих содержательных образах – в образе, в понятии, в символе» [Колесов 2004: 19].

К проблеме концепта в разные периоды времени обращались С. Г. Воркачев [Воркачев 2002], В. И. Карасик [Карасик 1996], Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1996], М. В. Пименова [Пименова 2006], С. Х. Ляпин [Ляпин 1977] и другие. По мнению Р. И. Павилениса, концепт – это «часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павиленис 1986: 279].

Е. С. Кубрякова полагает, что концепт – «это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что концепт – это тот или иной образ, который возникает в сознании человека и является отражением действительности в зависимости от его личного опыта.

На формирование концептов огромное влияние оказывает культурный опыт. Мифы, символы, стереотипы, произведения искусства, пословицы – это всё, что закладывает индивидуальное понимание мира. Такой опыт усваивается через постоянное погружение в коммуникативную среду. Человек, выросший в конкретной культуре, воспринимает эти смыслы как естественные и очевидные. Концепты рождаются в конкретной языковой среде. Люди знакомятся с конкретным словом, с его употреблением в разных контекстах, фразеологизмами.

Слово выступает не просто именем концепта, а инструментом его конструирования, категоризации и встраивания в систему других смыслов. Общепринятой модели структуры концепта пока ещё нет, но многие исследователи выделяют ядро – главную, ближнюю и

наиболее устойчивую часть; ближнюю периферию – менее существенные, но устойчивые признаки; и дальнюю периферию – индивидуальные, ситуативные, ассоциативные связи. Анализ источников формирования и структуры концепта позволяет сделать вывод о его комплексной, многоуровневой и динамической природе. Концепт не является отражением лишь значения слова, а представляет собой мост, связующий индивидуальное сознание с культурой и языком.

Таким образом, концепт можно определить как ментальную репрезентацию, синтезирующую чувственный, культурный и языковой опыт индивида и служащую основным базисом его картины мира. Изучение концептов остаётся центральной задачей психолингвистики, открывающей путь к пониманию глубинных механизмов взаимодействия языка, сознания и культуры.

Стремительная цифровизация и проникновение технологий искусственного интеллекта во все сферы человеческой деятельности от науки и экономики до повседневного общения, обусловили их глубокое внедрение в общественное сознание. Начиная с 2000-х гг. искусственный интеллект стал неотъемлемой частью жизни человека, когда в повсеместное пользование вошли смартфоны, компьютеры с голосовыми помощниками и другими функциями искусственного интеллекта. Этот процесс неизбежно находит отражение в языке, который выступает основным инструментом осмысления, категоризации и оценки нового феномена. На современном этапе развития научной мысли концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ стал популярным объектом исследования в философии, когнитивной лингвистике, дискурсе, лингвокультурологии [Арекеева, Бедненко 2025; Бедненко 2025, 2025а, 2025б].

Концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ перестал быть достоянием узкого круга специалистов, став активным элементом современной концептосферы и важным маркером трансформации языковой картины мира.

Синонимический ряд составляют следующие слова и словосочетания: *машинное обучение, нейросеть, глубокое обучение, алгоритм, чат-бот, робот*. Всё это образует устойчивое концептуальное поле, где искусственный интеллект выступает обобщающим понятием.

В медиа и СМИ можно наблюдать частую подмену этих составляющих концептосферы, что указывает на формирование обобщённого, но нечёткого образа технологии в массовом сознании. Термин *artificial intelligence* был введён на Дартмутской конференции в 1956 г. и изначально обозначал область компьютерных наук, направленную на создание машин, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. В современном языке термин расширил свою семантику, образовав обширное лексико-семантическое поле. Приведём несколько формулировок определений этого словосочетания из словарей (таб. 1).

Таблица 1. Толкование термина *искусственный интеллект*

Словарь	Определение
Большая российская энциклопедия	Искусственный интеллект – раздел информатики, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком. Они имеют ряд особенностей, среди которых – отсутствие заданного алгоритма решения задачи. К прикладным направлениям И.и. относят создание технических устройств, способных к логическим выводам и рациональному поведению, к приобретению новых знаний и диалогу с человеком-пользователем. В теории И.и. используются математические методы и методы структурной лингвистики и когнитивной науки.
Философская энциклопедия	Искусственный интеллект – область компьютерной науки (информатики), специализирующаяся на моделировании интеллектуальных и сенсорных способностей человека с помощью вычислительных устройств. Технологические основы для постановки проблемы И.и.

Словарь	Определение
Финансовый словарь	Искусственный интеллект – способность прикладного процесса обнаруживать свойства, ассоциируемые с разумным поведением человека. Искусственный интеллект – раздел информатики, занимающийся вопросами имитации мышления человека с помощью компьютера.
Энциклопедия культурологии	Искусственный интеллект – проблемная область исследований (научное направление и прикладные разработки) по моделированию человеческой способности к творческой деятельности.
Энциклопедия эпистемологии и философии науки	Искусственный интеллект – направление исследований в современной компьютерной науке, целью которого является имитация и усиление интеллектуальной деятельности человека посредством компьютерных систем.
Большая психологическая энциклопедия	Искусственный интеллект – область исследований, ориентированных на разработку компьютерных программ, способных выполнять функции, обычно ассоциируемые с интеллектуальными действиями (см. интеллект) человека: анализ, обучение, планирование, решение, творчество.
Справочник технического переводчика	Искусственный интеллект – способность вычислительной машины моделировать процесс мышления за счет выполнения функций, которые обычно связывают с человеческим интеллектом.

Представленные определения не противоречат друг другу, а дополняют, раскрывая феномен искусственного интеллекта с разных сторон, закрепленных в языковой практике конкретных профессиональных сообществ. В совокупности они создают богатую палитру смыслов термина.

Анализ этих определений ярко демонстрирует, как языковая картина мира формирует не только способ описания реальности, но и саму концептуализацию одного из ключевых технологических явлений современности. Разные фокусы на трактовку позволяют увидеть в искусственном интеллекте и мощный инструмент, и вызов нашей человеческой идентичности, и объект научного исследования, и предмет философской рефлексии. Феномен искусственного интеллекта не существует в концептуальном вакууме, а активно взаимодействует с фундаментальными культурными кодами, трансформируя их семантическое поле.

В современной языковой картине мира концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ становится центральным узлом, переплетающимся с такими базовыми концептами, как БУДУЩЕЕ, РАЗУМ, ТВОРЧЕСТВО.

Заключение

Анализируя материал разных типов дискурса, можно отметить, что в медиадискурсе концепт представлен как указывающий на сенсационность или драматизацию («угроза», «опасность»); в корпоративном дискурсе акцент смещается на грядущие изменения («прорыв», «технология будущего», «революция»); в обыденном дискурсе превалирует эмоциональность («всех заменит», «останемся без работы») и опора на киноштампы («как в фильме»).

В связи с этим очевидно, что ядро концепта остается относительно стабильным, но периферия и коннотации кардинально меняются в зависимости от коммуникативной среды.

Концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ в современной языковой картине мира предстаёт как комплексный, многомерный и динамичный лингвокультурный феномен. Его изучение позволяет увидеть, как через язык происходит осмысление технологических прорывов, как формируются коллективные страхи и надежды, и как изменяется само понимание человека и его места в мире под влиянием цифровой эпохи.

Список литературы

1. Арекеева Ю. Е., Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «人工智能 / ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» в языковом сознании носителей китайского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. № 1(237). С. 7–15. EDN: NSSGHX
2. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур. 2006. 912 с.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь / под ред. проф. Л. В. Щерба. Л. : Academia. 1928. С. 28–44.
4. Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» в национальном корпусе русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 30–41. EDN: VWLMIO
5. Бедненко Ю. И. Концептсфера «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» в русскоязычном дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 63–70. DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-63-70. EDN: RJTYRS
6. Бедненко Ю. И. Искусственный интеллект и проблема сознания: философские и лингвистические аспекты // Гуманитарные исследования. История и филология. 2025. № 17. С. 103–113. DOI: 10.24412/2713-0231-2025-17-103-113 EDN: LANAJG
7. Большая психологическая энциклопедия. URL: <https://psychology.academic.ru/3616> (дата обращения: 28.08.2025).
8. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/iskusstvennyi-intellekt-ac9fb0> (дата обращения: 28.08.2025).
9. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. 2002. С. 79–95. EDN: TNSOSR
10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 1984. 397 с.
11. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград : ВГСПУ «Перемена», 1996. С. 3–16. EDN: VWLUZP
12. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб. : Петербургское востоковедение. 2004. 240 с. ISBN: 5-85803-242-7 EDN: QQULKB
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. 1996. 245 с. ISBN: 5-89042-018-1 EDN: OGVICE
14. Малахова Е. В., Шустова С. В. Репрезентация концептов МИГРАЦИЯ / МИГРАНТ во фразеологии русского языка // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 43–58. EDN: DIKEQI
15. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центркоцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11–35.
16. Павиленис Р. И. Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. Вильнюс : Академия наук Литовской ССР. Институт философии, социологии и права, 1986. С. 212–289.
17. Пименова М. В., Кондратьева Н. Н. Введение в концептуальные исследования : уч. пособие. ГОУ ВПО «Кемер. гос. ун-т». Кемерово : Кузбассвузизд, 2006. 179 с. ISBN: 5-8353-0468-4 EDN: RLDVBL
18. Справочник технического переводчика. URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/79758/ (дата обращения: 28.09.2025).
19. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469 (дата обращения: 28.09.2025).
20. Финансовый словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23528 (дата обращения: 31.01.2026).
21. Шустова С. В., Бессонова Е. М., Назаренко Е. Н. Фразеологизмы с компонентом фитонимом в немецком и русском языках // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 32–42. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-9-32-42 EDN: XHBWVC
22. Энциклопедия культурологии. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1665 (дата обращения: 28.09.2025).
23. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/277 (дата обращения: 28.09.2025).

References

1. Arekeeva Yu. E., Bednenko Yu. I. Repezentaciya koncepta «人工智能 / ISKUSSTVENNYJ INTELLEKT» v yazykovom soznani nositelej kitajskogo yazyka [Representation of the concept “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” in the linguistic consciousness of Chinese speakers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2025, no. 1(237), pp. 7-15 EDN: NSSGHX (In Russ.).
2. Apresyan Yu. D. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006. 912 p. (In Russ.).
3. Askol'dov S. A. Koncept i slovo [Concept and word]. *Russkaya rech'* [Russian speech]. Leningrad, Academia, 1928, pp. 28-44. (In Russ.).
4. Bednenko Yu. I. Repezentaciya koncepta «ISKUSSTVENNYJ INTELLEKT» v nacional'nom korpuse russkogo yazyka [Representation of the concept “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” in the national corpus of the Russian language]. *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 1, pp. 30-41. EDN: VWLMIO (In Russ.).
5. Bednenko Yu. I. Konceptsfera «ISKUSSTVENNYJ INTELLEKT» v russkoyazychnom diskurse [The conceptual sphere of “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” in Russian-language discourse]. *EvrAzijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2025, no. 4, pp. 63-70. DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-63-70 EDN: RJTYRS (In Russ.).
6. Bednenko Yu. I. Iskusstvennyj intellekt i problema soznaniya: filosofskie i lingvisticheskie aspekty [Artificial Intelligence and the Problem of Consciousness: Philosophical and Linguistic Aspects]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2025, no. 17, pp. 103-113. DOI: 10.24412/2713-0231-2025-17-103-113 EDN: LANAJG (In Russ.).
7. Bol'shaya psihologicheskaya ehnciklopediya [The Great Psychological Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://psychology.academic.ru/3616> (accessed: 28.08.2025).
8. Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru/c/iskusstvennyi-intellekt-ac9fb0> (accessed: 28.08.2025).
9. Vorkachev S. G. Metodologicheskie osnovaniya lingvokonceptologii [Methodological foundations of linguoconceptology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Iss. 3, . 2002, pp. 79-95. EDN: TNSOSR (In Russ.).
10. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress, 1984, 397 p. (In Russ.).
11. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants in language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty* [Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd, Peremena, 1996, pp. 3-16. EDN: VWLUZP (In Russ.).
12. Kolesov V. V. Yazyk i mental'nost' [Language and mentality]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 240 p. ISBN: 5-85803-242-7 EDN: QQULKB (In Russ.).
13. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrac Yu. G., Luzina L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Filologicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 1996, 245 p. ISBN: 5-89042-018-1 EDN: OGVICE (In Russ.).
14. Malahova E. V., Shustova S. V. Repezentaciya konceptov MIGRACIYA / MIGRANT vo frazeologii russkogo yazyka [Representation of the concepts MIGRATION / MIGRANT in the phraseology of the Russian language]. *Migracionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 43-58. EDN: DIKEQI (In Russ.).
15. Lyapin S. H. Konceptologiya: k stanovleniyu podhoda [Conceptology: towards the development of an approach]. *Koncepty. Nauchnye trudy Centrkoncepta* [Concepts. Scientific works of Centerconcept]. Iss. 1, Arhangel'sk, 1977, pp. 11-35. (In Russ.).
16. Pavilenis R. I. Yazyk, smysl, ponimanie [Language, meaning, understanding]. *Yazyk. Nauka. Filosofiya. Logiko-metodologicheskij i semiologicheskij analiz* [Language. Science. Philosophy. Logic, methodological and semiological analysis.]. Vil'nyus, Akademiya nauk Litovskoj SSR, Institut filosofii, sociologii i prava, 1986, pp. 212-289. (In Russ.).
17. Pimenova M. V., Kondrat'eva N. N. Vvedenie v konceptual'nye issledovaniya [Introduction to Conceptual Research]. Kemerovo, Kuzbassvuzizd, 2006, 179 p. ISBN: 5-8353-0468-4 EDN: RLDVBL (In Russ.).
18. Spravochnik tehničeskogo perevodchika [Technical Translator's Handbook]. (In Russ.). Available at: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/79758/ (accessed: 28.09.2025).
19. Filosofskaya ehnciklopediya [Philosophical Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469 (accessed: 28.09.2025).

20. Finansovyj slovar' [Financial Dictionary]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23528 (accessed: 31.01.2026).

21. Shustova S. V., Bessonova E. M., Nazarenko E. N. Frazеologizmy s komponentom fitonimom v nemeckom i russkom yazykah [Phraseologisms with the phytonym component in German and Russian]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2023, no. 9, pp. 32-42. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-9-32-42 EDN: XHBWVC (In Russ.).

22. Ehnciklopediya kul'turologii [Encyclopedia of Cultural Studies]. (In Russ.). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1665 (accessed: 28.09.2025).

23. Ehnciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. (In Russ.). Available at: https://epistemology_of_science.academic.ru/277 (accessed: 28.09.2025).

Информация об авторе

Ю. И. Бедненко – преподаватель, кафедра восточных языков,
Российский государственный гуманитарный университет.

Information about the author

Yu. I. Bednenko – Lecturer, Department of Oriental Languages,
Russian State University for the Humanities.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 25.01.2026.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 81–89.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2026. No. 21. P. 81-89.

Научная статья

УДК 82.081

doi: 10.24412/2713-0231-2026-21-81-89

ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПОЭЗИИ УОЛТА УИТМЕНА И ПАБЛО НЕРУДЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Евгения Владимировна Погадаева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
motus.animi.continuous13@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа онтологических и типологических схождений в «Листьях травы» (*Leaves of Grass*, 1855–1892) Уолта Уитмена и «Всеобщей песне» (*Canto General*, 1950) Пабло Неруды. Актуальность работы обусловлена значением творчества Уолта Уитмена и Пабло Неруды для мировой литературы и литератур двух Америк, а также недостаточной изученностью типологических и онтологических схождений в их поэзии. В работе делается вывод о том, что в художественном сознании поэтов, находящихся в поиске бытийственных основ своих становящихся наций, пространственные категории играют ведущую роль: оба поэта создают типологически схожие образы американского пространства, отличающиеся, однако, национальной спецификой. «Общеамериканское» проявляется в поиске поэтами культурно-цивилизационного архетипа идеального общества – Нового Мира. Несмотря на то что модель Нового Мира, предлагаемая поэтами, предстает как надысторическая, мифологическая, универсальная бытийная субстанция, она никогда не оторвана от Америки (у Уолта Уитмена – от США, у Пабло Неруды – от Латинской Америки и от Чили). Национальное своеобразие идеальных локусов поэтов, желающих утвердить инаковость своих культур, проявляется в том, что они базируются на различных пространственных моделях: мир Уолта Уитмена – на модели горизонтального разомкнутого пространства мира-космоса, в котором главенствует ургия, мир Пабло Неруды – на межпространственной модели мира-хаоса, основанного на гонии. Кроме того, поэты выражают разное отношение к завоеванию континента европейцами: Уолт Уитмен, как представитель североамериканской нации, восхищается открытием Америки, Пабло Неруда, как истинный латиноамериканец, напротив, видит в этом акт виоленсии.

Ключевые слова: Уолт Уитмен, Пабло Неруда, «Листья травы», «Всеобщая песнь», «американское», Америка, типологические схождения, онтология.

Для цитирования: Погадаева Е. В. Образ Америки в поэзии Уолта Уитмена и Пабло Неруды: онтологические и типологические схождения и национальное своеобразие // Гуманитарные исследования. История и филология. 2026. № 21. С. 81–89. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-81-89>

Original article

IMAGES OF AMERICA IN THE POETRY OF WALT WHITMAN AND PABLO NERUDA: ONTOLOGICAL AND TYPOLOGICAL SIMILARITIES AND NATIONAL ORIGINALITY

Evgeniia V. Pogadaeva

Perm State University, Perm, Russia, motus.animi.continuous13@gmail.com

Abstract. The article attempts to analyse the ontological and typological similarities in Walt Whitman's *Leaves of Grass* (1855–1892) and Pablo Neruda's *Canto General* (1950). The relevance of the study is due to the importance of Pablo Neruda and Walt Whitman in world literature and in the literatures of the two Americas. Moreover, the ontological and typological similarities of their poetics remain insufficiently explored. It is concluded that spatial categories play a major role in the artistic consciousness of the poets: being in search of the ontological foundations of their forming nations, they create typologically similar yet nationally distinctive images of America. The typological convergences are seen in the poets' search for a cultural and civilizational archetype of an ideal society, a New World. Although the poets' image of the New World is presented as an ontological substance, which is suprahistorical and mythological, it is inseparable from America (from the USA in Walt Whitman's poetry, from Latin America and Chile in Pablo Neruda's poetry). The national originality of the *loci amoeni* created by the poets, seeking to affirm the uniqueness of their cultures, is reflected in the different spatial models they use: Walt Whitman constructs an open spatial model of a horizontal world-cosmos based on *urgia*, whereas Pablo Neruda builds an interspatial model of a vertical world-chaos grounded in *gonia*. Furthermore, the poets differ in their attitudes to the European conquest of the American continent: while Walt Whitman, as a North American poet, praises the discovery of America, Pablo Neruda, as a Latin American writer, regards it as an act of *violencia*.

Keywords: Walt Whitman, Pablo Neruda, *Leaves of Grass*, *Canto General*, Americanness, America, typological similarities, ontology.

For citation: Pogadaeva E. V. Images of America in the poetry of Walt Whitman and Pablo Neruda: ontological and typological similarities and national originality. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2026;21:81-89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2026-21-81-89>

Введение

Творчество двух поэтов-гигантов Уолта Уитмена (1819–1892) и Пабло Неруды (1904–1973), творивших на разных частях американского континента с разницей почти в сто лет, и индивидуально неповторимо, и типологически и онтологически близко.

Онтологические и типологические схождения, которые можно выделить в поэзии Уитмена и Неруды, являются проблемным полем исследования. Первые шаги в этом направлении были сделаны зарубежными учеными. Так, Дж. Нолан в монографии «Poet-Chief: The Native American Poetics of Walt Whitman and Pablo Neruda» (1994) утверждает, что творчество Неруды и Уитмена имеет общие корни: оно вырастает из устного народного творчества индейцев Северной и Южной Америк, обладающих своим по-настоящему американским голосом, шаманским, племенным. Кроме того, Дж. Нолан справедливо замечает, что Неруду и Уитмена нужно рассматривать не в парадигме влияний североамериканского поэта на латиноамериканского – оба творца, по словам ученого, не только создали американский миф, но и сами стали мифами, влияющими друг на друга, переплетающимися, неразрывно связанными (см.: [Nolan 1994]). Среди последних работ, посвященных этой теме, можно выделить диссертационное исследование У. Аллегреззы «Politicizing the Reader in the American Lyric-Epic: Walt Whitman's *Leaves of Grass* and Pablo Neruda's *Canto General*» (2003), в котором ученый обращается к политическим и идеологическим установкам Уитмена и Неруды и рассматривает «Листья травы» и «Всеобщую песнь» как «политические лиро-эпические справочники» демократии и коммунизма соответственно (см.: [Allegrezza 2003]).

Д. Рюмо отмечает, что связь, существующая между творчеством двух поэтов, прежде всего идейная, а не стилевая: поэзию и Неруды, и Уитмена можно назвать «нечистой» (*poesía impura*)¹ и пространственной. Однако, как утверждает Д. Рюмо, художественное пространство Неруды разворачивается вертикально, в то время как пространство, созданное Уитменом, – горизонтально, пусто и протяженно (см.: [Rumeau 2006]).

¹ Как писал сам Неруда в курируемом им литературном журнале «Зеленый конь поэзии» (*Caballo Verde para la Poesía*), поэзия должна быть «нечистой» (*una poesía sin pureza*), то есть она не может запереться в башню из слоновой кости, отгораживаться от повседневных проблем: настоящий творец должен без прикрас показывать жизнь такой, какая она есть, во всей ее обыденности (см.: [Neruda 2001: 381–382]) – именно этот эстетический принцип, по мнению Д. Рюмо, реализуется в творчестве не только Неруды, но и Уитмена.

Несмотря на то что зарубежные исследователи намечают главные схождения поэтики Уитмена и Неруды, проявляющиеся в их идейном и психологическом содержании, мотивах и поэтических образах, на данный момент ни в зарубежном, ни в российском литературоведении нет работ, посвященных целостному сопоставительному анализу их творчества.

Основная часть

В нашей работе мы сосредоточиваемся в первую очередь на анализе онтологических и аксиологических основ «американского» в лирике Уолта Уитмена и Пабло Неруды, под которым мы, вслед за Г. Д. Гачевым, понимаем «особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [Гачев 1998: 8]. Наиболее ярко они проявляются в воплощенных в «Листьях травы» (*Leaves of Grass*, 1855–1892) Уитмена и «Всеобщей песне» (*Canto General*, 1950) Неруды образах американского пространства, и типологически схожих, и национально своеобразных.

Нельзя не согласиться с А. Ф. Кофманом, что «в литературе практически все пространственные характеристики функционируют гораздо более широко, представляясь одновременно характеристиками психологическими, онтологическими и культурологическими» [Кофман 1997: 25]. Создавая в «Листьях травы» и «Всеобщей песне» образы национальной среды, Уитмен и Неруда выстраивают модели своих культур. «Общеамериканское» в творчестве поэтов наблюдается в формировании нового национального образа мира на основе европейской, англосаксонской и иберийской, матрицы, которая на новой почве по-своему преломляется.

Пространственные категории играют важнейшую роль в американском (североамериканском и латиноамериканском) художественном сознании: обе цивилизации начинались с пространственного опыта – пересечения океана, освоения и колонизации новых земель. Пространство и Уитмена, и Неруды обладает интегрирующей природой, в нем заметно тотальное взаимодействие всего со всем, а также оно находится в состоянии вечного развития, становления, что связано с ощущением поэтами несформированности их культур и желанием замкнуть контуры своих миров, синтезировать в себе все их составляющие и собрать тем самым свою, отличную от европейской, Целостность на новых основаниях:

...always substance and increase, always sex,
Always a knit of identity, always distinction, always a breed of life.

...вечно материя и рост, вечно секс,
Вечно ткань из различий и тождеств, вечно зарождение жизни.¹
[Whitman 2011: 190].

...una rama nació como una isla,
una hoja fue forma de la espada,
una flor fue relámpago y medusa,
un racimo redondeó su resumen,
una raíz descendió a las tinieblas.

...ветка родилась островом,
листья были в форме меча,
цветок был молнией и медузой,
гроздь округлила их итог,
корень спустился в сумерки.
[Neruda 2022: 121].

Такой космизм мироощущения Уитмена и Неруды хорошо описывают следующие слова М. М. Бахтина: «...Неготовое и открытое тело это ... не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» [Бахтин 1990: 34]. Поэтические миры, строимые Уитменом и Нерудой, предельно метафоричны, символичны и наполнены крайне суггестивными образами. Причем создаваемые поэтами

¹ Здесь и далее перевод – наш. Е.П.

метафоры часто представляют собой гиперметафоры, которые могут быть поняты только на пересечении многих образно-тематических векторов, что создает огромную смысловую насыщенность. Думается, что сгущенная метафоричность поэзии Уитмена и Неруды вызвана сущностным желанием поэтов максимально наполнить ранее пустое художественное пространство Нового Мира.

Пространство обоих поэтов природно и одухотворено, что связано не только с их романтическим мироощущением, но и с желанием найти духовный контакт с Новой Землей. Очеловечивая землю и сливая с ней лирического героя, Уитмен и Неруда преодолевали трагический духовный «зазор» между поэтом и его почвой, который возникал как следствие пересечения европейцем культурной и онтологической границы, проходящей между двумя мирами.

В основе метасюжета (термин Н. Л. Лейдермана (см.: [Лейдерман 2010]) книг стихов Уитмена и Неруды, ощущающих несоответствие жизни идеалу гармонического единения людей, лежит имманентно присущий общеамериканскому художественному сознанию поиск культурно-цивилизационного «архетипа» идеального общества, Нового Мира. Новый Мир в их поэзии предстает надысторичным, космичным, универсальным, он существует в мифологическом безвременьи и представляет собой бытийную субстанцию, никогда, однако, не оторванную от Америки (у Уитмена – от США, у Неруды – от Латинской Америки и от Чили). Несмотря на то что в поэзии Уитмена и Неруды ставится глобальный вопрос о перестройке всего человеческого общества, именно американский мир, противопоставленный европейскому, становится наилучшей моделью, в соответствии с которой оно должно существовать:

Lo, the brother orbs around, all the clustering suns and planets,
All the dazzling days, all the mystic nights with dreams,
Pioneers! O pioneers!

These are of us, they are with us...

И кругом братья-планеты, скопления всех солнц и планет,
Все сверкающие дни, все таинственные ночи, наполненные снами,
Пионеры! О, пионеры!

Это все из нас и с нами...
[Whitman 2011: 374].

La luna amasó a los caribes,
extrajo oxígeno sagrado,
machacó flores y raíces.

Луна замесила карибов,
извлекла святой кислород,
смолола цветы и корни.

...el universo iba naciendo
otra vez en la arcilla del tarasco...

...вселенная рождалась
заново из глины тарасков...
[Neruda 2022: 132].

Типологически схожие модели пространства Уитмена и Неруды, обладают национальной спецификой. Уитмен в «Листьях травы» строит модель разомкнутого пространства, представляющего собой бескрайний и неизмеримый космос, в котором все упорядочено, что отражает особенности североамериканского рационалистического типа мышления и особенно проявляется в поэмах «Песня о себе» (*Song of Myself*), «Начиная с Поманок» (*Starting from Paumanok*), «Пионеры! О, пионеры!» (*Pioneers! O Pioneers!*), «Песня большой дороги» (*Song of the Open Road*):

Expanding and swift, henceforth,
Elements, breeds, adjustments, turbulent, quick and audacious...

Отныне все расширяется и стремительно движется,
Стихии, поколения, навыки – все в бурном, быстром и дерзком вихре...
[Whitman 2011: 186–187].

Такое пространство основывается на современной Уитмену Америке и связано в первую очередь с темой свободы, выбором собственной судьбы, и его закономерным символом выступает пионер. Кроме того, в пионерстве нашла выражение невероятная сила духовных потенций американского континента, которому суждено освещать всем остальным единственно правильный демократический путь и раздвигать границы мира. Пространство разомкнутого мира Уитмена протяженно по горизонтали, а время, рождающееся из этого пространства, существует без прошлого и направлено в будущее, что в целом свойственно североамериканскому художественному сознанию (см.: [Гачев 1998: 195]):

See, vast trackless spaces,
As in a dream they change, they swiftly fill,
Countless masses debouch upon them...

Посмотрите на безграничные пространства,
Они меняются, как во сне, с огромной скоростью наполняются,
Бесчисленными массами людей, которые разливаются по ним...
[Whitman 2011: 177].

...We to-day's procession heading, we the route for travel clearing,
Pioneers! O pioneers!

...Сегодня за собой колонну мы ведем, прокладываем путь для будущих походов,
Пионеры! О, пионеры! [Ibid.: 374].

Неруда во «Всеобщей песне» представляет несколько иную модель – модель межпространственности,¹ типичную для латиноамериканской культуры с ее «пограничной», синтетичной природой: его лирический герой застревает на границе между двумя мирами, «своим» (индейским) и «чужим» (испанским), Архаикой и Современностью, и символом этого пограничного мира становится Мачу-Пикчу (поэма «Вершины Мачу-Пикчу» (*Alturas de Macchu Picchu*)). Идеальный Новый Мир, по Неруде, является хаотичным, иррациональным, он может быть познан только чувственно, в чем проявляются особенности латиноамериканского сознания, познающего мир внерационалистическим интуитивным способом:

Oh, Wilkamayu de sonoros hilos,...
qué idioma traes a la oreja apenas
desarraigada de tu espuma andina?
<...>

Qué dicen tus destellos acosados?
Tu secreto relámpago rebelde
antes viajó poblado de palabras?

О, звучаще струющаяся Уилкамайу,² ...
на каком языке говоришь ты на ухо,
только что вырванное из твоей андской
пены? <...>

О чем говорит твой плененный блеск?
Твоя тайная мятежная молния
не была ли раньше полна слов?
[Neruda 2022: 147].

¹ «Разомкнутое пространство», «межпространственность» – выделяемые А. Ф. Кофманом встречающиеся в латиноамериканской и мировой литературе пространственные модели (см.: [Кофман 1997: 67–74]).

² Обращаясь к протекающей под Мачу-Пикчу реке Урубамбе, лирический герой называет ее древним индейским именем Уилкамайу (*Wilkamayu*).

Кроме того, Новый Мир Неруды предельно теллуричен: в его основе лежит не современная поэту действительность, как у Уитмена, а время расцвета автохтонных цивилизаций американского континента, пребывающих в поэтическом мире Неруды в состоянии первозданности и безвременья, *in illo tempore*:

Pero anduve entre llores zapotecas
y dulce era la luz como un venado,
y era la sombra como un párpado verde.

Но я шел по цветам сапотеков,
и свет был сладок, как олень,
и тень была зеленым веком.
[Ibid.: 119].

Orinoco, déjame en tus márgenes
de aquella hora sin hora...

Ориноко, пусти меня в свои берега,
пребывающие во времени без
времени...
[Ibid.: 126].

Пространство нерудовского мира одновременно горизонтально, протяженно, как пространство Уитмена, и вертикально, направлено вглубь континента к его сакральному центру¹ (при этом вертикаль бытия в его мире доминирует):

Arruga y extensión diseminaba
la semilla del viento
sobre las plumas de la cordillera
espesa luz de germen y pezones,
aurora ciega amamantada
por los ungüentos terrenales
de la implacable latitud lluviosa,
de las cerradas noches manantiales,
de las cisternas matutinas.

Борозда и протяженность рассыпала
семя ветра
на перья горного хребта
густой свет ростка и сосков,
слепая заря, вскормленная
земным бальзамом
безжалостной дождливой широты,
закрытых родниковых ночей,
подземных утренних вод.
[Ibid.: 120].

Время, определяемое пространством, движется из настоящего в прошлое («Yo duermo entonces con el sueño / de una semilla, de una larva, / y las escalas de Querétaro / bajo contigo» («Я засыпаю сном / семени, личинки / и по ступеням Керетаро / спускаюсь с тобой» [Ibid.: 130]), однако не всегда становится возможным установить, где кончается один временной пласт и начинается другой, что напоминает эффект палимпсеста. Несмотря на то что история предстает как вневременная субстанция, обращение к ней позволяет поэту, чувствующему сущностную потребность в самоидентификации, в процессе поиска своих корней переосмыслить весь предшествующий ему опыт.

Можно сказать, что в национальном образе мира Уитмена преобладает ургия, Неруды – гония (по Г. Д. Гачеву, под ургией понимается искусственно сделанное с помощью труда, под гонией – естественное и порожденное природой (см.: [Гачев 1998: 20]).² Совершенный человек Неруды естественен и сотворен природой (неслучайно поэт предлагает свою космогонию в поэмах «Земной светильник» (*La Lámpara en la Tierra*) и «Великий океан» (*Gran Océano*), в нем нет ничего искусственного. Природа, существующая в мире поэта как онтологическая категория, властвует над человеком, который не способен и не желает противопоставить ей себя:

¹ Под «сакральным центром» А. Ф. Кофман понимает квинтэссенцию сущности латиноамериканского мира, точку в пространстве, «где происходит максимальная актуализация прошлого» [Кофман 1997: 57].

² Г. Д. Гачев отмечает ургийность Космо-Психо-Логоса США, проявляющуюся в том числе в «Листьях травы» Уитмена (см.: [Гачев 1998: 187–216]).

...agua desconocida, sol malvado,
 ola de cruel espuma,
 tiburón acechante, dentadura
 de las cordilleras antárticas,
 diosa serpiente vestida de plumas
 y enrarecida por azul veneno,
 fiebre ancestral inoculada
 por migraciones de alas y de hormigas,
 tembladeras, mariposas
 de aguijón ácido...

...незнакомая вода, гибельное солнце,
 волна злой пены,
 подстерегающая акула, зубчатая
 гряда атлантических гор,
 богиня-змея, одетая в перья
 и покрытая синим ядом,
 наследственная лихорадка,
 переносимая миграциями птиц
 и муравьев, болотистая почва,
 бабочки с едким жалом...
 [Neruda 2022: 129].

Истинный американец в поэтическом мире Уитмена – в первую очередь «самосделанный человек» (*self-made man*), доверяющий себе, творец и передовой строитель Нового Мира, гармонично сочетающий в себе природное и технократическое. Яркой репрезентацией такого мироощущения является установка Уитмена произвести в «Песне о топоре» (*Song of the Broad-Axe*) замену природного национального символа Америки, орла, искусственным, воплощающим собой чистую ургию, – топором.¹ В поэтическом мире Уитмена топор становится универсальным инструментом творчества и приравнивается к перу – так и поэт формирует образы (*shapes*) Нового мира, Америки, идеального локуса, авангарда мира:

The main shapes arise!
 Shapes of Democracy total, result of centuries,
 Shapes ever projecting other shapes,
 Shapes of turbulent manly cities,
 Shapes of the friends and home-givers of the whole earth,
 Shapes bracing the earth and braced with the whole earth.

Главные образы возникают!
 Образы Демократии, взятой в ее тотальности, достигаемой веками,
 Образы, создающие всё новые образы,
 Образы бурных мужественных городов!
 Образы друзей, готовых предоставить кров, по всей земле,
 Образы, крепящие всю землю и крепнущие вместе со всей землей.
 [Whitman 2011: 341].

Кроме того, находясь в поиске бытийных основ своей цивилизации, Уитмен и Неруда вынуждены воссоздавать в своей поэзии архетипический акт открытия Америки, который реализуется у поэтов по-разному. Уитмен как истинный североамериканец, в основе сознания которого лежит доктрина «Предопределения судьбы» (*Manifest Destiny*), подчеркивающая исключительность американцев, их особую судьбу, безгреховность их деяний перед богом, восхищается открытием Америки:

Americanos! conquerors! marches humanitarian!
 Foremost! century marches! Libertad! masses!

Americanos! победители! марши гуманистов!
 Передовые! марши века! Свобода! массы!
 [Ibid.: 177].

¹ Идея поэмы долго продумывалась Уитменом, что можно заметить в его заметках, сделанных еще до публикации первого издания «Листьев травы» 1855 г., где Уитмен ставит себе следующую задачу: «Сделать его [топор] символом Америки, способным заменить орла» [Notes and Fragments 1899: 33].

Для Неруды, напротив, завоевание американского континента становится воплощением вселенской виоленсии (*violencia*),¹ положившей конец мифу о совершенном Новом Мире:

Madre de los metales, te quemaron,
te mordieron, te martirizaron,
te corroyeron, te pudrieron
más tarde, cuando los ídolos
ya no pudieron defenderte.

Мать металлов, тебя сожгли,
тебя искусали, тебя измучили,
тебя разъели, тебя погубили
тогда, когда идола
уже не смогли защитить тебя.
[Neruda 2022: 128].

Заключение

Основу североамериканской и латиноамериканской ментальностей, нашедших выражение в «Листьях травы» Уитмена и «Всеобщей песне» Неруды, составил процесс самоидентификации становящихся наций, проходивший и в отталкивании от европейского, и в противопоставлении ему. Огромную роль в общеамериканском художественном сознании Уитмена и Неруды играют пространственные категории, определяющие всю картину миров, создаваемых поэтами.

Оба поэта, находящиеся в поиске бытийственных основ своих становящихся наций и стремящиеся утвердить их инаковость, моделируют архетипы идеального Нового Мира, совершенного американского общества, *locus amoenus*. Поэтическое пространство Уитмена и Неруды, создающих тотальный и всеохватывающий образ утопического Нового Мира, обладает интегративно-синтезирующим характером. Несмотря на его надысторическую и мифологическую природу, оно отличается америкоцентризмом.

Типологически схожие образы художественных миров, рисуемых поэтами, национально своеобразны. Они основываются на различных пространственных моделях: Уитмен создает модель разомкнутого пространства мира-космоса, движущегося вперед под знаком пионерства, Неруда – межпространственную модель мира-хаоса, характеризующегося теллуристической природой. Такие пространственные модели определяют категорию времени в поэзии Уитмена и Неруды: если у Уитмена существует только план настоящего и будущего, то у Неруды временные пласты настоящего и прошлого накладываются друг на друга и становятся неразличимы.

Кроме того, поэты выражают разное отношение к завоеванию континента европейцами: для Уитмена освоение земель американцами – нечто закономерное, предначертанное, то, чем следует восхищаться. Неруда, напротив, осуждает конкисту, считая ее разрушительным актом.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с. EDN: VQMUNR
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. М. : Академия, 1998. 432 с.
3. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М. : Наследие, 1997. 320 с.
4. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2010. 904 с.
5. Allegrezza W. Politicizing the Reader in the American Lyric-Epic: Walt Whitman's Leaves of Grass and Pablo Neruda's Canto General: PhD thesis. Louisiana State University, 2003. 239 p.
6. Dorfman A. Imaginación y Violencia en América. Santiago de Chile: Editorial Universitaria, 1970. 224 p.
7. Neruda P. Obras Completas IV. Nerudiana Dispersa I. 1915-1964 / ed. por H. Loyola. Barcelona : Galaxia Gutenberg, 2001. Vol. 4. 1343 p.
8. Neruda P. Canto General. Madrid : Cátedra, 2022. 653 p.

¹ Термин, разрабатываемый в работах А. Дорфмана (см.: [Dorfman 1970]), А.Ф. Кофмана (см.: [Кофман 1997: 273–287]).

9. Nolan J. *Poet-Chief: The Native American Poetics of Walt Whitman and Pablo Neruda*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994. 270 p.
10. *Notes and Fragments* / ed. by R. M. Bucke. London, Ontario, Canada : A. Talbot & Co., 1899. 211 p.
11. Rumeau D. Walt Whitman and Pablo Neruda, American Camerados // *Revue Française d'Études Américaines*. 2006. № 2. P. 47-62. URL: <https://shs.cairn.info/journal-revue-francaise-d-etudes-americaines-2006-2-page-47?lang=en> (last accessed: 05.10.2025).
12. Whitman W. *Leaves of Grass*. New York : Library of America, 2011. 757 p.

References

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The works of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1990, 543 p. EDN: VQMUNR (In Russ.).
2. Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow, Akademiya, 1998, 432 p. (In Russ.).
3. Kofman A. F. *Latinoamerikanskiĭ hudozhestvennyĭ obraz mira* [Latin American artistic image of the world]. Moscow, Nasledie, 1997, 320 p. (In Russ.).
4. Lejderman N. L. *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [Genre Theory: Research and Analysis]. Ekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2010, 904 p. (In Russ.).
5. Allegrezza W. *Politicizing the Reader in the American Lyric-Epic: Walt Whitman's Leaves of Grass and Pablo Neruda's Canto General*, PhD thesis. Louisiana State University, 2003, 239 p.
6. Dorfman A. *Imaginación y Violencia en América*. Santiago de Chile, Editorial Universitaria, 1970, 224 p.
7. Neruda P. *Obras Completas IV. Nerudiana Dispersa I. 1915-1964* / ed. por H. Loyola. Barcelona, Galaxia Gutenberg, 2001, vol. 4, 1343 p.
8. Neruda P. *Canto General*. Madrid, Cátedra, 2022, 653 p.
9. Nolan J. *Poet-Chief: The Native American Poetics of Walt Whitman and Pablo Neruda*. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1994, 270 p.
10. *Notes and Fragments* / ed. by R. M. Bucke. London, Ontario, Canada, A. Talbot & Co., 1899, 211 p.
11. Rumeau D. Walt Whitman and Pablo Neruda, American Camerados. *Revue Française d'Études Américaines*. 2006, no. 2. pp. 47-62. URL: <https://shs.cairn.info/journal-revue-francaise-d-etudes-americaines-2006-2-page-47?lang=en> (accessed: 05.10.2025).
12. Whitman W. *Leaves of Grass*. New York, Library of America, 2011, 757 p.

Информация об авторе

Е. В. Погадаева – аспирант, преподаватель, кафедра зарубежной филологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. V. Pogadaeva – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Foreign Philology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 25.01.2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
А. Л. Белицкая СЛИТКИ-ДРОТЫ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.	7
А. В. Прокопьева ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ (1920–1930-Е ГГ.).....	22
Д. А. Акимцев ИССЛЕДОВАНИЕ УТОПИЙ РУССКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ.....	30
ФИЛОЛОГИЯ	37
Т. Г. Горин СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРАДАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ.....	37
Дун Сяобинь ОТРАЖЕНИЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО КОДА В ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЗООНИМОМ «ОЛЕНЬ»	42
А. А. Саакян КОНЦЕПТ КАК КОМПЛЕКСНАЯ МЕЖУРОВНЕВАЯ ЕДИНИЦА	49
С. А. Рябкин ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ.....	56
Л. М. Бондарева, Т. В. Лопашенкова ХАРАКТЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ АРГУМЕНТАЦИИ В ТЕКСТАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	64
Ю. И. Бедненко КОНЦЕПТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	73
Е. В. Погадаева ОБРАЗ АМЕРИКИ В ПОЭЗИИ УОЛТА УИТМЕНА И ПАБЛО НЕРУДЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ	81

CONTENT

HISTORY	7
A. L. Belitskaia NON-FERROUS METAL INGOTS AND DARTS IN THE EUROPEAN NORTHEAST IN THE SECOND HALF OF THE FIRST THOUSAND YEARS.....	7
A. V. Prokopyeva TRANSFORMATION OF EVERYDAY LIFE AND MIGRATION PROCESSES IN SIBERIA (1920-1930S)	22
D. A. Akimtsev A STUDY OF RUSSIAN UTOPIAS IN THE CONTEXT OF PEASANT WORLDVIEW	30
PHILOLOGY	37
T. G. Gorin SEMANTIC GRADATION OF INSTRUMENTAL VERBS.....	37
Dong Xiaobin THE REFLECTION OF THE ANIMALISTIC CODE IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE WITH THE ZOONYM «DEER».....	42
A. A. Saakyan THE CONCEPT AS A COMPLEX INTER-LEVEL UNIT.....	49
Sergei A. Riabkin ADJECTIVES OF INSTRUMENTAL SEMANTICS	56
L. M. Bondareva, T. V. Lopashenkova THE WAY IN WHICH THE MEANS OF ARGUMENTATION FUNCTION IN THE TEXTS OF MEDIA ENVIRONMENTAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE).....	64
Yu. I. Bednenko THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MODERN LINGUISTIC WORLDVIEW	73
E. V. Pogadaeva IMAGES OF AMERICA IN THE POETRY OF WALT WHITMAN AND PABLO NERUDA: ONTOLOGICAL AND TYPOLOGICAL SIMILARITIES AND NATIONAL ORIGINALITY	81

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2026. № 21

Ответственный редактор выпуска
Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

*Издается в авторской редакции.
Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 20.03.2026

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru